

ВОЛШЕБНЫЙ Сундучок

Хрестоматия
для внеклассного
и семейного
чтения

1-5
КЛАССЫ

Рекомендовано для чтения в течение
учебного года и на каникулах

ВОЛШЕБНЫЙ СУНДУЧОК

Хрестоматия для внеклассного
и семейного чтения

1-5 КЛАССЫ

Донецк
2011

Волшебный сундучок. Хрестоматия для внеклассного и семейного чтения. 1-5 классы / Составитель Ю. Е. Ефременкова. Донецк: ООО «ПКФ «БАО», 2011.— 192 с: ил.

ISBN 978-966-481-480-2

Перед вами книга для чтения, которая подарит вашему ребенку много приятных минут. Произведения, вошедшие в хрестоматию, научат ребенка быть добрым и честным, любить Родину, беречь природу и всегда поступать по совести.

На страницах издания представлены русские народные сказки, былины, приговорки и небылицы, а также стихотворения и проза замечательных русских авторов XIX-XX вв.

Материалы книги могут быть использованы ДЛЯ работы в классе.

Издание адресовано учащимся 1-5 классов; их заботливым родителям, учителям начальной школы.

ББК я7

Все права на книгу находятся, под охраной издательства.

Ни одна часть данного издания, включая, название и художественное оформление, не может перерабатываться, переиздаваться, ксерокопироваться, репродуцироваться или множиться каким-либо иным способом.

Устное

народное творчество

СКАЗКИ

Жили-были да не тужили дед и баба. Жили как все и нажили себе доченьку да сыночка. Доченька была старшая, а сыночек младшенький. Вот как-то раз собрались дед да баба пойти на базар и говорят:

– Дочка, дочка! Мы пойдем на работу, потом на базар. Принесем тебе бараночек да петушков сладких на палочке, сошьем платице, купим платочек. А ты будь умницей, береги братца, не ходи со двора.

Старшие ушли, а дочка забыла, что ей приказывали, посадила братца на травке под окошком, а сама побежала на улицу, заигралась, загулялась. Налетели гуси-лебеди, подхватили мальчика, унесли на крыльшках за темную реку, за лес высокий.

Пришла девочка, глядь – братца нету! Ахнула, кинулась туда-сюда – нету! Кликала, заливалась

слезами, причитывала, что худо будет от отца и матери, – братец не откликнулся!

Выбежала в чистое поле, метнулись вдалеке гуси-лебеди и пропали за темной рекой, за высоким лесом.

Гуси-лебеди давно себе дурную славу нажили, много шкодили и маленьких детей воровали, обратно не возвращали. Так девочка и поняла, что гуси унесли ее братца. Бросилась она их догонять. Бежала, бежала, смотрит, стоит печка.

– Печка, печка, скажи, куда гуси полетели, куда моего братца понесли?

– Съешь моего сладкого пирожка – скажу.

– О, у моего батюшки такие не едятся, если бы с мясом да с маслицем!

Девочка пирожка не съела – печь ничего и не сказала.

Побежала дальше, стоит яблонька.

– Яблонька, яблонька, скажи, куда гуси полетели, куда моего братца понесли?

– Съешь моего дикого лесного яблочка – скажу.

– О, у моего батюшки и садовые не едятся! Девочка яблочка не съела – яблонька ей ничего и не сказала.

Побежала дальше, стоит молочная речка, кисельные берега.

– Молочная речка, кисельные берега, куда гуси полетели, куда моего братца понесли?

– Съешь моего простого киселика с молоком – скажу.

– О, у моего батюшки в сливочки не едятся!

Девочка не съела — речечка ничего и не сказала.

И долго бы ей бегать по полям да бродить по лесу, да, к счастью, попался еж, хотела она его толкнуть, да побоялась уколотся и спрашивает:

— Ежик, ежик, не видал ли, куда гуси полетели, куда моего братца понесли?

— Вон туда-то! — указал.

Побежала — стоит избушка на курьих ножках, стоит-поворачивается. В избушке сидит баба-яга, полос торчком, нос крючком. Сидит и братец на лапочке, играет золотыми яблочками. Увидела его сестра, подкралась, схватила и унесла, а гуси за нею в погоню летят, нагоняют окаянные, куда деваться?

Видит — бежит молочная речка, кисельные берега.

— Речка-матушка, спрячь меня!

— Съешь моего киселика!

Нечего делать, съела. Речка девочку с братцем посадила под бережок, гуси пролетели. Вышла она, сказала: «Спасибо!» — и опять бежит с братцем. А гуси воротились, летят навстречу. Что делать? Беда!

Мечется девочка, мечется, видит — стоит яблонька.

— Яблонька, яблонька, матушка родная, спрячь меня!

— Съешь мое дикое лесное яблочко!

Поскорей девочка яблочко съела да еще и поклонилась-поблагодарила. Яблонька ее с братцем заслонила веточками, прикрыла листиками. Гуси так мимо и пролетели. Вышла и опять бежит с братцем, а гуси увидели — да за ней в погоню. Совсем уже

налетают, уж крыльями бьют, того и гляди – из рук вырвут! К счастью, вот уж на дорого и печка.

– Сударыня печка, спрячь меня!

– Съешь моего пирожка сладкого!

Девочка поскорей сунула пирожок в рот, а сама с братцем в печь юркнула. Спряталась! Гуси полетали-полетали, покричали-покричали и ни с чем улетели.

Девочка печке поклонилась, поблагодарила печку от всего сердца, подхватила братца и побежала.

Вот уже и дом родной виднеется!

Прибежала девочка домой, да хорошо еще, что успела прибежать, а тут и отец с матерью пришли. Посмотрели, что девочка хорошо за братцем следила, все подарочки ей и отдали, да еще и похвалили.

ПРО ЗМЕЯ ОГНЕДЫХА

Жила за морями, жила за долами, за полями и болотами, куда дух человеческий не хаживал, одни княгиня. Правда, что княгиня была и красавица, и черноброва, да уж некстати спесива. Честным людям, бывало, слова не кинет, а простым к ней доступу не было. Дорога к ней была открыта только Змею Огнедыху. А бы про него слыхали? Если не слыхали, так нужно и послушать, чтобы дедкам да бабкам рассказывать.

Так вот, княгиня эта только с ним и водилась, только с ним и пошептывалась. Шу-шу-шу, Ши-ши-ши! О чем? Кто их ведает!

А супруг ее, князь Борис, по обычаю царскому, занимался охотой. И уж охота была, правду сказать, не нашим чета! Не только собаки, да ястреба, да соколы верой-правдой ему служили, но и лисицы и зайцы, и всякие звери, и птицы свою даль приносили. Кто в чем мастером был, тот тем ему и служил: лисица хитростью, заяц прыткостью, орел крылом, ворон клювом да когтями.

Словом, князь Борис со своею охотою был неодолим, страшен даже самому Змею Огнедыху. А все думали, что Змей Огнедых был на все способен, а нет! Зверя победить мог, землю перевернуть мог, мечом раз махнет – весь лес снесет, воды из моря хлебнет – море и высохнет!

Только вот сколько ни задумывал, сколько ни пытался он истребить князя и так я сак – все не удавалось! Да княгиня подсобила. Завела под лоб ясные глазки, опустила белые ручки – слегла больна. Муж испугался, всполошился: чем помочь, чем лечить?

– Ничего меня не поднимет, – сказала она, – кроме волчьего молока. Надо мне им умыться и ручки белые омочить.

Пошел муж за волчьим молоком, взял с собой охоту: собак гончих да соколов ловчих. Попалась ему волчица, только что увидела князя Бориса – в ноги ему повалилась, жалобным голосом взмолилась:

– Князь Борис, помилуй, не губи! У меня детушки малые! Прикажи что угодно, все сделаю!

– Давай своего молока!

Тотчас она молока для него дала и в благодарность еще волчоночка подарила. Борис волчонка отдал в охоту, а молоко принес я?ене. Рад да счастлив, а того не знает, что жена было надеялась: авось муж пропадет! Пришел муж, принес молока – и нечего делать, она волчьим молоком умылась, окатилась и с постельки встала, как ничем не хворала. Муж пуще прежнего обрадовался.

Долго ли, коротко ли, слегла опять. Лежит – охает да стонет.

– Ничем, – говорит, – мне не пособишь – надо за медвежьим молоком сходить.

Князь Борис взял охоту – собак гончих да соколов ловчих, пошел искать медвежьего молока. Медведица зачуяла беду, в ноги повалилась, слезно взмолилась:

– Помилуй, князь Борис, пожалей, у меня детушки малые! Что прикажешь, что пожелаешь – все сделаю!

– Хорошо, давай своего молока!

Тотчас она молока дала и в благодарность медвежонка подарила.

Князь Борис опять возвратился к жене жив и здоров. А она опять за свое:

– Мой милый! Сослужи еще службу, в последний раз докажи свою дружбу, принеси мне львиного молока – и не стану я хворать, стану песни распевать и тебя всякий день забавлять.

Очень князь Борис свою жену любил, захотелось ему видеть жену здоровою, веселою. Потел искать львицу. Дело было не легкое, зверь-то чужой, заморский. Взял он всю свою охоту – собак гончих да соколов ловчих- А еще кликнул клич – и волки, медведи рассыпались по горам, по долам» ястребы, соколы поднялись к небесам, разлетелись по кустам, по лесам. Вот уж львица, как смиренная раба, припала к ногам князя Бориса.

Князь Борис принес львиного молока. Жена поправилась, повеселела, а его опять просит:

– Друг мой, друг любимый! Теперь я и здорова, и весела, а еще бы я и красивее всех девиц была, если бы ты потрудился достать для меня волшебной пыли: лежит она за двенадцатью дверями, за двенадцатью замками, в двенадцати углах чертовой мельницы. Я бы той пылью напудрилась и стала бы краше всех в мире!

Князь Борис вздохнул и вновь в путь-дорогу снарядился – видно, его такая доля была! Пришел к мельнице, замки сами размыкаются, двери растворяются. Набрал князь Борис волшебной пыли, идет назад – двери запираются, замки замыкаются. Он вышел, а охота вся осталась там. Рвется, шумит, дерется – кто зубами, кто когтями ломит двери.

Постоял-постоял, подождал-подождал князь Борис и с горем воротился один домой. Тошно у него было на душе, холодно на сердце, пришел домой – а в доме жена бегают и весела, и молода. А рядом с ней Змей Огнедых хозяйничает:

– Здорово, князь Борис! Теперь-то не сносить тебе головы, нет с тобой твоих верных помощников! Вот тебе от меня подарочек – острый меч на твою голову.

– погоди, Змей! – сказал князь Борис – Я в твоей воле, а умирать безвестно не хочу. Слушай, спою я на прощанье три песни.

Спел одну – Змей заслушался. А ворон, что мертвечину клевал, поэтому и в западню не попал, кричит:

– Пой, пой, князь Борис! Твоя охота три двери прогрызла!

Спел другую – ворон кричит:

– "Пой, пой, уже твоя охота девятую дверь прогрызает!

– Довольно, хватит наши ушеньки мучить! – зашипел Змей Огнедых. – Протягивай шею, принимай подарок – острый меч на твою голову!

– Слушай третью, Змей Огнедых! Я пел ее перед свадьбой, спою и перед могилой.

Затянул третью песню, а ворон кричит:

– Пой, пой, князь Борис! Уже твоя охота последний замок ломает!

Князь Борис окончил песню, протянул шею и крикнул в последний раз:

– Прощай, белый свет, прощай, моя охота!

А охота тут и есть, легка на помине, летит туча тучей, бежит полк полком! Змея Огнедыха звери в клочки расхватали, жену птицы мигом заклевали, и остался славный князь Борис один со своею охотою век доживать, один горе горевать, а стоил бы лучшей доли.

Да только в жизни всегда так бывает: бойцом-удальцом родился, да только того мало, коли встретится тебе на дуги гадина, так тебя и под землю утащит, счастье твое отберет.

ЕЛЕНА-ЦАРЕВНА И ЖАР-ПТИЦА

В некотором царстве, что за тридевять земель лежит, в тридесятом государстве жил-был сильный, могучий царь. У того царя был стрелец – молодой молодец, удалой удалец, а у стрельца – молодого молодца, удалого удалца – конь богатырский. Раз поехал стрелец на своем богатырском коне в лес поохотиться. Едет он дорогою, едет широкою – и наехал на золотое перо жар-птицы. А перо то всю дорогу освещает, как огонь перо светится!

Говорит ему богатырский конь:

– Не бери золотого пера, возьмешь – горе узнаешь.

А поскольку конь был стрелцу другом верным, задумался добрый молодец – поднять перо аль нет? Коли поднять да царю поднести, ведь он щедро наградит. А царская милость кому не дорога?

Не послушался стрелец своего коня, поднял перо жар-птицы, привез и подносит царю в дар.

– Спасибо великое! – говорит царь. – Да уж коли ты достал перо жар-птицы, то достань мне и саму птицу. Достанешь – одарю и за перо, и за птицу, а не достанешь – гулять моему мечу по твоему молодецкому плечу!

Стрелец залился горькими слезами и пошел к своему богатырскому коню.

– О чем плачешь, хозяин?

– Царь приказал жар-птицу добыть, ту, которой мы перо подобрали.

– Я ж тебе говорил: не бери пера, горе узнаешь! Ну да не бойся, не печалься – это еще не беда, беда впереди! Ступай к царю, проси, чтоб к завтрашнему дню сто кулей белоярой пшеницы было по всему чистому полю разбросано.

Царь приказал разбросать по чистому полю сто кулей белоярой пшеницы.

На другой день на заре поехал стрелец – молодой молодец, удалой удалец на то поле, пустил коня по воле гулять, а сам за дерево спрятался.

Вдруг зашумел лес, поднялись волны на море – летит жар-птица, всю землю своим светом одела. Прилетела, спустилась наземь и стала клевать пшеницу.

Богатырский конь подошел к жар-птице, наступил на ее крыло копытом и крепко к земле прижал, а стрелец — молодой молодец, удалой удалец выскочил из-за дерева, прибежал, связал жар-птицу веревками, сел на лошадь и поскакал во дворец с легким сердцем.

Приносит царю жар-птицу. Царь ту птицу увидал, возрадовался, благодарил стрельца за службу, жаловал его чином да деньгами, но тут же задал ему другую задачу:

— Коли ты сумел достать жар-птицу, так достань же мне невесту достойную. Говорили мне, что за тридевять земель, на самом краю света, где восходит красное солнышко, есть Елена-царевна. Умна она да пригожа. Только Елена-царевна мне под стать, только ее мне и надобно. Достанешь, златом-серебром награжу, а не достанешь — гулять моему мечу по твоему молодецкому плечу!

Залился стрелец горькими слезами, пошел к своему богатырскому коню.

— О чем плачешь, хозяин? — спрашивает конь.

— Царь приказал добыть "мне Елену-царевну, чтобы сделать ее царицею.

— Не плачь, не тужи — это еще не беда, беда впереди! Ступай к царю, попроси палатку с рубиновой маковкой да разных припасов и напитков на дорогу.

Царь дал ему и припасов, и напитков, и палатку с рубиновой маковкой, с золотыми колышками да серебром вышитую. Стрелец — молодой молодец, удалой удалец сел на своего богатырского коня и поехал за тридевять земель.

Долго ли, коротко ли – приезжает он на край света, где красное солнышко из синего моря восходит. Смотрит, и по синему морю плывет Елена-царевна в серебряной лодочке, золотым веслом подгребает.

Стрелец – молодой молодец, удалой удалец пустил своего коня в зеленых лугах гулять, свежую травку щипать. А сам разбил палатку с рубиновой маковкой, с золотыми колышками да серебром вышитую, расставил разные кушанья и напитки, сел в палатке – угощается, Елены-царевны дожидается.

А Елена-царевна усмотрела рубиновую маковку, приплыла к берегу, выступила из лодочки и любитесь на палатку.

– Здравствуй, Елена-царевна! – говорит стрелец – молодой молодец, удалой удалец. – Милости просим хлеба-соли откусать, заморских вин испробовать.

Долго думала Елена-царевна, да только больно интересно ей было, что то за молодец такой прекрасный в таком шатре поселился. Вошла Елена-царевна в палатку, начали они есть-пить, веселиться. Выпила царевна стакан заморского вина, опьянела и крепким сном заснула.

Тут же стрелец – молодой молодец, удалой удалец крикнул своему богатырскому коню. Конь примчался. Тотчас снимает стрелец палатку с рубиновой маковкой, садится на богатырского коня, берет с собой сонную Елену-царевну и пускается в путь-дорогу. Да так спешит, что и птица его не догонит.

Приехал к царю. Тот увидал Елену-царевну, сильно возрадовался, благодарил стрельца за верную службу, наградил его казной великой и пожаловал большим чином.

Елена-царевна проснулась, узнала, что она далеко-далеко от синего моря, стала плакать, тосковать, совсем с лица переменилась. Сколько царь ни уговаривал, сколько ее музыкой да угощением ни пытался развеселить – все понапрасну.

Вот задумал царь на ней жениться, а она и говорит:

– Пусть тот, кто меня сюда привез, поедет к синему морю, посреди того моря лежит большой камень, под тем камнем спрятано мое подвенечное платье – без того платья замуж не пойду!

Царь тотчас за стрельцом – молодым молодцом, удалым удалцом:

– Поезжай скорей на край света, где красное солнышко восходит. Там на синем море лежит большой камень, а под камнем спрятано подвенечное платье Елены-царевны. Достань это платье и привези сюда. Пришла пора свадьбу играть! Достанешь – больше прежнего награжу, а не достанешь – гулять моему мечу по твоему молодецкому плечу!

Залился стрелец горькими слезами, пошел к своему богатырскому коню. «Правильно конь мой говорил, что те задачи – не беда, беда впереди будет. Вот и пришло то самое время – погибать мне молодому!» – думает стрелец.

– О чем плачешь, хозяин? – спрашивает конь.

— Царь велел со дна моря достать подвенечное платье Елены-царевны.

— А что говорил я тебе: не бери золотого пера, горе наживешь! Нуда не бойся — это еще не беда, беда впереди! Садись на меня, да поедem к синему морю.

Долго ли, коротко ли — приехал стрелец — молодой молодец, удалой удалец на край света и остановился у самого моря.

Богатырский конь увидел, что большущий морской рак по песку ползет, и наступил ему на шейку своим тяжелым копытом.

Заговорил морской рак жалобно:

— Не дай мне смерти, а дай живота! Что тебе нужно, все сделаю.

Отвечал ему конь:

— Посреди синя моря лежит большой камень, под тем камнем спрятано подвенечное платье Елены-царевны. Достань это платье, больше мне от тебя ничего не надобно!

Рак крикнул громким голосом на все синее море, тотчас море всколыхнулось: сползли со всех сторон на берег раки большие и малые — тьма-тьмущая! Старшой рак отдал им приказание, бросились они в воду и через час времени вытащили со дна моря, из-под великого камня, подвенечное платье Елены-царевны.

Приезжает стрелец — молодой молодец, удалой удалец к царю, привозит царевнино платье. Вроде бы пора честным пирком да за свадебку, только Елена-царевна опять заупрямилась, опять перечит.

— Не пойду, — говорит царю, — за тебя замуж пока не велишь ты вскипятить три котла воды да три котла молока. Искупайся в них — станешь молодым да пригожим. Вот тогда я за тебя и замуж пойду! Таково последнее мое слово.

Царь за жизнь свою испугался. «Надо это страшное средство на другом испытать», — думает.

Вот и велел стрельцу — молодому молодцу, удалому удалцу в трех котлах кипящей воды искупаться, а потом еще и в кипящее молоко нырнуть. Царь приказал налить чугунный котел воды, вскипятить так, чтобы белым ключом била, да в тот кипяток стрельца бросить. А коли выживет, так еще и в молоко кипящее бросить. Вот все готово, вода кипит, брызги так и летят. Молоко пенится. Привели бедного стрельца.

«Вот беда так беда! — думает он. — Ах, зачем я брал золотое перо жар-птицы? Зачем коня, друга своего верного, не послушался?»

Вспомнил про своего богатырского коня и говорит царю:

— Царь-батюшка милосердный! Позволь перед смертью пойти с конем попрощаться.

— Хорошо, ступай попрощайся!

Пришел стрелец к своему богатырскому коню и слезно плачет.

— О чем плачешь, хозяин?

— Царь велел в кипятке искупаться.

— Не бойся, не плачь, жив будешь! — сказал ему конь и наскоро заговорил стрельца, чтобы кипяток не повредил его белое тело.

Вернулся стрелец из конюшни. Тотчас подхватили его рабочие люди – и прямо в котел. Он все шесть котлов прошел, выскочил – и сделался таким красавцем, что ни в сказке сказать, ни пером описать. Царь увидал, что он таким красавцем сделался, захотел и сам искупаться да красавцем стать. Полез сдуру в воду и в ту же минуту сварился, точно рак.

Царя схоронили, а на его место всем народом выбрали стрельца – молодого молодца, удалого удалца. Он женился на Елене-царевне и жил с нею долгие лета в любви и согласии.

Я тоже там был, видел, как стрелец в кипяток прыгал, и сам хотел таким же красавцем стать, да вовремя одумался, а то кто бы вам сказку сказывал?

ЧУДЕСНАЯ ВОДИЦА

Жил-был царь, великий государь. У царя этого было три сына. Он был до того стар, что уж ничего не видел и не слышал.

Однажды ему приснилось, что где-то на свете есть город, а в том городе колодец. Если умыться водой из того колодца – сразу помолодеешь, снова будешь видеть и слышать. Вот как только пришел светлый день, проснулся царь, собрал всех своих сыновей, рассказал им свой сон и добавил:

– Растил я вас, детушки, голубил, теперь и ваша очередь об отце позаботиться! Добудьте мне эту воду, ведь кроме здоровья ничего мне уж не надобно.

Кто из вас ту воду добудет, тому на моем месте и править всем царством.

Старший сын и говорит:

– Дай мне денег, корабль с матросами, я поеду на поиски этой воды.

Царь дал ему все, что просил, благословил и отпустил. После долгого пути приплыл старший сын к неизвестному городу. Корабль причалил к берегу, и царь той земли сейчас же послал своих людей пригласить к нему хозяина корабля. Тот отправился с ними. Входит, а царь учтиво спрашивает:

– Кто ты? Откуда? Куда едешь? От радости аль от горя тебя сюда ноги привели?

А тот дерзко отвечает, что он, мол, царевич и никто не имеет права задавать ему такие вопросы.

Царь рассердился, как же так – в его собственном царстве такие речи слышать! И велел заковать дерзкого и бросить в темницу.

Слуг его постигла та же участь, а корабль царь взял в свою казну.

Прошел год, а о царевиче ни слуху ни духу. Тогда второй сын говорит отцу:

– Раз брат мой так долго не возвращается, дай мне денег и корабль с матросами, теперь я поеду искать чудесную воду.

Отец снарядил его, как и первого, благословил и отпустил. А тот выехал в море и поплыл. Плыл-плыл и приплыл к тому самому городу, где его брат сидел в тюрьме.

Когда корабль причалил, царь той земли сейчас же послал людей, чтобы привели к нему хозяина корабля. Вошел царевич, а царь спрашивает:

– Кто ты? Откуда? Куда едешь? От радости аль от горя тебя сюда ноги привели?

А тот дерзко отвечает, что он, мол, царевич и никто не имеет права задавать ему такие вопросы. Царь разгневался, заковал дерзкого и бросил в темницу.

Так прошел еще год, а о втором сыне ни слуху ни духу. Тогда младший сын говорит отцу:

– Что же делать? Дай мне денег и корабль с матросами, пришла моя очередь идти на поиски чудесной воды.

Отец сначала не хотел отпускать последнего сына в поход, а потом все-таки снарядил его, как и стар-

ших, и отпустил с благословением. Приплыл младший сын в город, где его братья сидели в темнице. Только его корабль причалил к берегу, царь той земли послал людей звать хозяина к себе. Приходит он к царю, а тот спрашивает:

– Кто ты? Откуда? Куда едешь? От радости аль от горя тебя сюда ноги привели?

Царевич печально стал рассказывать все по порядку: как его старик отец ослеп и оглох, как он видел сон, будто вода из колодца, который находится в неведомом городе, может вернуть ему глаза и слух.

После поведал, как два старших брата поехали искать ту воду, да так и не вернулись, а царь больно от того горюет, все больше стареет.

Выслушал его царь и говорит:

– Коли так, сынок, счастливого тебе пути! Когда будешь возвращаться, смотри, не проезжай мимо. Ведь и мне много лет, а если ты, дай бог, найдешь эту воду, я тоже не прочь в ней искупаться и помолодеть.

Царь отпустил царевича по-хорошему, и тот отправился дальше. Долго плыл он и наконец приплыл к большому острову. Корабль причалил, царевич сошел на берег, сел на коня и поехал сушей, а людей всех оставил на корабле ждать своего возвращения. Отъехал немного, и встретился ему старичок пустынный.

– Благослови тебя Господь, добрый человек! – сказал царевич и спросил, не знает ли он, где находится такой-то город. Пустынный ответил, что не слышал, но добавил:

— Зайди в этот дремучий лес. Там уж сто лет живет охотник. Ой умеет говорить с птицами. Может быть, от них он слыхал о таком городе.

Царевич зашел в древний дремучий лес и вскоре увидел охотника.

— Я слышал, добрый человек, — сказал он, — что ты умеешь разговаривать с птицами. А они ведь повсюду летают. Не слыхал ли ты от них, где находится такой-то город?

— Никогда не слыхал, но мы их сейчас еще спросим.

Созвал охотник птиц и спрашивает:

— Не видал ли кто-нибудь из вас такого-то города?

Птицы в один голос ответили «нет», но добавили:

— Тут есть один ястреб, такой он старый, что уж и летать не может и потому остался в лесу. Да только пока он молод был, много в своей жизни летал, много видывал. Может быть, он знает что-нибудь об этом городе.

Царевич пошел с охотником к ястребу и спросил его.

— Только один раз на своем веку пролетал я над ним, — ответил ястреб. — Путь трудный. Чтобы попасть туда, надо привести с собою девять жирных свиней, да взять две метлы и коромысло с ведрами.

— Зачем это? — спрашивает царевич.

— Девять сильных и злых львов сидят в воротах и стерегут город. Они набрасываются на каждого, кто осмеливается туда подойти. А кинешь каждому

по жирной свинье — они ими и займутся. Войдешь в город, увидишь, как две девушки чистят мостовую руками. Они могут выцарапать человеку глаза. Надо им дать по метле — они и успокоятся.

Третья девушка одна поливает весь город, а воду таскает ладонями. Ей надо дать коромысло с ведрами — она и отстанет. Да и в город-то попасть нужно ровно в полдень. В это время царица всегда спит. Надо все как можно скорее сделать и бежать.

Царевич посадил ястреба на коня и поехал обратно на корабль.

Поплыли дальше. В пути царевич хорошо кормил ястреба, чтобы тот поздоровел и окреп. Вот они приплыли к нужному острову. Ястреб говорит:

— Полечу-ка я туда сперва сам и посмотрю, что там делается.

Взвился он под облака, пролетел над городом, все высмотрел и вернулся.

— Выехать надо завтра чуть свет, чтобы к иолудню поспеть в город, — сказал он.

Чуть занялась заря, они встали и отправились в путь. Ровно в полдень подъехали к самому городу. Царевич впереди, слуги за ним. Только подошли они к городским воротам, как на них кинулось девять страшных львов. Но слуги бросили им девять жирных свиней, и те занялись ими. Вошли в город, а там две девушки чистят улицы руками. Увидели людей, бросились на них. Но им кинули две метлы, они и успокоились. Прошли еще немного и увидели колодец, а у колодца девушку, которая таскала воду ладонями. Она тоже кинулась было на них, но они

бросили ей коромысло с ведрами, она и отстала. Слуги взяли воды из колодца и понесли ее на корабль.

Царевич же не удержался, побороло его любопытство, пошел он во дворец посмотреть на царицу. Она спала. Он потихоньку подошел» смотрит, а она такая красавица, что ни в сказке сказать, ни пером описать! Не удержался он, поцеловал ее(снял у нее с правой руки перстень, а с левой ноги башмачок, повязал ей тонкую ниточку на щиколотку и вернулся на корабль, который сразу отчалил и пустился в обратный путь.

Царица проснулась, когда они были уже далеко от города. Она сразу поняла, что случилось, выбежала из дворца, закричала на девушку, которая поливает город;

– Ах ты негодная! Сколько лет служила мне верой и правдой, а теперь изменила!

А девушка в ответ:

– Я служу тебе столько лет, а ты мне ни разу не дала ни ведра, ни коромысла. Приходилось таскать воду ладонями. От такой работы любая озвереет! А этот незнакомец, как пришел, сразу дал мне и ведра, и коромысло.

Царица пошла к девушкам, которые чистили улицы руками, и стала кричать на них:

– Ах вы негодные! Сколько лет служили мне верой и правдой, а теперь изменили!

А девушки стали оправдываться:

– Столько лет мы тебе служим, а ты нам ни разу метлы не дала. От такой работы бессмысленной

любая озвереет! А этот гость неведомый, как пришел, дал каждой по метле.

Наконец царица пришла ко львам и говорит:

— Ах вы такие-сякие! Что вы наделали? Сколько лет мне служили верой и правдой, а теперь изменили!

А львы отвечают:

— Столько лет мы тебе служим, а ты ни разу нас досыта не накормила. А он, как пришел, дал каждому по жирной свинье.

Царица промолчала, поняла она, что сама во всем виновата. Смягчилась она сердцем, решила, что человек, который за водою приходил, на доброе дело ту воду забрал. А раз он человек добрый, так и в женихи ей сгодится. Решила тогда царица за ним вдогонку ехать. Снарядила корабли, взяла слуг и поехала своего суженого разыскивать.

А тем временем царевич после долгого пути опять приехал к тому городу, где его братья сидели в темнице. Царь как узнал о его приезде, вышел ему навстречу, поздоровался с ним дружелюбно и спрашивает:

— Ну что, сынок, нашел то, что искал?

— Да, слава Богу, нашел, — отвечает царевич. Царь очень обрадовался и говорит:

— Давай-ка проверим, правда ли эта вода обладает чудесной силой.

Царь искупался в этой воде и вышел из нее здоровым и молодым, точно ему двадцать лет.

— Раз ты меня так порадовал, — сказал он царевичу, — то и я тебя порадую. Твои братья живы, у меня они.

Вели себя они не так умно, как ты, и стали мне дерзить. Вот я и задержал их. А теперь я ради тебя выпускаю их на волю.

Царь приказал привести царевичей и передал их брату, вернул им корабли и людей да сверх того наградил и снабдил всем необходимым на дорогу. Сели они, каждый на свой корабль, и поплыли домой.

В пути старшие братья стали думать, как бы отобрать у младшего воду, чтобы самим угодить отцу, чтобы самим царством править. Ничему доброму их плен не научил!

Подкупили братья слуг своего младшего брата. Вот те и перелили чудодейственную воду в их сосуды, а в сосуд младшего налили морской воды.

Отец с нетерпением ждал их возвращения, очень обрадовался, когда всех троих братьев вместе увидел.

— Добро пожаловать, детушки! Ну что, нашли чудесную воду? — спросил он у сыновей.

— Нашли, слава Богу. Пусть-ка младший брат сначала покажет свою воду, а там уж и мы свою, — сказал старший.

Слуги тут же вылили воду из сосуда младшего брата, царь в ней искупался, но вода не помогла. Он и говорит старшим братьям:

— Ну-ка, посмотрим теперь, что у вас за вода. Те принесли воду, царь искупался в ней и сразу помолодел, стал видеть и слышать, как юноша. Набросился он на младшего сына:

— Ничего-то ты не сумел найти. Привез морскую воду! Ступай теперь куда глаза глядят и ноги несут, раз ты меня обманул. Не нашел ничего, так и сказал бы правду!

Прогнал царь со двора младшего сына. Пошел тот бродить по свету, начал работу себе искать и нанялся пасти скот у одного богатого хозяина.

А царица, у которой он воду забрал, тем временем все продолжала его искать. После долгого пути прибыла она к городу, где жил царевич. Корабль причалил, царица сошла на берег, раскинула шатер и тут же написала царю письмо:

– Пришли мне того человека, что взял у меня воду. Царь отправил старшего сына. Сел тот на коня,

подъехал к шатру царицы.

Она встретила его радушно и спрашивает:

– Ты взял у меня воду? -Я.

– А еще что-нибудь взял?

– Нет, ничего, красавица, не брал, я ведь человек честный!

Царица размахнулась и ударила его по лицу. От ее легкого удара у него сразу вылетело два зуба. Царица отослала его к отцу со словами:

– Пойди и скажи отцу, пусть пришлет того, кто взял у меня воду, а то все ваше царство пожгу. Мое слово крепко!

Старший сын возвратился и рассказал отцу все, как было. Тот отправил к царице второго сына. Она и его приветливо встретила и спрашивает:

– Ты унес у меня воду?

– Я.

— А еще что-нибудь взял?

— Нет, ничего, красавица, не брал, я ведь человек честный!

Царица его ударила по лицу так, что у него вылетело четыре зуба.

— Знаешь что? — сказала царица. — Кланяйся отцу и скажи, что если он не пришлет того человека, что унес у меня воду, то я разорю все его царство. Мое слово крепко!

Средний брат возвратился к отцу и рассказал ему все по порядку. Царь старших братьев в обмане изобличил, крепко выбранил и отправил искать младшего.

Долго они по свету плутали, но все-таки дошли до села, где служил царевич.

А тот со скотиной возится, босиком ходит. Сначала царевич не хотел признаваться, кто он, но когда понял, что отцу все известно, собрался и отправился домой.

А когда пришел, отец обнял его и говорит:

— Где же ты был, сын? Ведь царство погибает!

— Да кто ж виноват? Дай мне коня, я и поеду к царице.

Царь собрал его и отправил. Царица, как увидела его, сразу признала. Однако все-таки решила проверить.

Царевич вошел в шатер, царица его спрашивает:

— Ты унес у меня воду?

-Я.

- А еще что?

Он достает перстень, башмачок и говорит:

– Вот это. Да кроме того, у тебя на щиколотке я метку оставил, ниточку повязал.

Тут они обнялись и поцеловались, а потом пошли в город и обвенчались. Отец еще при жизни передал сыну царство, а старших сыновей прогнал. Так младший сын стал царем двух царств.

БЫЛИНЫ

ИСЦЕЛЕНИЕ ИЛЬИ МУРОМЦА

В славном городе во Муромле,
Во селе было Карачарове,
Сиднем сидел Илья Муромец, крестьянский
сын,

Сиднем сидел цело тридцать лет.
Уходил государь его батюшка
Со родителем со матушкою
На работушку на крестьянскую.

Как приходили две калики перехожие
Под тое окошечко косявчето.
Говорят калики таковы слова:
"Ай же ты Илья Муромец, крестьянский сын!
Отворяй каликам ворота широкие,
Пусти-ка калик к себе в дом".

Ответ держит Илья Муромец:
"Ай же вы, калики перехожие!
Не могу отворить ворот широких,
Сиднем сию целю тридцать лет,
Не владаю ни рукамы, ни ногамы".
Опять говорят калики перехожие:
"Выставай-ка, Илья, на резвы ноги,
Отворяй-ка ворота широкие,
Пускай-то калик к себе в дом".
Выставал Илья на резвы ноги,
Отворял ворота широкие
И пускал калик к себе в дом.
Приходили калики перехожие,
Они крест кладут по-писаному,
Поклон ведут по-ученому,
Наливают чарочку питьица медвяного,
Подносят-то Илье Муромцу.
Как выпил-то чару питьица медвяного,
Богатырско его сердце разгорелось,
Его белое тело распотелось.
Воспроговорят калики таковы слова:
"Что чувствуешь в себе, Илья?"
Бил челом Илья, калик

поздравствовал;

"Слышу в себе силушку великую".
Говорят калики перехожие:
"Будь ты, Илья, великий богатырь,
И смерть тебе на бою не писана;
Бейся-ратися со всяким богатырем
И со всею паленицею удалою,
А только не выходи драться

С Святогором-богатырем -
Его и земля на себе через силу носит;
Не ходи драться
с Самсоном богатырем -
У него на голове семь власов
ангельских;
Не бейся и с родом Микуловым -
Его любит матушка сыра земля;
Не ходи още на Вольгу Сеславьича -
Он не силою возьмет,
Так хитростью-мудростью.
Доставай, Илья, коня себе
богатырского,
Выходи в раздольице чисто поле,
Покупай первого жеребчика,
Станови его в сруб на три месяца,
Корми его пшеном белояровым.
А пройдет поры-времени три месяца,
Ты по три ночи жеребчика
в саду поваживай
И в три росы жеребчика выкатывай,
Подводи его к тыну ко высокому.
Как станет жеребчик через тын
перескакивать
И в ту сторону и в другую сторону,
Поезжай на нем, куда хочешь,
Будет носить тебя".
Тут калики потерялися.
Пошел Илья ко родителю ко батюшку
На тую на работу на крестьянскую,

- Очистить надо пал от дубья-колодья.
Он дубье-колодые все повырубил,
В глубоку реку повыгрузил,
А сам и сшел домой.

Выстали отец с матерью от крепкого
сна -испужались:

"Что это за чудо подеялось?
Кто бы нам это сработал работушку?"

Работа-то была поделана,
И пошли они домой.
Как пришли домой, видят:
Илья Муромец ходит по избы.

Стали его спрашивать,
Как он выздоровел.
Илья и рассказал им,
Как приходили калики перехожие,
Поили его питыцем медвяным -
И с того он стал владать руками и ногами
И силушку получил великую.

Пошел Илья в раздольице чисто поле,
Видит: мужик ведет жеребчика немудрого,
Бурого жеребчика косматенького.

Покупал Илья того жеребчика,
Что запросил мужик, то и дал;
Становил жеребчика в сруб на три месяца,
Кормил его пшеном белояровым,
Поил свежей ключевой водой.

И прошло поры-времени три месяца.

Стал Илья жеребчика по три ночи в саду пова-
живать,

В три росы его выкатывал;

Подводил ко тыну ко высокому,
И стал бурушко через тын перескакивать
И в ту сторону и в другую сторону.
Тут Илья Муромец Седлал добра коня, заузды-
вал,
Брал у батюшки, у матушки Прощеньице-
благословеньице
И поехал в раздольице чисто поле.

ИЛЬЯ И СОЛОВЕЙ РАЗБОЙНИК

Из того ли то из города из Мурома,
Из того села да Карачарова
Выезжал удаленький дородный добрый моло-
дец.
Он стоял заутреню во Муроме,
А й к обеденке поспеть хотел он в стольный
Киев-град.
Да й подъехал он ко славному ко городу к Чер-
нигову.
У того ли города Чернигова
Нагнано-то силушки черным-черно,
А й черным-черно, как черна ворона.
Так пехотою никто тут не прохаживат,
На добром коне никто тут не проезживат,
Птица черный ворон не пролётывает,

Серый зверь да не прорыскиват.

А подъехал как ко силушке великой,

Он как стал-то эту силушку великую,

Стал конем топтать да стал копьем колоть,

А й побил он эту силу всю великую.

Он подъехал-то под славный под Чернигов-град,

Выходили мужички да тут черниговски

И отворяли-то ворота во Чернигов-град,

А й зовут его в Чернигов воеводою.

Говорит-то им Илья да таковы слова:

- Ай же мужички да вы черниговски!

Я не йду к вам во Чернигов воеводою.

Укажите мне дорожку прямоезжую,

Прямоезжую да в стольный Киев-град.

Говорили мужички ему черниговски:

- Ты, удаленький дородный добрый молодец,

Ай ты, славный богатырь да святорусский!

Прямоезжая дорожка заколодела,

Заколодела дорожка, замуравела.

А й по той ли по дорожке прямоезжею

Да й пехотою никто да не прохаживал,

На добром коне никто да не проезживал.

Как у той ли то у Грязи-то у Черной,

Да у той ли у березы у поклапыя,

Да у той ли речки у Смородины,

У того креста у Леванидова

Сидит Соловей Разбойник на сыром дубу,

Сидит Соловей Разбойник Одихмантьев сын.

А то свищет Соловей да по-соловьему,
Он кричит, злодей-разбойник, по-звериному,
И от его ли то от посвиста соловьего,
И от его ли то от покрика звериного
Те все травушки-муравы уплетаются,
Все лазоревы цветочки осыпаются,
Темны лесушки к земле все приклоняются, -
А что есть людей - то все мертвы лежат.
Прямоезжею дороженькой - пятьсот есть верст,
А й окольной дорожкой - цела тысяча.
Он спустил добра коня да й богатырского,
Он поехал-то дорожкой прямоезжею.
Его добрый конь да богатырский
С горы на гору стал перескакивать,
С холмы на холмы стал перамахивать,
Мелки реченьки, озерка промеж ног пускал.
Подъезжает он ко речке ко Смородине,
Да ко тоей он ко Грязи он ко Черной,
Да ко тою ко березе ко поклапыя,
К тому славному кресту ко Леванидову.
Засвистал-то Соловей да по-соловьему,
Закричал злодей-разбойник по-звериному -
Так все травушки-муравы уплетались,
Да й лазоревы цветочки осыпалися,
Темны лесушки к земле все приклонилися.
Его добрый конь да богатырский
А он на корни да спотыкается -
А й как старый-от казак да Илья Муромец
Берет плеточку шелковую в белу руку,
А он бил коня да по крутым ребрам,
Говорил-то он, Илья, таковы слова:

- Ах ты, волчья сыть да й травяной мешок!
Али ты идти не хошь, али нести не можь?
Что ты на корни, собака, спотыкаешься?
Не слышал ли посвиста соловьего,
Не слышал ли покрика звериного,
Не видал ли ты ударов богатырских?

А й тут старья казак да Илья Муромец
Да берет-то он свой тугой лук разрывчатый,
Во свои берет во белы он во ручушки.
Он тетивочку шелковеньку натягивал,
А он стрелочку каленую накладывал,
Он стрелил в того-то Соловья Разбойника,
Ему выбил право око со косицею,
Он спустил-то Соловья да на сыру землю,

Пристегнул его ко правому ко стремячку булатному,

Он повез его по славну по чисту полю,
Мимо гнездышка повез да соловьиного.

Во том гнездышке да соловьином
А случилось быть да и три дочери,
А й три дочери его любимых.

Больша дочка - эта смотрит во окошечко косявчато,

Говорит она да таковы слова:

- Едет-то наш батюшка чистым полем,
А сидит-то на добром коне,

А везет он мужичища-деревенщину
Да у правого у стремени прикована.

Поглядела как другая дочь любимая,
Говорила-то она да таковы слова:

- Едет батюшка раздольицем чистым полем,
Да й везет он мужичища-деревенщину

Да й ко правому ко стремени прикована, -
Поглядела его меньша дочь любимая,

Говорила-то она да таковы слова:

- Едет мужичище-деревенщина,

Да й сидит мужик он на добром коне,

Да й везет-то наша батюшка у стремени,

У булатного у стремени прикована -

Ему выбито-то право око со косицею.

Говорила-то й она да таковы слова:

- А й же мужевья наши любимые!

Вы берите-ко рогатины звериные,

Да бегите-ко в раздольице чисто поле,

Да вы бейте мужичища-деревенщину!

Эти мужевья да их любимые,
Зятевья-то есть да соловьиные,
Похватали как рогатины звериные,
Да и бежали-то они да й во чисто поле
Ко тому ли к мужичище-деревенщине,
Да хотят убить-то мужичища-деревенщину.

Говорит им Соловей Разбойник Одихмантьев
сын:

- Ай же зятевья мои любимые!
Побросайте-ка рогатины звериные,
Вы зовите мужика да деревенщину,
В свое гнездышко зовите соловьиное,
Да кормите его ествушкой сахарною,
Да вы пойте его питьецом медвяным,
Да й дарите ему дары драгоценные!

Эти зятевья да соловьиные
Побросали-то рогатины звериные,
А й зовут мужика да й деревенщину
Во то гнездышко да соловьиное.

Да й мужик-то деревенщина не слушался,
А он едет-то по славному чисту полю
Прямоезжею дорожкой в стольный Киев-град.
Он приехал-то во славный стольный Киев-град
А ко славному ко князю на широкий двор.

А й Владимир-князь он вышел со божьей церкви,
ви,

Он пришел в палату белокаменну,
Во столовую свою во горенку,
Он сел есть да пить да хлеба кушати,
Хлеба кушати да пообедати.

А й тут старья казак да Илья Муромец
Становил коня да посередь двора,
Сам идет он во палаты белокаменны.
Проходил он во столовую во горенку,
На пяту он дверь-то поразмахивал*.

Крест-от клал он по-писаному,
Вел поклоны по-ученому,
На все на три, на четыре на сторонки низко
кланялся,

Самому князю Владимиру в особину,
Еще всем его князьям он подколенным.

Тут Владимир-князь стал молодца выпрашивать:

- Ты скажи-тко, ты откулешний, дородный добрый молодец,

Тебя как-то, молодца, да именем зовут,
Величают, удалого, по отчеству?

Говорил-то старья казак да Илья Муромец:

- Есть я с славного из города из Мурома,
Из того села да Карачарова,
Есть я старья казак да Илья Муромец,
Илья Муромец да сын Иванович.

Говорит ему Владимир таковы слова:

- Ай же старья казак да Илья Муромец!

Да й давно ли ты повыехал из Муроме

И которою дороженькой ты ехал в стольный
Киев-град?

Говорил Илья он таковы слова:

- Ай ты славныя Владимир стольно-киевский!

Я стоял заутреню христосскую во Муроме,

А й к обеденке поспеть хотел я в стольный Ки-
ев-град,

То моя дорожка призамешкалась.

А я ехал-то дорожкой прямоезжею,

Прямоезжею дороженькой я ехал мимо-то Чер-
нигов-град,

Ехал мимо эту Грязь да мимо Черную,

Мимо славну реченьку Смородину,

Мимо славную березу ту покляпую,

Мимо славный ехал Леванидов крест.

Говорил ему Владимир таковы слова:

- Ай же мужичища-деревенщина,

Во глазах, мужик, да подлыгаешься,

Во глазах, мужик, да насмехаешься!

Как у славного у города Чернигова

Нагнано тут силы много множество -

То пехотою никто да не прохаживал

И на добром коне никто да не проезживал,

Туда серый зверь да нз прорыскивал,
Птица черный ворон не пролетывал.
А й у той ли то у Грязи-то у Черной,
Да у славной у речки у Смородины,
А й у той ли у березы у поклапыя,
У того креста у Леванидова
Соловей сидит Разбойник Одихмантьев сын.
То как свищет Соловей да по-соловьему,
Как кричит злодей-разбойник по-звериному -
То все травушки-муравы уплетаются,
А лазоревы цветочки прочь осыпаются,
Темны лесушки к земле все приклоняются,
А что есть людей - то все мертвы лежат.

Говорил ему Илья да таковы слова:
- Ты, Владимир-князь да стольно-киевский!
Соловей Разбойник на твоём дворе.
Ему выбито ведь право око со косицею,
И он ко стремени булатному прикованный.

То Владимир-князь-от стольно-киевский
Он скорёшенько вставал да на резвы ножки,
Кунью шубоньку накинул на одно плечко,
То он шапочку соболью на одно ушко,
Он выходит-то на свой-то на широкий двор
Посмотреть на Соловья Разбойника.
Говорил-то ведь Владимир-князь да таковы
слова:
- Засвищи-тко, Соловей, ты по-соловьему,
Закричи-тко ты, собака, по-звериному.

Говорил-то Соловей ему Разбойник Одихмантьев сын:

- Не у вас-то я сегодня, князь, обедаю,
А не вас-то я хочу да и послушати.
Я обедал-то у старого казака Ильи Муромца,
Да его хочу-то я послушати.

Говорил-то как Владимир-князь да стольно-киевский.

- Ай же старья казак ты Илья Муромец!
Прикажи-тко засвистать ты Соловья да й по-соловьему,

Прикажи-тко закричать да по-звериному.

Говорил Илья да таковы слова:

- Ай же Соловей Разбойник Одихмантьев сын!
Засвищи-тко ты во полсвиста соловьего,
Закричи-тко ты во полкрика звериного.

Говорил-то ему Соловой Разбойник Одихмантьев сын:

- Ай же старья казак ты Илья Муромец!

Мои раночки кровавы запечатались,

Да не ходят-то мои уста сахарные,

Не могу я засвистать да й по-соловьему,

Закричать-то не могу я по-звериному.

А й вели-тко князю ты Владимиру

Налить чару мне да зелена вина.

Я повыпью-то как чару зелена вина -

Мои раночки кровавы поразойдутся,

Да й уста мои сахарны порасходятся,
Да тогда я засвищу да по-соловьему,
Да тогда я закричу да по-звериному.

Говорил Илья тут князю он Владимиру:
- Ты, Владимир-князь да стольно-киевский,
Ты поди в свою столовую во горенку,
Наливай-то чару зелена вина.
Ты не малую стопу - да полтора ведра,
Подноси-тко к Соловью к Разбойнику. -
Тут Владимир-князь да стольно-киевский,
Он скоренько шел в столову свою горенку,
Наливал он чару зелена вина,
Да не малу он стопу - да полтора ведра,
Разводил медами он стоялыми,
Приносил-то он ко Соловью Разбойнику.
Соловей Разбойник Одихмантьев сын
Принял чарочку от князя он одной ручкой,
Выпил чарочку ту Соловей одним духом.

Засвистал как Соловей тут по-соловьему,
Закричал Разбойник по-звериному -
Маковки на теремах покривились,
А околени во теремах рассыпались.
От него, от посвиста соловьего,
А что есть-то людюшек - так все мертвы лежат,
А Владимир-князь-от стольно-киевский
Куньей шубонькой он укрывается.

А й тут старый-от казак да Илья Муромец,

Он скорешенько сажился на добра коня,
А й он вез-то Соловья да во чисто поле,
И он срубил ему да буйну голову.

Говорил Илья да таковы слова:

- Тебе полно-тко свистать да по-соловьему,
Тебе полно-тко кричать да по-звериному,
Тебе полно-тко слезить да отцов-матерей,
Тебе полно-тко вдовить да жен молодых,
Тебе полно-тко спущать-то сиротать да малых
детушек!

А тут Соловьёю ему й славу поют,
А й славу поют ему век по веку!

ПРИГОВОРКИ

* * *

Солнышко, покажись!
Красное, снарядись!
Чтобы год от года
Давала нам погода:
Теплое летечко,
Грибы в берестечко,
Ягоды в лукошко,
Зеленого горошка.

* * *

Секи, секи, дождь,
На бабину рожь,
На дедово семя —

Чтоб взошло вове́мя.

* * *

Весна - красна,
Ты с чем пришла?
- С сохой, бороной,
С лошадкой вороной;
С рожью зернистой,
С пшеницей золотистой;
С травой шёлковою,
С водой ключевою!
С калиной - малиной,
С красной рябиной!

* * *

Радуга-дуга,
Перебей дождь —
Опять в ночь
Льет во всю мочь:
Перебей гром,
не попал бы в дом.

* * *

Капуста виласта,
Не будь голенаста,
Не будь голенаста,
Будь пуда́ста.

* * *

Сей, сей горох,
Посевай горох!
Уродись, горох,
И крупен, и бел,
На потеху всем:
И сам тридесят
Для всех ребят.

НЕБЫЛИЦЫ

* * *

Небылица в лицах, небывальщина,
Да небывальщина, да неслыхальщина.
Старину вам спою да стародавнюю,
Староданую, да небывалую:
Во хлеву курица ягнилася,
На повети овца гнездо свила.
И гнездо свила на сосне свинья,
На сосне свинья деток вывела;
Деток малых, деточек да поросяточек,
По сучкам они висят да полететь хотят.
Это всё, братцы, не чудо, я чуднее скажу:
На ели корова белку лаяла,
Белку лаяла, глаза уставила.

По поднебесьюшку сер медведь летит,
Он ушками, лапками помахивал,
Он чёрным хвостом да принаправливал.
Это всё, братцы, не чудо, я чуднее скажу:
На базаре козёл старика продаёт,
На верёвочке поваживает,
Полтора рубля запрашивает.
Старичонка-то поскакивает,
Бородёнкой-то потряхивает.
Небывальщина в лицах, небывальщина,
Да небывальщина, да неслыхальщина.

* * *

Из-за леса, из-за гор
Едет дядюшка Егор.
Сам на лошадке
В красной шапке,
Жена на баране,
В красном сарафане,
Дети на телятах,
Слуги на утятах.

* * *

- Это, братцы, да не чудо ли?
Бегала дубинка с мальчиком в руках,
А за ним тулупчик с бабой на плечах.
Кнут схватил собаку парить мужик,

А мужик со страху влез на ворота.
Деревня закричала: «Озеро горит!»,
Сено со дровами тушить пожар спешит.

* * *

Я на солнышке лежал,
К верху бороду держал.
Красно солнышко взошло,
Мне бородушку сожгло.
Вот я стал рыжее всех —
Борода, как рыжий мех!

* * *

Рыжий, рыжий, конопатый,
Убил дедушку лопатой!
Бабушка ругается,
Рыжий отпирается
Бабушка воскресал,
Рыжего — на кресло,
Рыжий кувыркнулся,
На бабушку наткнулся.

* * *

Чепуха, чепуха,
Это просто враки!
Сено косят на печи
Молотками раки.

* * *

Послушайте, ребята,
Нескладишу буду петь:
Летит бык на ероплане,
Мужик пашет на свинье,
Сидит ворона в огороде,
Сини ягоды клюет,
Лежит корова на канаве,
Опоясавшись конем.

* * *

Ехала деревня
Мимо мужика
Вдруг из под собаки
Лают ворота
Выхватил телегу
Он из-под кнута
И давай дубасить
Ею ворота.
Крыши испугались,
Сели на ворон,
Лошадь погоняет
Мужика кнутом.

* * *

Скачет галка по ельничку,
Бьет хвостом по березничку.

Наехали на галку разбойнички,
Сняли они с галки синь кафтан.
Не в чем галочке по городу гулять.
Плачет галка, да негде взять.

Русская литература XIX века

ИВАН АНДРЕЕВИЧ КРЫЛОВ.

МАРТЫШКА И ОЧКИ

Мартышка к старости слаба глазами стала;
А у людей она слыхала,
Что это зло еще не так большой руки:
Лишь стоит завести Очки.
Очков с полдюжины себе она достала;
Вертит Очками так и сяк:
То к темю их прижмет, то их на хвост нанижет,
То их понюхает, то их полижет;
Очки не действуют никак.
"Тьфу пропасть! - говорит она,- и тот дурак,
Кто слушает людских всех врак:
Всё про Очки лишь мне налгали;
А проку на-волос нет в них".
Мартышка тут с досады и с печали

О камень такхватила их,
Что только брызги засверкали.

К несчастью, то ж бывает у людей:
Как ни полезна вещь,- цены не зная ей,
Невежда про нее свой толк все к худу клонит;
А ежели невежда познатней,
Так он ее еще и гонит.

Стрекоза и Муравей

Попрыгунья Стрекоза
Лето красное пропела;
Оглянуться не успела,
Как зима катит в глаза.
Помертвело чисто поле;
Нет уж дней тех светлых боле,
Как под каждым ей листком
Был готов и стол и дом.
Всё прошло: с зимой холодной
Нужда, голод настает;
Стрекоза уж не поет:
И кому же в ум пойдет
На желудок петь голодный!
Злой тоской удручена,
К Муравью ползет она:
"Не оставь меня, кум милый!
Дай ты мне собраться с силой
И до вешних только дней
Прокорми и обогрей!"-

"Кумушка, мне странно это:
Да работала ль ты в лето?" -
Говорит ей Муравей.
"До того ль, голубчик, было?
В мягких муравах у нас -
Песни, резвость всякий час,
Так что голову вскружило". -
"А, так ты..." - "Я без души
Лето целое всё пела". -
"Ты всё пела? Это дело:
Так пойдی же, попляши!"

АЛЕКСАНДР СЕРГЕЕВИЧ ПУШКИН

СКАЗКА О ЗОЛОТОМ ПЕТУШКЕ

Негде, в тридевятом царстве,
В тридесятом государстве,
Жил-был славный царь Дадон.
С молоду был грозен он
И соседям то и дело
Наносил обиды смело;
Но под старость захотел
Отдохнуть от ратных дел
И покой себе устроить.
Тут соседи беспокоить
Стали старого царя,
Страшный вред ему творя.
Чтоб концы своих владений

Охранять от нападений,
Должен был он содержать
Многочисленную рать.
Воеводы не дремали,
Но никак не успевали.
Ждут бывало с юга, - глядь, -
Ан с востока лезет рать!
Справят здесь, - лихие гости
Идут от моря. Со злости
Инда плакал царь Дадон,
Инда забывал и сон.
Что и жизнь в такой тревоге!
Вот он с просьбой о помощи
Обратился к мудрецу,
Звездочету и скопцу.
Шлет за ним гонца с поклоном.

Вот мудрец перед Дадонем
Стал и вынул из мешка
Золотого петушка.
"Посади ты эту птицу, -
Молвил он царю, - на спицу;
Петушок мой золотой
Будет верный сторож твой:
Коль кругом всё будет мирно,
Так сидеть он будет смирно;
Но лишь чуть со стороны
Ожидать тебе войны,
Иль набега силы бранной,
Иль другой беды незваной,

Вмиг тогда мой петушок
Приподымет гребешок,
Закричит и встрепенется
И в то место обернется".
Царь скопца благодарит,
Горы золота сулит.
"За такое одолжение, -
Говорит он в восхищеньи, -
Волю первую твою
Я исполню, как мою".

Петушок с высокой спицы
Стал стеречь его границы.
Чуть опасность где видна,
Верный сторож как со сна
Шевельнется, встрепенется,
К той сторонке обернется
И кричит: "Кири-ку-ку.
Царствуй, лежа на боку!"
И соседи присмирели,
Воевать уже не смели:
Таковой им царь Дадон
Дал отпор со всех сторон!

Год, другой, проходит мирно;
Петушок сидит всё смирно.
Вот однажды царь Дадон
Страшным шумом пробужден:
"Царь ты наш! отец народа! -
Возглашает воевода: -

Государь! проснись! беда!"
- "Что такое, господа? -
Говорит Дадон, зевая: -
А?.... Кто там?... беда какая?"
Воевода говорит:
"Петушок опять кричит;
Страх и шум во всей столице".
Царь к окошку, - ан на спице,
Видит, бьется петушок,
Обратившись на восток.
Медлить нечего: "Скорее!
Люди, на конь! Эй, живее!"
Царь к востоку войско шлет
Старший сын его ведет.
Петушок угомонился,
Шум утих, и царь забылся.

Вот проходит восемь дней,
А от войска нет вестей:
Было ль, не было ль сраженья, -
Нет Дадону донесенья.
Петушок кричит опять.
Кличет царь другую рать;
Сына он теперь меньшого
Шлет на выручку большого.
Петушок опять утих.
Снова вести нет от них!
Снова восемь дней проходят;
Люди в страхе дни проводят;
Петушок кричит опять;

Царь скликает третью рать
И ведет ее к востоку, -
Сам не зная, быть ли проку.

Войска идут день и ночь;
Им становится не в мочь.
Ни побоища, ни стана,
Ни надгробного кургана
Не встречает царь Дадон.
"Что за чудо?" - мыслит он.
Вот осьмой уж день проходит,
Войско в горы царь приводит,
И промеж высоких гор
Видит шелковый шатёр.
Всё в безмолвии чудесном
Вкруг шатра; в ущельи тесном
Рать побитая лежит.
Царь Дадон к шатру спешит.....
Что за страшная картина!
Перед ним его два сына;
Без шоломов и без лат
Оба мертвые лежат,
Меч вонзивши друг во друга.
Бродят кони их средь луга,
По притоптанной траве,
По кровавой мураве.....
Царь завыл: "Ох дети, дети!
Горе мне! попались в сети
Оба наши сокола!
Горе! смерть моя пришла".

Все завыли за Дадонем,
Застонала тяжким стоном
Глубь долин, и сердце гор
Потряслося. Вдруг шатёр
Распахнулся... и девица,
Шамаханская царица,
Вся сияя как заря,
Тихо встретила царя.
Как пред солнцем птица ночи,
Царь умолк, ей глядя в очи,
И забыл он перед ней
Смерть обоих сыновей.
И она перед Дадонем
Улыбнулась - и с поклоном
Его за руку взяла
И в шатер свой увела.
Там за стол его сажала,
Всяким яством угощала;
Уложила отдыхать
На парчевую кровать.
И потом, неделю ровно, -
Покорясь ей безусловно, -
Околдован, восхищён,
Пировал у ней Дадон.

Наконец и в путь обратный
Со своею силой ратной
И с девицей молодой
Царь отправился домой.
Перед ним молва бежала,

Быль и небыль разглашала.
Под столицей, близ ворот
С шумом встретил их народ, -
Все бегут за колесницей,
За Дадонем и царицей;
Всех приветствует Дадон.....
Вдруг в толпе увидел он,
В сарачинской шапке белой,
Весь как лебедь поседелый,
Старый друг его, скопец.
"А, здорово, мой отец, -
Молвил царь ему, - что скажешь
Подь поближе! Что прикажешь?"
- "Царь! - отвечает мудрец, -
Разочтемся наконец.
Помнишь? за мою услугу
Обещался мне, как другу,
Волю первую мою
Ты исполнить как свою.
Подари ж ты мне девицу,
Шамаханскую царицу." -
Крайне царь был изумлён.
"Что ты? - старцу молвил он: -
Или бес в тебя ввернулся?
Или ты с ума рехнулся?
Что ты в голову забрал?
Я конечно обещал,
Но всему же есть граница!
И зачем тебе девица?
Полно, знаешь ли кто я?

Попроси ты от меня
Хоть казну, хоть чин боярской,
Хоть коня с конюшни царской,
Хоть пол-царства моего!"
- "Не хочу я ничего!
Подари ты мне девицу,
Шамаханскую царицу." -
Говорит мудрец в ответ. -
Плюнул царь: "Так лих же: нет!
Ничего ты не получишь.
Сам себя ты, грешник, мучишь;
Убирайся, цел пока!
Оттащите старика!"
Старичок хотел заспорить,
Но с иным накладно вздорить;
Царь хватил его жезлом
По лбу; тот упал ничком,
Да и дух вон. - Вся столица
Содрогнулась; а девица -
Хи-хи-хи! да ха-ха-ха!
Не боится знать греха.
Царь, хоть был встревожен сильно,
Усмехнулся ей умильно.
Вот - въезжает в город он;
Вдруг раздался легкой звон,
И в глазах у всей столицы
Петушок спорхнул со спицы;
К колеснице полетел
И царю на темя сел,
Встрепенулся, клюнул в темя

И взвился... и в то же время
С колесницы пал Дадон!
Охнул раз, - и умер он.
А царица вдруг пропала,
Будто вовсе не бывало.
Сказка ложь, да в ней намек!
Добрым молодцам урок.

1834

АНТОНИЙ ПОГОРЕЛЬСКИЙ

ЧЕРНАЯ КУРИЦА, ИЛИ ПОДЗЕМНЫЕ ЖИТЕЛИ

Лет сорок тому назад в С.-Петербурге, на Васильевском острове, в Первой линии, жил-был содержатель мужского пансиона, который еще и до сих пор, вероятно, у многих остался в свежей памяти, хотя дом, где пансион тот помещался, давно уже уступил место другому, нисколько не похожему на прежний. В то время Петербург наш уже славился в целой Европе своею красотою, хотя и далеко еще не был таким, как теперь. Тогда на проспектах Васильевского острова не было веселых тенистых аллей: деревянные подмости, часто из гнилых досок сколоченные, заступали место нынешних прекрасных тротуаров. Исакиевский мост — узкий в то время и неровный — совсем иной представлял вид, нежели как теперь; да и самая пло-

щадь Исакиевская вовсе не такова была. Тогда монумент Петра Великого от Исакиевской церкви отделен был канавою; Адмиралтейство не было обсажено деревьями; манеж Конногвардейский не украшал площади прекрасным нынешним фасадом; одним словом, Петербург тогдашний не то был, что теперешний. Города перед людьми имеют, между прочим, то преимущество, что они иногда с годами становятся красивее... Впрочем, не о том теперь идет дело. В другой раз и при другом случае я, может быть, поговорю с вами пространнее о переменах, происшедших в Петербурге в течение моего века, — теперь же обратимся опять к пансиону, который, лет сорок тому назад, находился на Васильевском острове, в Первой линии.

Дом, которого теперь — как уже вам сказывал — вы не найдете, был о двух этажах, крытый голландскими черепицами. Крыльцо, по которому в него входили, было деревянное и выдавалось на улицу... Из сеней довольно крутая лестница вела в верхнее жилье, состоявшее из осьми или девяти комнат, в которых с одной стороны жил содержатель пансиона, а с другой были классы. Дортуары, или спальные комнаты детей, находились в нижнем этаже, по правую сторону сеней, а по левую жили две старушки, голландки, из которых каждой было более ста лет и которые собственными глазами видали Петра Великого и даже с ним говаривали. В нынешнее время вряд ли в целой России вы встретите человека, который бы видал Петра Великого: настанет время, когда и наши следы сотрут-

ся с лица земного! Всё проходит, всё исчезает в бренном мире нашем... Но не о том теперь идет дело!

В числе тридцати или сорока детей, обучавшихся в том пансионе, находился один мальчик, по имени Алеша, которому тогда было не более девяти или десяти лет. Родители его, жившие далеко-далеко от Петербурга, года за два перед тем привезли его в столицу, отдали в пансион и возвратились домой, заплатив учителю условленную плату за несколько лет вперед. Алеша был мальчик умненькой, миленькой, учился хорошо, и все его любили и ласкали; однако, несмотря на то, ему часто скучно бывало в пансионе, а иногда даже и грустно. Особливо сначала он никак не мог приучиться к мысли, что он разлучен с родными своими; но потом, мало-помалу, он стал привыкать к своему положению, и бывали даже минуты, когда, играя с товарищами, он думал, что в пансионе гораздо веселее, нежели в родительском доме. Вообще дни учения для него проходили скоро и приятно; но когда наставала суббота и все товарищи его спешили домой к родным, тогда Алеша горько чувствовал свое одиночество. По воскресеньям и праздникам он весь день оставался один, и тогда единственным утешением его было чтение книг, которые учитель позволял ему брать из небольшой своей библиотеки. Учитель был родом немец, а в то время в немецкой литературе господствовала мода на рыцарские романы и на волшебные повести, — и библиотека, которою пользовался наш Алеша, большею частию состояла из книг сего рода.

Итак Алеша, будучи еще в десятилетнем возрасте, знал уже наизусть деяния славнейших рыцарей, по крайней мере так, как они описаны были в романах. Любимое его занятие в длинные зимние вечера, по воскресеньям и другим праздничным дням, было мысленно переноситься в старинные, давно прошедшие веки... Особливо в вакантное время – как например об Рождестве или в Светлое Христово Воскресенье, – когда он бывал разлучен надолго со своими товарищами, когда часто целые дни просиживал в уединении, – юное воображение его бродило по рыцарским замкам, по страшным развалинам или по темным дремучим лесам.

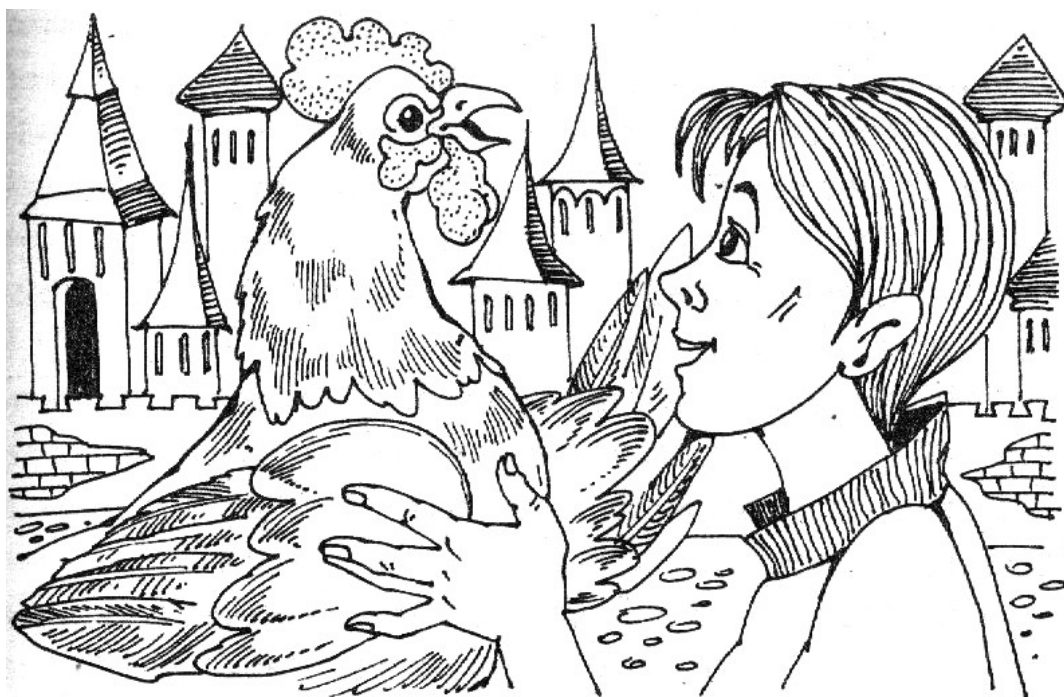
Я забыл сказать вам, что к дому этому принадлежал довольно просторный двор, отделенный от переулка деревянным забором из барочных досок. Ворота и калитка, кои вели в переулок, всегда были заперты, и потому Алеше никогда не удавалось побывать в этом переулке, который сильно возбуждал его любопытство. Всякий раз, когда позволяли ему в часы отдохновения играть на дворе, первое движение его было – подбегать к забору. Тут он становился на цыпочки и пристально смотрел в круглые дырочки, которыми усеян был забор. Алеша не знал, что дырочки эти происходили от деревянных гвоздей, коими прежде сколочены были барки, и ему казалось, что какая-нибудь добрая волшебница нарочно для него провертела эти дырочки. Он всё ожидал, что когда-нибудь эта волшебница явится в переулке и сквозь дырочку подаст ему игрушку, или талисман, или письмоцо от

папеньки или маменьки, от которых не получал он давно уже никакого известия. Но, к крайнему его сожалению, не являлся никто даже похожий на волшебницу.

Другое занятие Алеши состояло в том, чтобы кормить курочек, которые жили около забора в нарочно для них выстроенном домике и целый день играли и бегали на дворе. Алеша очень коротко с ними познакомился, всех знал по имени, разнимал их драки, а забияк наказывал тем, что иногда несколько дней сряду не давал им ничего от крошек, которые всегда после обеда и ужина он собирал со скатерти. Между курами он особенно любил одну черную хохлатую, названную Чернушкою. Чернушка была к нему ласковее других; она даже иногда позволяла себя гладить, и потому Алеша лучшие кусочки приносил ей. Она была нрава тихого; редко прохаживалась с другими и, казалось, любила Алешу более, нежели подруг своих.

Однажды (это было во время вакаций между Новым годом и Крещеньем — день был прекрасный и необыкновенно теплый, не более трех или четырех градусов морозу) Алеше позволили поиграть на дворе. В тот день учитель и жена его в больших были хлопотах. Они давали обед директору училищ, и еще накануне, с утра до позднего вечера, везде в доме мыли полы, вытирали пыль и вощили красного дерева столы и комоды. Сам учитель ездил закупать провизию для стола: белую архангельскую телятину, огромный окорок и из Милютиных лавок киевское варенье. Алеша тоже, по мере сил, способствовал приготовле-

ниям: его заставили из белой бумаги вырезать красивую сетку на окорок и украшать бумажною резьбою нарочно купленные шесть восковых свечей. В назначенный день рано поутру явился парикмахер и показал свое искусство над буклями, тупеем и длинной ко-сой учителя. Потом принялся за супругу его, напмадил и напудрил у ней локоны и шиньон и взгромоздил на ее голове целую оранжерею разных цветов, между которыми блистали искусным образом помещенные два бриллиантовые перстня, когда-то подаренные мужу ее родителями учеников. По окончании головного убора, накинула она на себя старый изношенный са-лоп и отправилась хлопотать по хозяйству, наблюдая притом строго, чтоб как-нибудь не испортилась прическа; и для того сама она не входила в кухню, а давала приказания свои кухарке, стоя в дверях. В необходимых же случаях посылала туда мужа своего, у которого прическа не так была высока.

В продолжение всех этих забот Алешу нашего совсем забыли, и он тем воспользовался, чтоб на просторе играть на дворе. По обыкновению своему, он подошел сначала к дощатому забору и долго смотрел в дырочку; но и в этот день никто почти не проходил по переулку, и он со вздохом обратился к любезным своим курочкам. Не успел он присесть на бревно и только что начал манить их к себе, как вдруг увидел подле себя кухарку с большим ножом. Алеше никогда не нравилась эта кухарка – сердитая и бранчивая чухонка; но с тех пор, как он заметил, что она-то была причиною, что от времени до времени уменьшалось число его курочек, он еще менее стал ее любить. Когда же однажды нечаянно увидел он в кухне одного хорошенького, очень любимого им петушка, повешенного за ноги с перерезанным горлом, – то возымел он к ней ужас и отвращение. Увидев ее теперь с ножом, он тотчас догадался, что это значит, – и чувствуя с горестию, что он не в силах помочь своим друзьям, вскочил и побежал далеко прочь.

– Алеша, Алеша! Помоги мне поймать курицу! – кричала кухарка.

Но Алеша принялся бежать еще пуще, спрятался у забора за курятником и сам не замечал, как слезки одна за другою выкатывались из его глаз и упали на землю.

Довольно долго стоял он у курятника, и сердце в нем сильно билось, между тем как кухарка бегала по двору – то манила курочек: "Цып, цып, цып!", то бранила их по-чухонски.

Вдруг сердце у Алеши еще сильнее забилося... ему послышался голос любимой его Чернушки!

Она кудахтала самым отчаянным образом, и ему показалось, что она кричит:

Кудах, кудах, кудуху,
Алеша, спаси Чернуху!
Кудуху, кудуху,
Чернуху, Чернуху!

Алеша никак не мог долее оставаться на своем месте... он, громко всхлипывая, побежал к кухарке и бросился к ней на шею в ту самую минуту, как она поймала уже Чернушку за крыло.

– Любезная, милая Тринушка! – вскричал он, обливаясь слезами. – Пожалуйста, не тронь мою Чернуху!

Алеша так неожиданно бросился на шею к кухарке, что она упустила из рук Чернушку, которая, воспользовавшись этим, от страха взлетела на кровлю сарая и там продолжала кудахтать. Но Алеше теперь слышалось, будто она дразнит кухарку и кричит:

Кудах, кудах, кудуху,
Не поймала ты Чернуху!
Кудуху, кудуху,
Чернуху, Чернуху!

Между тем кухарка вне себя была от досады!

– Руммаль пойс! [Глупый мальчик! (финск.)] – кричала она. – Вотта я паду кассаину и пошалюсь. Шорна курис нада режить... Он леннива... он яишка не делать, он сыплата не сижить.

Тут хотела она бежать к учителю, но Алеша не пустил ее. Он прицепился к полам ее платья и так умильно стал просить, что она остановилась.

– Душенька, Тринушка! – говорил он. – Ты такая хорошенькая, чистенькая, добренькая... Пожалуйста, оставь мою Чернушку! Вот посмотри, что я тебе подарю, если ты будешь добра!

Алеша вынул из кармана империал, составлявший всё его имение, который берег он пуще глаза своего, потому что это был подарок доброй его бабушки... Кухарка взглянула на золотую монету, окинула взором окошки дома, чтоб удостовериться, что никто их не видит, – и протянула руку за империалом... Алеше очень, очень жаль было империала, но он вспомнил о Чернушке – и с твердостью отдал чухонке драгоценный подарок.

Таким образом Чернушка спасена была от жестокой и неминуемой смерти.

Лишь только кухарка удалилась в дом, Чернушка слетела с кровли и подбежала к Алеше. Она как будто знала, что он ее избавитель: кружилась около него, хлопала крыльями и кудахтала веселым голосом. Всё утро она ходила за ним по двору, как собачка, и казалось, будто хочет что-то сказать ему, да не может. По крайней мере, он никак не мог разобрать ее кудахтанья.

Часа за два перед обедом начали собираться гости. Алешу позвали вверх, надели на него рубашку с круглым воротником и батистовыми манжетами с мелкими складками, белые шароварцы и широкий шелковый голубой кушак. Длинные русые волосы, висевшие у него почти до пояса, хорошенько расчесали, разделили на две ровные части и переложили наперед по обе стороны груди. Так наряжали тогда детей. Потом научили, каким образом он должен шаркнуть ногой, когда войдет в комнату директор, и что должен отвечать, если будут сделаны ему какие-нибудь вопросы. В другое время Алеша был бы очень рад приезду директора, коего давно хотелось ему видеть, потому что, судя по почтению, с каким отзывались о нем учитель и учительша, он воображал, что это должен быть какой-нибудь знаменитый рыцарь в блестящих латах и в шлеме с большими перьями. Но на тот раз любопытство это уступило место мысли, исключительно тогда его занимавшей, — о черной курице. Ему всё представлялось, как кухарка за нею бегала с ножом и как Чернушка кудахтала разными голосами. Притом ему очень досадно было, что не мог он разобрать, что она ему сказать хотела, — и его так и тянуло к курятнику... Но делать было нечего: надлежало дожидаться, пока кончится обед!

Наконец приехал директор. Приезд его возвестила учительша, давно уже сидевшая у окна, пристально смотря в ту сторону, откуда его ждали. Всё пришло в движение: учитель стремглав бросился из дверей, чтоб встретить его внизу у крыльца; гости встали с мест

своих, и даже Алеша на минуту забыл о своей курочке и подошел к окну, чтоб посмотреть, как рыцарь будет слезать с ретивого коня. Но ему не удалось увидеть его, ибо он успел уже войти в дом; у крыльца же вместо ретивого коня стояли обыкновенные извозничьи сани. Алеша очень этому удивился! "Если бы я был рыцарь, — подумал он, — то никогда бы не ездил на извозчике — а всегда верхом!"

Между тем отворили настежь все двери, и учительша начала приседать в ожидании столь почтенного гостя, который вскоре потом показался. Сперва нельзя было видеть его за толстою учительшею, стоявшею в самых дверях; но когда она, окончив длинное приветствие свое, присела ниже обыкновенного, Алеша, к крайнему удивлению, из-за нее увидел... не шлем пернатый, но просто маленькую лысую головку, набело распудренную, единственным украшением которой, как после заметил Алеша, был маленький пучок! Когда вошел он в гостиную, Алеша еще более удивился, увидев, что, несмотря на простой серый фрак, бывший на директоре вместо блестящих лат, все обращались с ним необыкновенно почтительно.

Сколь, однако ж, ни казалось всё это странным Алеше, сколь в другое время он бы ни был обрадован необыкновенным убранством стола, на котором также парадировал и украшенный им окорок, — но в этот день он не обращал большого на то внимания. У него в головке всё бродило утреннее происшествие с Чернушкою. Подали десерт: разного рода варенья, яблоки, бергамоты, финики, винные ягоды и грецкие орехи; но

и тут он ни на одно мгновение не переставал помышлять о своей курочке, и только что встали из-за стола, как он с трепещущим от страха и надежды сердцем подошел к учителю и спросил, можно ли идти поиграть на дворе.

– Подите, – отвечал учитель, – только недолго там будьте; уж скоро сделается темно.

Алеша поспешно надел свою красную бекешь на беличьем меху и зеленую бархатную шапочку с собольим околышком и побежал к забору. Когда он туда прибыл, курочки начали уже собираться на ночлег и, сонные, не очень обрадовались принесенным крошкам. Одна Чернушка, казалось, не чувствовала охоты ко сну: она весело к нему подбежала, захлопала крыльями и опять начала кудахтать. Алеша долго с нею играл; наконец, когда сделалось темно и настала пора идти домой, он сам затворил курятник, удостоверившись наперед, что любезная его курочка уселась на шесте. Когда он выходил из курятника, ему показалось, что глаза у Чернушки светятся в темноте, как звездочки, и что она тихонько ему говорит:

– Алеша, Алеша! Остайся со мною!

Алеша возвратился в дом и весь вечер просидел один в классных комнатах, между тем как на другой половине часу до одиннадцатого пробыли гости и на нескольких столах играли в вист. Прежде, нежели они разъехались, Алеша пошел в нижний этаж в спальню, разделся, лег в постель и потушил огонь. Долго не мог он заснуть; наконец сон его преодолел, и он только что успел во сне разговориться с Чернушкою, как, к сожа-

лению, пробужден был шумом разъезжающихся гостей. Немного погодя, учитель, провожавший директора со свечкою, вошел к нему в комнату, посмотрел, всё ли в порядке, и вышел вон, замкнув дверь ключом.

Ночь была месячная, и сквозь ставни, неплотно за-
творявшиеся, упал в комнату бледный луч луны. Алеша лежал с открытыми глазами и долго слушал, как в верхнем жилье, над его головою, ходили по комнатам и приводили в порядок стулья и столы. Наконец всё утихло...

Он взглянул на стоявшую подле него кровать, немного освещенную месячным сиянием, и заметил, что белая простыня, висящая почти до полу, легко шевелилась. Он пристальнее стал всматриваться... ему слышалось, как будто что-то под кроватью царапается, — и немного погодя показалось, что кто-то тихим голосом зовет его:

— Алеша, Алеша!

Алеша испугался!.. Он один был в комнате, и ему тотчас пришло на мысль, что под кроватью должен быть вор. Но потом, рассудив, что вор не называл бы его по имени, он несколько ободрился, хотя сердце в нем дрожало. Он немного приподнялся в постеле и еще яснее увидел, что простыня шевелится... еще внятнее услышал, что кто-то говорит:

— Алеша, Алеша!

Вдруг белая простыня приподнялась, и из-под нее вышла... черная курица!

— Ах! Это ты, Чернушка! — невольно вскричал Алеша. — Как ты зашла сюда?

Чернушка захлопала крыльями, взлетела к нему на кровать и сказала человеческим голосом:

— Это я, Алеша! Ты не боишься меня, не правда ли?

— Зачем я тебя буду бояться? — отвечал он. — Я тебя люблю; только для меня странно, что ты так хорошо говоришь: я совсем не знал, что ты говорить умеешь!

— Если ты меня не боишься, — продолжала курица, — так поди за мною; я тебе покажу что-нибудь хорошенькое. Одевайся скорее!

— Какая ты, Чернушка, смешная! — сказал Алеша. — Как мне можно одеться в темноте? Я платья своего теперь не сыщу; я и тебя насилу вижу!

— Постараюсь этому помочь, — сказала курочка.

Тут она закудаhtала странным голосом, и вдруг откуда ни взялись маленькие свечки в серебряных шандалах, не больше как с Алешин маленький пальчик. Шандалы эти очутились на полу, на стульях, на окнах, даже на рукомойнике, и в комнате сделалось так светло, как будто днем. Алеша начал одеваться, а курочка подавала ему платье, и таким образом он вскоре совсем был одет.

Когда Алеша был готов, Чернушка опять закудаhtала, и все свечки исчезли.

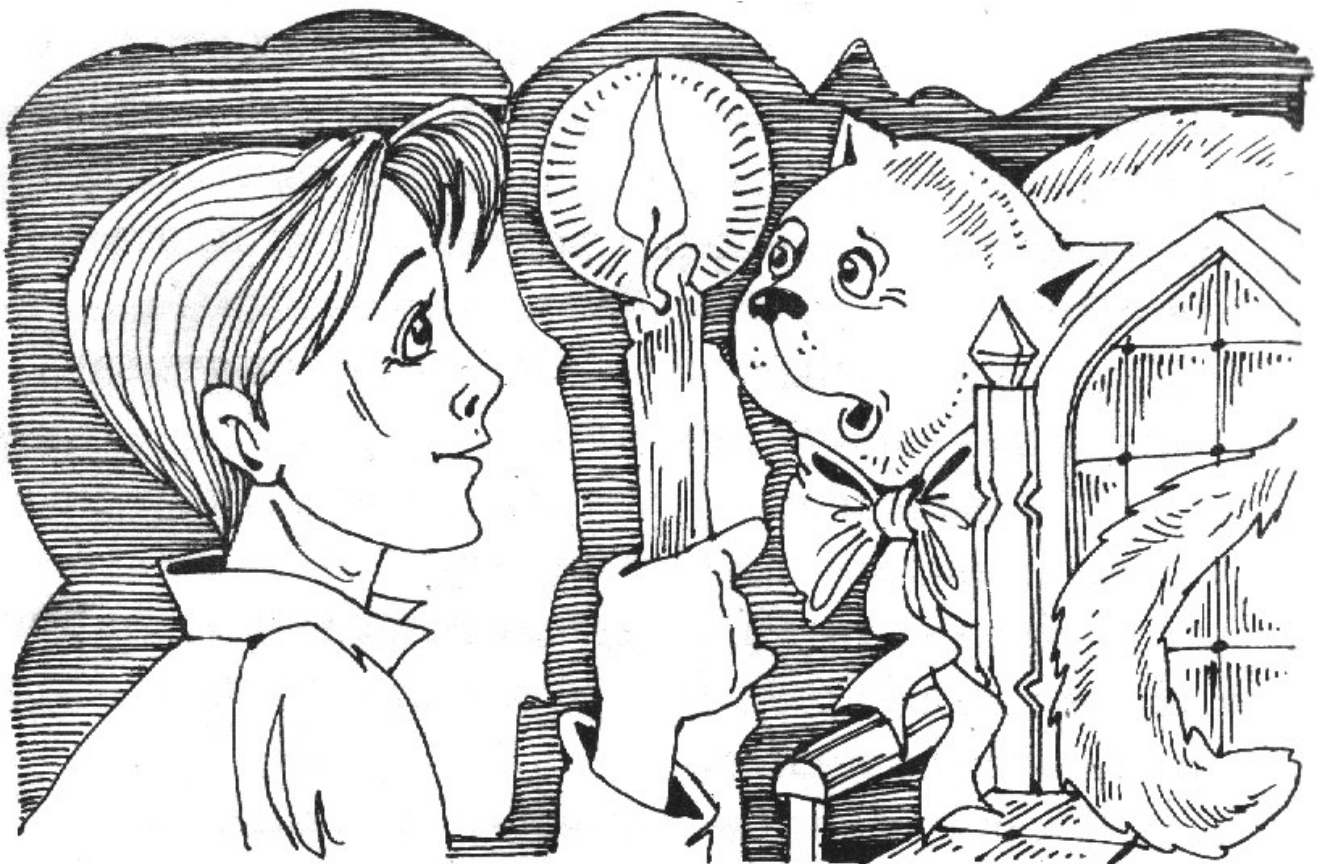
— Иди за мною, — сказала она ему, и он смело последовал за нею. Из глаз ее выходили как будто лучи, которые освещали всё вокруг них, хотя не так ярко, как маленькие свечки. Они прошли чрез переднюю...

— Дверь заперта ключом, — сказал Алеша;

Но курочка ему не отвечала: она хлопнула крыльями, и дверь сама собою отворилась...

Потом, пройдя через сени, обратились они к комнатам, где жили столетние старушки-голландки. Алеша никогда у них не бывал, но слышал, что комнаты у них убраны по-старинному, что у одной из них большой серый попугай, а у другой серая кошка, очень умная, которая умеет прыгать чрез обруч и подавать лапку. Ему давно хотелось всё это видеть, и потому он очень обрадовался, когда курочка опять хлопнула крыльями и дверь в старушкины покои отворилась.

Алеша в первой комнате увидел всякого рода странные мебели: резные стулья, кресла, столы и комоды. Большая лежанка была из голландских изразцов, на которых нарисованы были синей муравой люди и звери.

Алеша хотел было остановиться, чтоб рассмотреть мебели, а особливо фигуры на лежанке, но Чернушка ему не позволила. Они вошли во вторую комнату – и тут-то Алеша обрадовался! В прекрасной золотой клетке сидел большой серый попугай с красным хвостом. Алеша тотчас хотел подбежать к нему. Чернушка опять его не допустила.

– Не трогай здесь ничего, – сказала она. – Берегись разбудить старушек!

Тут только Алеша заметил, что подле попугая стояла кровать с белыми кисейными занавесками, сквозь которые он мог различить старушку, лежащую с закрытыми глазами: она показалась ему как будто восковая. В другом углу стояла такая же точно кровать, где спала другая старушка, а подле нее сидела серая кошка и умывалась передними лапами. Проходя мимо нее, Алеша не мог утерпеть, чтоб не попросить у ней лапки... Вдруг она громко замяукала, попугай нахохлился и начал громко кричать: "Дурррак! дурррак!" В то самое время видно было сквозь кисейные занавески, что старушки приподнялись в постеле... Чернушка поспешно удалилась, Алеша побежал за нею, дверь вслед за ними сильно захлопнулась... и еще долго слышно было, как попугай кричал: "Дурррак! дурррак!"

– Как тебе не стыдно! – сказала Чернушка, когда они удалились от комнат старушек. – Ты, верно, разбудил рыцарей...

– Каких рыцарей? – спросил Алеша.

– Ты увидишь, – отвечала курочка. – Не бойся, однако ж, ничего, иди за мною смело.

Они спустились вниз по лестнице, как будто в погреб, и долго-долго шли по разным переходам и коридорам, которых прежде Алеша никогда не видел. Иногда коридоры эти так были низки и узки, что Алеша принужден был нагибаться. Вдруг вошли они в залу, освещенную тремя большими хрустальными люстрами. Зала была без окошек, и по обеим сторонам висели на стенах рыцари в блестящих латах, с большими перьями на шлемах, с копьями и щитами в железных руках. Чернушка шла вперед на цыпочках и Алеше велела следовать за собою тихонько-тихонько... В конце залы была большая дверь из светлой желтой меди. Лишь только они подошли к ней, как соскочили со стен два рыцаря, ударили копьями об щиты и бросились на черную курицу. Чернушка подняла хохол, распустила крылья... Вдруг сделалась большая-большая, выше рыцарей, – и начала с ними сражаться! Рыцари сильно на нее наступали, а она защищалась крыльями и носом. Алеше сделалось страшно, сердце в нем сильно затрепетало – и он упал в обморок.

Когда пришел он опять в себя, солнце сквозь ставни освещало комнату, и он лежал в своей постеле: не видно было ни Чернушки, ни рыцарей. Алеша долго не мог опомниться. Он не понимал, что с ним было ночью: во сне ли всё то видел или в самом деле это происходило? Он оделся и пошел вверх, но у него не выходило из головы виденное им в прошлую ночь.

С нетерпением ожидал он минуты, когда можно ему будет идти играть на двор, но весь тот день, как нарочно, шел сильный снег, и нельзя было и подумать, чтоб выйти из дому.

За обедом учительша между прочими разговорами объявила мужу, что черная курица непонятно куда спряталась.

– Впрочем, – прибавила она, – беда невелика, если бы она и пропала; она давно назначена была на кухню. Вообрази себе, душенька, что с тех пор как она у нас в доме, она не снесла ни одного яичка.

Алеша чуть-чуть не заплакал, хотя и пришло ему на мысль, что лучше, чтоб ее нигде не находили, нежели чтоб попала она на кухню.

После обеда Алеша остался опять один в классных комнатах. Он беспрестанно думал о том, что происходило в прошедшую ночь, и не мог никак утешиться о потере любезной Чернушки. Иногда ему казалось, что он непременно должен ее увидеть в следующую ночь, несмотря на то что она пропала из курятника; но потом ему казалось, что это дело несбыточное, и он опять погружался в печаль.

Настало время ложиться спать, и Алеша с нетерпением разделся и лег в постель. Не успел он взглянуть на соседнюю кровать, опять освещенную тихим лунным сиянием, как зашевелилась белая простыня – точно так, как накануне... Опять послышался ему голос, его зовущий: "Алеша, Алеша!" – и немного погодя вышла из-под кровати Чернушка и взлетела к нему на постель.

– Ах! Здравствуй, Чернушка! – вскричал он вне себя от радости. – Я боялся, что никогда тебя не увижу; здорова ли ты?

– Здорова, – отвечала курочка, – но чуть было не занемогла по твоей милости.

– Как это, Чернушка? – спросил Алеша, испугавшись.

– Ты добрый мальчик, – продолжала курочка, – но притом ты ветрен и никогда не слушаешься с первого слова, а это нехорошо! Вчера я говорила тебе, чтоб ты ничего не трогал в комнатах старушек, – несмотря на то, ты не мог утерпеть, чтобы не попросить у кошки лапку. Кошка разбудила попугая, попугай старушек, старушки рыцарей – и я насилу с ними сладила!

– Виноват, любезная Чернушка, вперед не буду! Пожалуйста, поведи меня сегодня опять туда. Ты увидишь, что я буду послушен.

– Хорошо, – сказала курочка, – увидим!

Курочка закудахтала, как накануне, и те же маленькие свечки явились в тех же серебряных шандалах. Алеша опять оделся и пошел за курицею. Опять вошли они в покои старушек, но в этот раз он уже ни до чего не дотрогивался. Когда они проходили чрез первую комнату, то ему показалось, что люди и звери, нарисованные на лежанке, делают разные смешные гримасы и манят его к себе, но он нарочно от них отвернулся. Во второй комнате старушки-голландки, так же как накануне, лежали в постелях, будто восковые; попугай смотрел на Алешу и хлопал глазами;

серая кошка опять умывалась лапками. На уборном столе перед зеркалом Алеша увидел две фарфоровые китайские куклы, которых вчера он не заметил. Они кивали ему головою, но он помнил приказание Чернушки и прошел не останавливаясь, однако не мог утерпеть, чтоб мимоходом им не поклониться. Кукол-ки тотчас соскочили со стола и побежали за ним, всё кивая головою. Чуть-чуть он не остановился — так они показались ему забавными; но Чернушка огляну-лась на него с сердитым видом, и он опомнился.

Кукол-ки проводили их до дверей и, видя, что Алеша на них не смотрит, возвратились на свои мес-та.

Опять спустились они с лестницы, ходили по пе-реходам и коридорам и пришли в ту же залу, освещенную тремя хрустальными люстрами. Те же рыцар-ри висели на стенах, и опять — когда приблизились они к двери из желтой меди — два рыцаря сошли со стены и заступили им дорогу. Казалось, однако, что они не так сердиты были, как накануне; они едва та-щили ноги, как осенние мухи, и видно было, что они чрез силу держали свои копья... Чернушка сделалась большая и нахохлилась; но только что ударила их крыльями, как они рассыпались на части, — и Алеша увидел, что то были пустые латы! Медная дверь сама собою отворилась, и они пошли далее. Немного по-года вошли они в другую залу, просторную, но не-высокую, так что Алеша мог достать рукою до потоло-ка. Зала эта освещена была такими же маленькими свечками, какие он видел в своей комнате, но шанда-

лы были не серебряные, а золотые. Тут Чернушка оставила Алешу.

— Побудь здесь немного, — сказала она ему, — я скоро приду назад. Сегодня был ты умен, хотя неосторожно поступил, поклонясь фарфоровым куколкам. Если б ты им не поклонился, то рыцари остались бы на стене. Впрочем, ты сегодня не разбудил старушек, и оттого рыцари не имели никакой силы. — После сего Чернушка вышла из залы.

Оставшись один, Алеша со вниманием стал рассматривать залу, которая очень богато была убрана. Ему показалось, что стены сделаны из Лабрадора, какой он видел в минеральном кабинете, имеющемся в пансионе; панели и двери были из чистого золота. В конце залы, под зеленым балдахином, на возвышенном месте, стояли кресла из золота.

Алеша очень любовался этим убранством, но странным показалось ему, что всё было в самом маленьком виде, как будто для небольших кукол.

Между тем как он с любопытством всё рассматривал, отворилась боковая дверь, прежде им не замеченная, и вошло множество маленьких людей, ростом не более как с пол-аршина, в нарядных разноцветных платьях. Вид их был важен: иные по одеянию казались военными, другие — гражданскими чиновниками. На всех были круглые с перьями шляпы, наподобие испанских. Они не замечали Алеши, прохаживались чинно по комнатам и громко между собою говорили, но он не мог понять, что они говорили. Долго смотрел он на них молча и только что хотел подойти

к одному из них с вопросом, как отворилась большая дверь в конце залы... Все замолкли, стали к стенам в два ряда и сняли шляпы. В одно мгновение комната сделалась еще светлее; все маленькие свечки еще ярче загорели — и Алеша увидел двадцать маленьких рыцарей, в золотых латах, с пунцовыми на шлемах перьями, которые попарно входили тихим маршем. Потом в глубоком молчании стали они по обеим сторонам кресел. Немного погодя вошел в залу человек с величественною осанкою, на голове с венцом, блестящим драгоценными камнями. На нем была светло-зеленая мантия, подбитая мышьим мехом, с длинным шлейфом, который несли двадцать маленьких пажей в пунцовых платьях. Алеша тотчас догадался, что это должен быть король. Он низко ему поклонился. Король отвечал на поклон его весьма ласково и сел в золотые кресла. Потом что-то приказал одному из стоявших подле него рыцарей, который, подошед к Алеше, объявил ему, чтоб он приблизился к креслам. Алеша повиновался.

— Мне давно было известно, — сказал король, — что ты добрый мальчик; но третьего дня ты оказал великую услугу моему народу и за то заслуживаешь награду. Мой главный министр донес мне, что ты спас его от неизбежной и жестокой смерти.

— Когда? — спросил Алеша с удивлением.

— Третьего дня на дворе, — отвечал король. — Вот тот, который обязан тебе жизнью.

Алеша взглянул на того, на которого указывал король, и тут только заметил, что между придворны-

ми стоял маленький человек, одетый весь в черное. На голове у него была особенного рода шапка малинового цвета, наверху с зубчиками, надетая немного набок; а на шее был платок, очень накрахмаленный, отчего казался он немного синеватым. Он умильно улыбался, глядя на Алешу, которому лицо его показалось знакомым, хотя не мог он вспомнить, где его видал.

Сколь для Алеши ни было лестно, что приписывали ему такой благородный поступок, но он любил правду и потому, сделав низкий поклон, сказал:

— Господин король! Я не могу принять на свой счет того, чего никогда не делал. Третьего дня я имел счастье избавить от смерти не министра вашего, а черную нашу курицу, которую не любила кухарка за то, что не снесла она ни одного яйца...

— Что ты говоришь? — прервал его с гневом король. — Мой министр — не курица, а заслуженный чиновник!

Тут подошел министр ближе, и Алеша увидел, что в самом деле это была его любезная Чернушка. Он очень обрадовался и попросил у короля извинения, хотя никак не мог понять, что это значит.

— Скажи мне, чего ты желаешь? — продолжал король. — Если я в силах, то непременно исполню твое требование.

— Говори смело, Алеша! — шепнул ему на ухо министр.

Алеша задумался и не знал, чего пожелать. Если б дали ему более времени, то он, может быть, и при-

думал бы что-нибудь хорошенькое; но так как ему казалось неучтивым заставить дожидаться короля, то он поспешил с ответом.

— Я бы желал, — сказал он, — чтобы, не учившись, я всегда знал урок свой, какой бы мне ни задали.

— Не думал я, что ты такой ленивец, — отвечал король, покачав головою. — Но делать нечего: я должен исполнить свое обещание.

Он махнул рукою, и паж поднес золотое блюдо, на котором лежало одно конопляное семечко.

— Возьми это семечко, — сказал король. — Пока оно будет у тебя, ты всегда знать будешь урок свой, какой бы тебе ни задали, с тем, однако, условием, чтоб ты ни под каким предлогом никому не сказывал ни одного слова о том, что ты здесь видел или впредь увидишь. Малейшая нескромность лишит тебя навсегда наших милостей, а нам наделает множество хлопот и неприятностей.

Алеша взял конопляное зерно, завернул в бумажку и положил в карман, обещаясь быть молчаливым и скромным. Король после того встал с кресел и тем же порядком вышел из залы, приказав прежде министру угостить Алешу как можно лучше.

Лишь только король удалился, как окружили Алешу все придворные и начали его всячески ласкать, изъявляя признательность свою за то, что он избавил министра. Они все предлагали ему свои услуги: одни спрашивали, не хочет ли он погулять в саду или посмотреть королевский зверинец; другие приглашали его на охоту. Алеша не знал, на что решить-

ся. Наконец министр объявил, что сам будет показывать подземные редкости дорогому гостю.

Сначала повел он его в сад, устроенный в английском вкусе. Дорожки усеяны были крупными разноцветными камышками, отражавшими свет от бесчисленных маленьких ламп, которыми увешаны были деревья. Этот блеск чрезвычайно понравился Алеше.

— Камни эти, — сказал министр, — у вас называются драгоценными. Это всё бриллианты, яхонты, изумруды и аметисты.

— Ах, когда бы у нас этим усыпаны были дорожки! — вскричал Алеша.

— Тогда и у вас бы они так же были малоценны, как здесь, — отвечал министр.

Деревья также показались Алеше отменно красивыми, хотя притом очень странными. Они были разного цвета: красные, зеленые, коричневые, белые, голубые и лиловые. Когда посмотрел он на них со вниманием, то увидел, что это не что иное, как разного рода мох, только выше и толще обыкновенного. Министр рассказал ему, что мох этот выписан королем за большие деньги из дальних стран и из самой глубины земного шара.

Из сада пошли они в зверинец. Там показали Алеше диких зверей, которые привязаны были на золотых цепях. Всматриваясь внимательнее, он, к удивлению своему, увидел, что дикие эти звери были не что иное, как большие крысы, кроты, хорьки и подобные им звери, живущие в земле и под полами.

Ему это очень показалось смешно, но он из учтивости не сказал ни слова.

Возвратившись в комнаты после прогулки, Алеша в большой зале нашел накрытый стол, на котором расставлены были разного рода конфекты, пироги, паштеты и фрукты. Блюда все были из чистого золота, а бутылки и стаканы выточенные из цельных бриллиантов, яхонтов и изумрудов.

— Кушай что угодно, — сказал министр, — с собою же брать ничего не позволяется.

Алеша в тот день очень хорошо поужинал, и потому ему вовсе не хотелось кушать.

— Вы обещались взять меня с собою на охоту, — сказал он.

— Очень хорошо, — отвечал министр. — Я думаю, что лошади уже оседланы.

Тут он свистнул, и вошли конюхи, ведущие в поводах — палочки, у которых набалдашники были резной работы и представляли лошадиные головы. Министр с большою ловкостью вскочил на свою лошадь; Алеше подвели палку гораздо более других.

— Берегись, — сказал министр, — чтоб лошадь тебя не сбросила: она не из самых смирных.

Алеша внутренно смеялся этому, но когда он взял палку между ног, то увидел, что совет министра был бесполезен. Палка начала под ним увертываться и манежиться, как настоящая лошадь, и он насилу мог усидеть.

Между тем затрубили в рога, и охотники пустились скакать во всю прыть по разным переходам и

коридорам. Долго они так скакали, и Алеша от них не отставал, хотя с трудом мог сдерживать бешеную палку свою... Вдруг из одного бокового коридора выскочило несколько крыс, таких больших, каких Алеша никогда не видывал. Они хотели пробежать мимо, но когда министр приказал их окружить, то они остановились и начали защищаться храбро. Несмотря, однако, на то, они были побеждены мужеством и искусством охотников. Восемь крыс легли на месте, три обратились в бегство, а одну, довольно тяжело раненую, министр велел вылечить и отвезть в зверинец.

По окончании охоты Алеша так устал, что глазки его невольно закрывались... при всем том ему хотелось обо многом поговорить с Чернушкою, и он попросил позволения возвратиться в залу, из которой они выехали на охоту.

Министр на то согласился; большою рысью поехали они назад и по прибытии в залу отдали лошадей конюхам, раскланялись с придворными и охотниками и сели друг подле друга на принесенные им стулья.

— Скажи, пожалуйста, — начал Алеша, — зачем вы убили бедных крыс, которые вас не беспокоят и живут так далеко от вашего жилища?

— Если б мы их не истребляли, — сказал министр, — то они вскоре бы нас выгнали из комнат наших и истребили бы все наши съестные припасы. К тому же мыши и крысы меха у нас в высокой цене, по причине их легкости и мягкости. Одним знатным особам позволено их у нас употреблять.

– Да скажи мне пожалуй, кто вы таковы? – продолжал Алеша.

– Неужели ты никогда не слыхал, что под землею живет народ наш? – отвечал министр. – Правда, не многим удастся нас видеть, однако бывали примеры, особливо в старину, что мы выходили на свет и показывались людям. Теперь это редко случается, потому что люди сделались очень нескромны. А у нас существует закон, что если тот, кому мы показались, не сохранит этого в тайне, то мы принуждены бываем немедленно оставить местопребывание наше и идти – далеко-далеко в другие страны. Ты легко представить себе можешь, что королю нашему невесело было бы оставить все здешние заведения и с целым народом переселиться в неизвестные земли. И потому убедительно тебя прошу быть как можно скромнее, ибо в противном случае ты нас всех сделаешь несчастными, а особливо меня. Из благодарности я упрощил короля призвать тебя сюда; но он никогда мне не простит, если по твоей нескромности мы принуждены будем оставить этот край...

– Я даю тебе честное слово, что никогда не буду ни с кем об вас говорить, – прервал его Алеша. – Я теперь вспомнил, что читал в одной книжке о гномах, которые живут под землею. Пишут, что в некотором городе очень разбогател один сапожник в самое короткое время, так что никто не понимал, откуда взялось его богатство. Наконец как-то узнали, что он шил сапоги и башмаки на гномов, плативших ему за то очень дорого.

– Быть может, что это правда, – отвечал министр.

– Но, – сказал ему Алеша, – объясни мне, любезная Чернушка, отчего ты, будучи министром, являешься в свет в виде курицы и какую связь имеете вы с старушками-голландками?

Чернушка, желая удовлетворить его любопытству, начала было рассказывать ему подробно о многом; но при самом начале ее рассказа глаза Алешины закрылись и он крепко заснул. Проснувшись на другое утро, он лежал в своей постеле.

Долго не мог он опомниться и не знал, что ему думать... Чернушка и министр, король и рыцари, голландки и крысы – всё это смешалось в его голове, и он насилу мысленно привел в порядок всё, виденное им в прошлую ночь. Вспомнив, что король подарил ему конопляное зерно, он поспешно бросился к своему платью и действительно нашел в кармане бумажку, в которой завернуто было конопляное семечко. "Увидим, – подумал он, сдержит ли слово свое король! Завтра начнутся классы, а я еще не успел выучить всех своих уроков".

Исторический урок особенно его беспокоил: ему задано было выучить наизусть несколько страниц из Шрековой "Всемирной истории", и он не знал еще ни одного слова! Настал понедельник, съехались пансионеры, и начались классы. От десяти часов до двенадцати преподавал историю сам содержатель пансиона. У Алеши сильно билось сердце... Пока дошла до него очередь, он несколько раз ощупывал лежащую в кармане бумажку с конопляным зернышком...

Наконец его вызвали. С трепетом подошел он к учителю, открыл рот, сам еще не зная, что сказать, и — безошибочно, не останавливаясь, проговорил заданное. Учитель очень его хвалил, однако Алеша не принимал его хвалу с тем удовольствием, которое прежде чувствовал он в подобных случаях. Внутренний голос ему говорил, что он не заслуживает этой похвалы, потому что урок этот не стоил ему никакого труда.

В продолжение нескольких недель учителя не могли нахвалиться Алешею. Все уроки без исключения знал он совершенно, все переводы с одного языка на другой были без ошибок, так что не могли надивиться чрезвычайными его успехами. Алеша внутренне стыдился этих похвал: ему совестно было, что поставляли его в пример товарищам, тогда как он во все того не заслуживал.

В течение этого времени Чернушка к нему не являлась, несмотря на то что Алеша, особливо в первые недели после получения конопляного зернышка, не пропускал почти ни одного дня без того, чтобы ее не звать, когда ложился спать. Сначала он очень о том горевал, но потом успокоился мыслию, что она, вероятно, занята важными делами по своему званию. Впоследствии же похвалы, которыми все его осыпали, так его заняли, что он довольно редко о ней вспоминал.

Между тем слух о необыкновенных его способностях разнесся вскоре по целому Петербургу. Сам директор училищ приезжал несколько раз в пансион

и любовался Алешей. Учитель носил его на руках, ибо чрез него пансион вошел в славу. Со всех концов города съезжались родители и приставали к нему, чтоб он детей их принял к себе, в надежде, что и они такие же будут ученые, как Алеша. Вскоре пансион так наполнился, что не было уже места для новых пансионеров, и учитель с учительшею начали помышлять о том, чтоб нанять дом, гораздо просторнейший того, в котором они жили.

Алеша, как сказал я уже выше, сначала стыдился похвал, чувствуя, что вовсе их не заслуживает, но мало-помалу он стал к ним привыкать, и наконец самолюбие его дошло до того, что он принимал, не краснеясь, похвалы, которыми его осыпали. Он много стал о себе думать, важничал перед другими мальчиками и вообразил себе, что он гораздо лучше и умнее всех их. Нрав Алешин от этого совсем испортился: из доброго, милого и скромного мальчика он сделался гордый и непослушный. Совесть часто его в том упрекала, и внутренний голос ему говорил: "Алеша, не гордись! Не приписывай самому себе того, что не тебе принадлежит; благодари судьбу за то, что она тебе доставила выгоды против других детей, но не думай, что ты лучше их. Если ты не исправишься, то никто тебя любить не будет, и тогда ты, при всей своей учености, будешь самое несчастное дитя!"

Иногда он и принимал намерение исправиться; но, к несчастью, самолюбие так в нем было сильно, что заглушало голос совести, и он день ото дня ста-

новился хуже, и день ото дня товарищи менее его любили.

Притом Алеша сделался страшный шалун. Не имея нужды твердить уроков, которые ему задавали, он в то время, когда другие дети готовились к классам, занимался шалостями, и эта праздность еще более портила его нрав. Наконец он так надоел всем дурным своим нравом, что учитель серьезно начал думать о средствах к исправлению такого дурного мальчика — и для того задавал ему уроки вдвое и втрое большие, нежели другим; но и это нисколько не помогало. Алеша вовсе не учился, а все-таки знал урок с начала до конца, без малейшей ошибки.

Однажды учитель, не зная, что с ним делать, задал ему выучить наизусть страниц двадцать к другому утру и надеялся, что он, по крайней мере, в этот день будет смирнее. Куды! Наш Алеша и не думал об уроке! В этот день он нарочно шалил более обыкновенного, и учитель тщетно грозил ему наказанием, если на другое утро не будет он знать урока. Алеша внутренне смеялся этим угрозам, будучи уверен, что конопляное зернышко поможет ему непременно. На следующий день, в назначенный час, учитель взял в руки книжку, из которой задан был урок Алеше, позвал его к себе и велел проговорить заданное. Все дети с любопытством обратили на Алешу внимание, и сам учитель не знал, что подумать, когда Алеша, несмотря на то что вовсе накануне не твердил урока, смело встал со скамейки и подошел к нему. Алеша нимало не сомневался в том, что и этот раз ему уда-

стся показать свою необыкновенную способность: он разинул рот... и не мог выговорить ни слова!

— Что ж вы молчите? — сказал ему учитель. — Говорите урок.

Алеша покраснел, потом побледнел, опять покраснел, начал мять свои руки, слезы у него от страха навернулись на глазах... всё тщетно! Он не мог выговорить ни одного слова, потому что, надеясь на конопляное зерно, он даже и не заглядывал в книгу.

— Что это значит, Алеша? — закричал учитель. — Зачем вы не хотите говорить?

Алеша сам не знал, чему приписать такую странность, всунул руку в карман, чтоб ощупать семечко... но как описать его отчаяние, когда он его не нашел! Слезы градом полились из глаз его... он горько плакал и все-таки не мог сказать ни слова.

Между тем учитель терял терпение. Привыкнув к тому, что Алеша всегда отвечал безошибочно и не запинаясь, ему казалось невозможным, чтоб он не знал по крайней мере начала урока, и потому приписывал молчание его упрямству.

— Подите в спальню, — сказал он, — и оставайтесь там, пока совершенно будете знать урок.

Алешу отвели в нижний этаж, дали ему книгу и заперли дверь ключом.

Лишь только он остался один, как начал везде искать конопляное зернышко. Он долго шарил у себя в карманах, ползал по полу, смотрел под кроватью, перебирал одеяло, подушки, простыню — всё напрасно! Нигде не было и следов любезного зернышка! Он старался вспом-

нить, где он мог его потерять, и наконец уверился, что выронил его как-нибудь накануне, играя на дворе. Но каким образом найти его? Он заперт был в комнате, а если бы и позволили выйти на двор, так и это, вероятно, ни к чему бы не послужило, ибо он знал, что курочки лакомы на коноплю, и зернышко его, верно, которая-нибудь из них успела склевать! Отчаявшись отыскать его, он вздумал призвать к себе на помощь Чернушку.

— Милая Чернушка! — говорил он. — Любезный министр! Пожалуйста, явись мне и дай другое зернышко! Я, право, вперед буду осторожнее...

Но никто не отвечал на его просьбы, и он наконец сел на стул и опять принялся горько плакать.

Между тем настала пора обедать; дверь отворилась, и вошел учитель.

— Знаете ли вы теперь урок? — спросил он у Алеша.

Алеша, громко всхлипывая, принужден был сказать, что не знает.

— Ну так оставайтесь здесь, пока выучите! — сказал учитель, велел подать ему стакан воды и кусок ржаного хлеба и оставил его опять одного.

Алеша стал твердить наизусть, но ничего не входило ему в голову. Он давно отвык от занятий, да и как вытвердить двадцать печатных страниц! Сколько он ни трудился, сколько ни напрягал свою память, но когда настал вечер, он не знал более двух или трех страниц, да и то плохо. Когда пришло время другим детям ложиться спать, все товарищи его разом нагрянули в комнату, и с ними пришел опять учитель.

— Алеша! Знаете ли вы урок? — спросил он.

И бедный Алеша сквозь слезы отвечал:

— Знаю только две страницы.

— Так видно и завтра придется вам просидеть здесь на хлебе и на воде, — сказал учитель, пожелал другим детям покойного сна и удалился.

Алеша остался с товарищами. Тогда, когда он был доброе и скромное дитя, все его любили, и если, бывало, подвергался он наказанию, то все о нем жалели, и это ему служило утешением; но теперь никто не обращал на него внимания: все с презрением на него смотрели и не говорили с ним ни слова. Он решился сам начать разговор с одним мальчиком, с которым в

прежнее время был очень дружен, но тот от него отворотился, не отвечая. Алеша обратился к другому, но и тот говорить с ним не хотел и даже оттолкнул его от себя, когда он опять с ним заговорил. Тут несчастный Алеша почувствовал, что он заслуживает такое с ним обхождение товарищей. Обливаясь слезами, лег он в свою постель, но никак не мог заснуть.

Долго лежал он таким образом и с горестию вспоминал о минувших счастливых днях. Все дети уже наслаждались сладким сном, один только он заснуть не мог! "И Чернушка меня оставила", – подумал Алеша, и слезы вновь полились у него из глаз.

Вдруг... простыня у соседней кровати зашевелилась, подобно как в первый тот день, когда к нему явилась черная курица. Сердце в нем стало биться сильнее... он желал, чтоб Чернушка вышла опять из-под кровати; но не смел надеяться, что желание его исполнится.

– Чернушка, Чернушка! – сказал он наконец вполголоса... Простыня приподнялась, и к нему на постель взлетела черная курица.

– Ах, Чернушка! – сказал Алеша вне себя от радости. – Я не смел надеяться, что с тобою увижусь! Ты меня не забыла?

– Нет, – отвечала она, – я не могу забыть оказанной тобою услуги, хотя тот Алеша, который спас меня от смерти, вовсе не похож на того, которого теперь перед собою вижу. Ты тогда был добрый мальчик, скромный и учтивый, и все тебя любили, а теперь... я не узнаю тебя!

Алеша горько заплакал, а Чернушка продолжала давать ему наставления. Долго она с ним разговаривала и со слезами упрашивала его исправиться. Наконец, когда уже начинал показываться дневной свет, курочка ему сказала:

— Теперь я должна тебя оставить, Алеша! Вот конопляное зерно, которое выронил ты на дворе. Напрасно ты думал, что потерял его навсегда. Король наш слишком великодушен, чтоб лишить тебя одного за твою неосторожность. Помни, однако, что ты дал честное слово сохранять в тайне всё, что тебе о нас известно... Алеша! К теперешним худым свойствам твоим не прибавь еще худшего — неблагодарности!

Алеша с восхищением взял любезное свое семечко из лапок курицы и обещался употребить все силы свои, чтоб исправиться!

— Ты увидишь, милая Чернушка, — сказал он, — что я сегодня же совсем другой буду...

— Не полагай, — отвечала Чернушка, — что так легко исправиться от пороков, когда они уже взяли над нами верх. Пороки обыкновенно входят в дверь, а выходят в щелочку, и потому, если хочешь исправиться, то должен беспрестанно и строго смотреть за собою. Но прощай!.. Пора нам расстаться!

Алеша, оставшись один, начал рассматривать свое зернышко и не мог им налюбоваться. Теперь-то он совершенно спокоен был насчет урока, и вчерашнее горе не оставило в нем никаких следов. Он с радостью думал о том, как будут все удивляться, когда он безошибочно проговорит двадцать страниц, — и мысль, что он

опять возьмет верх над товарищами, которые не хотели с ним говорить, ласкала его самолюбие. Об исправлении самого себя он хотя и не забыл, но думал, что это не может быть так трудно, как говорила Чернушка. "Будто не от меня зависит исправиться! — мыслил он. — Стоит только захотеть, и все опять меня любить будут..."

Увы! Бедный Алеша не знал, что для исправления самого себя необходимо должно начать тем, чтоб откинуть самолюбие и излишнюю самонадеянность.

Когда поутру собрались дети в классы, Алешу позвали вверх. Он вошел с веселым и торжествующим видом.

— Знаете ли вы урок ваш? — спросил учитель, взглянув на него строго.

— Знаю, — отвечал Алеша смело.

Он начал говорить и проговорил все двадцать страниц без малейшей ошибки и остановки. Учитель вне себя был от удивления, а Алеша гордо поглядывал на своих товарищей.

От глаз учителя не скрылся гордый вид Алешин.

— Вы знаете урок свой, — сказал он ему, — это правда, — но зачем вы вчера не хотели его сказать?

— Вчера я не знал его, — отвечал Алеша.

— Быть не может, — прервал его учитель. — Вчера ввечеру вы мне сказали, что знаете только две страницы, да и то плохо, а теперь без ошибки проговорили все двадцать! Когда же вы его выучили?

Алеша замолчал. Наконец дрожащим голосом сказал он:

– Я выучил его сегодня поутру!

Но тут вдруг все дети, огорченные его надменностью, закричали в один голос:

– Он неправду говорит; он и книги в руки не брал сегодня поутру!

Алеша вздрогнул, потупил глаза в землю и не сказал ни слова.

– Отвечайте же! – продолжал учитель, – когда выучили вы урок?

Но Алеша не прерывал молчания: он так поражен был сим неожиданным вопросом и недоброжелательством, которое оказывали ему все его товарищи, что не мог опомниться.

Между тем учитель, полагая, что он накануне не хотел сказывать урока из упрямства, счел за нужное строго наказать его.

– Чем более вы от природы имеете способностей и дарований, – сказал он Алеше, – тем скромнее и послушнее вы должны быть. Не для того Бог дал вам ум, чтоб вы во зло его употребляли. Вы заслуживаете наказание за вчерашнее упрямство, а сегодня вы еще увеличили вину вашу тем, что солгали. Господа! – продолжал учитель, обратясь к пансионерам. – Запрещаю всем вам говорить с Алешей до тех пор, пока он совершенно исправится. А так как, вероятно, для него это небольшое наказание, то велите подать розги.

Принесли розги... Алеша был в отчаянии! В первый еще раз с тех пор, как существовал пансион, наказывали розгами, и кого же – Алешу, который так

много о себе думал, который считал себя лучше и умнее всех! Какой стыд!..

Он, рыдая, бросился к учителю и обещался совершенно исправиться...

– Надо было думать об этом прежде, – был ему ответ.

Слезы и раскаяние Алеши тронули товарищей, и они начали просить за него; а Алеша, чувствуя, что не заслужил их сострадания, еще горше стал плакать! Наконец учитель приведен был в жалость.

– Хорошо! – сказал он. – Я прощу вас ради просьбы товарищей ваших, но с тем, чтоб вы пред всеми признались в вашей вине и объявили, когда вы выучили заданный урок?

Алеша совершенно потерял голову... он забыл обещание, данное подземельному королю и его министру, и начал рассказывать о черной курице, о рыцарях, о маленьких людях...

Учитель не дал ему договорить...

– Как! – вскричал он с гневом. – Вместо того чтобы раскаяться в дурном поведении вашем, вы меня еще вздумали дурачить, рассказывая сказку о черной курице?.. Этого слишком уже много. Нет, дети! Вы видите сами, что его нельзя не наказать!

И бедного Алешу высекли!!

С поникшею головою, с растерзанным сердцем, Алеша пошел в нижний этаж, в спальные комнаты. Он был как убитый... стыд и раскаяние наполняли его душу! Когда чрез несколько часов он немного успокоился и положил руку в карман... конопляного зерныш-

ка в нем не было! Алеша горько заплакал, чувствуя, что потерял его навсегда!

Вечеру, когда другие дети пришли спать, он также лег в постель, но заснуть никак не мог! Как раскаивался он в дурном поведении своем! Он решительно принял намерение исправиться, хотя чувствовал, что конопляное зернышко вернуть невозможно!

Около полуночи пошевелилась опять простыня у соседней кровати... Алеша, который накануне этому радовался, теперь закрыл глаза... он боялся увидеть Чернушку! Совесть его мучила. Он вспомнил, что еще вчера вечером так уверительно говорил Чернушке, что непременно исправится, — и вместо того... Что он ей теперь скажет?

Несколько времени лежал он с закрытыми глазами. Ему слышался шорох от поднимающейся простыни... Кто-то подошел к его кровати — и голос, знакомый голос, назвал его по имени:

— Алеша, Алеша!

Но он стыдился открыть глаза, а между тем слезы из них выкатывались и текли по его щекам...

Вдруг кто-то дернул за одеяло... Алеша невольно проглянул, и перед ним стояла Чернушка — не в виде курицы, а в черном платье, в малиновой шапочке с зубчиками и в белом накрахмаленном шейном платке, точно как он видел ее в подземной зале.

— Алеша! — сказал министр. — Я вижу, что ты не спишь... Прощай! Я пришел с тобою проститься, более мы не увидимся!..

Алеша громко зарыдал.

— Прощай! — воскликнул он. — Прощай! И, если можешь, прости меня! Я знаю, что виноват перед тобою, но я жестоко за то наказан!

— Алеша! — сказал сквозь слезы министр. — Я тебя прощаю; не могу забыть, что ты спас жизнь мою, и всё тебя люблю, хотя ты сделал меня несчастным, может быть, навеки!.. Прощай! Мне позволено видаться с тобою на самое короткое время. Еще в течение нынешней ночи король с целым народом своим должен переселиться далеко-далеко от здешних мест! Все в отчаянии, все проливают слезы. Мы несколько столетий жили здесь так счастливо, так покойно!..

Алеша бросился целовать маленькие ручки министра. Схватив его за руку, он увидел на ней что-то блестящее, и в то же самое время какой-то необыкновенный звук поразил его слух...

— Что это такое? — спросил он с изумлением.

Министр поднял обе руки кверху, и Алеша увидел, что они были скованы золотою цепью... Он ужаснулся!..

— Твоя нескромность причиною, что я осужден носить эти цепи, — сказал министр с глубоким вздохом, — но не плачь, Алеша! Твои слезы помочь мне не могут. Одним только ты можешь меня утешить в моем несчастии: старайся исправиться и будь опять таким же добрым мальчиком, как был прежде. Прощай в последний раз!

Министр пожал Алеше руку и скрылся под соседнюю кровать.

– Чернушка, Чернушка! – кричал ему вслед Алеша, но Чернушка не отвечала.

Во всю ночь не мог он сомкнуть глаз ни на минуту. За час перед рассветом послышалось ему, что под полом что-то шумит. Он встал с постели, приложил к полу ухо и долго слышал стук маленьких колес и шум, как будто множество маленьких людей проходило. Между шумом этим слышен был также плач женщин и детей и голос министра Чернушки, который кричал ему:

– Прощай, Алеша! Прощай навеки!..

На другой день поутру дети, проснувшись, увидели Алешу, лежащего на полу без памяти. Его подняли, положили в постель и послали за доктором, который объявил, что у него сильная горячка.

Недель через шесть Алеша, с помощью Божиею, выздоровел, и всё происходившее с ним перед болезнью казалось ему тяжелым сном. Ни учитель, ни товарищи не напоминали ему ни слова ни о черной курице, ни о наказании, которому он подвергся. Алеша же сам стыдился об этом говорить и старался быть послушным, добрым, скромным и прилежным. Все его снова полюбили и стали ласкать, и он сделался примером для своих товарищей, хотя уже и не мог выучить наизусть двадцать печатных страниц вдруг – которых, впрочем, ему и не задавали.

ДАЛЬ ВЛАДИМИР ИВАНОВИЧ

ПРО МЫШЬ ЗУБАСТУЮ ДА ПРО ВОРОБЬЯ БОГАТОГО

Пришла старуха и стала сказывать про деревенское раздолье: про ключи студёные, про луга зелёные, про леса дремучие, про хлебы хлебистые да про ярицу яристую. Это не сказка, а присказка, сказка будет впереди.

Жил-был в селе мужичок, крестьянин исправный, и работы не боялся, и о людях печаловался: коли кто был в горе да в нужде, всяк к нему за советом шел, а коли у кого было хлеба в недостатке, шли к его закрому, как к своему. У кого хлеб родился сам-четверть, сам-пят, а у него нередко и сам-десять (в четыре, в пять, в десять раз больше. - Ред.)! Сожнет мужичок хлеб, свезет в овин, пересчитает снопы и каждый десятый сноп в стороне отложит, примолвя: "Это на долю бедной братьи".

Услыхав такие речи, воробей зачирикал во весь рот:

- Чив, чив, чив! Мужичок полон овин хлеба навалил, да и на нашу братью видимо-невидимо отложил!

- Ш-ш-ш, не кричи во весь рот! - пропищала мышь-пискунья. - Не то все услышат: налетит ваша братья, крылатая стая, всё по зернышку разнесет, весь закром склюет, и нам ничего не достанется!

Трудновато было воробью молчать, да делать нечего: мышка больно строго ему пригрозила. Вот сле-

тел воробей со стрехи на пол да, подсев к мышке, стал тихонько чирикать:

- Давай-де, мышка-норышка, совьем себе по гнездышку - я под стрехой, ты в подполье - и станем жить да быть да хозяйской подачкой питаться, и будет у нас все вместе, все пополам.

Мышка согласилась. Вот и зажили они вдвоем; живут год, живут другой, а на третий стал амбар ветшать; про новый хлеб хозяин выстроил другой амбар, а в старом зерна оставалось намале. Мышка-норышка это дело смекнула, раскинула умом и порешила, что коли ей одной забрать все зерно, то более достанется, чем с воробьем пополам. Вот прогрызла она в половице в закроме дыру, зерно высыпалось в подполье, а воробей и не видал того, как весь хлеб ушел к мышке в нору. Стал воробей поглядывать: где зерно? Зерна не видать; он туда, сюда - нет нигде ни зернышка; стал воробей к мышке в нору стучаться:

- Тук, тук, чив, чив, чив, дома ли, сударушка мышка? А мышка в ответ:

- Чего ты тут расчирикался? Убирайся, и без тебя голова болит!

Заглянул воробей в подполье да как увидал там хлеба ворох, так пуще прежнего зачирикал:

- Ах ты, мышь подпольная, вишь что затеяла! Да где ж твоя правда? Уговор был: всё поровну, всё пополам, а ты это что делаешь? Взяла да и обобрала товарища!

- И-и! - пропищала мышка-норышка. - Вольно тебе старое помнить. Я так ничего знать не знаю и помнить не помню!

Нечего делать, стал воробей мышке кланяться, упрашивать, а она как выскочит, как начнет его щипать, только перья полетели!

Рассердился и воробей, взлетел на крышу и зачирикал так, что со всего округа воробьи слетелись, видимо-невидимо. Всю крышу обсели и ну товарищевое дело разбирать; всё по ниточке разобрали и на том порешили, чтобы к звериному царю всем миром с челобитьем лететь. Снялись, полетели, только небо запестрело. Вот прилетели они к звериному царю, зачирикали, защебетали, так что у царя Льва в ушах зазвенело, а он в ту пору прилег было отдохнуть. Зевнул Лев, потянулся, да и говорит:

- Коли попусту слетелись, так убирайтесь во-свояси, - спать хочу; а коли дело есть до меня, то говори один. Это петь хорошо вместе, а говорить порознь!

Вот и выскочил воробышек, что побойчее других, и стал так сказывать дело:

- Лев-государь, вот так и так: наш брат воробей положил уговор с твоей холопкой, мышью зубастой, жить в одном амбаре, есть из одного закрома до последнего зерна; прожили они так без мала три года, а как стал хлеб к концу подходить, мышь подпольная и слукавила - прогрызла в закроме дыру и выпустила зерно к себе в подполье; брат воробей стал ее уни-

мать, усовещивать, а она, злодейка, так его ощипала кругом, что стыдно в люди показаться. Повели, царь, мышь ту казнить, а всё зерно истцу-воробью отдать; коли же ты, государь, нас с мышью не рассудишь, так мы полетим к своему царю с челобитной!

- И давно бы так, идите к своему Орлу! - сказал Лев, потянулся и опять заснул.

Туча тучей поднялась стая воробьиная с челобитьем к Орлу на звериного царя да на его холопку-мышь. Выслушал царь Орел да как гаркнет орлиным клёкотом:

- Позвать сюда трубача!

А грач-трубач уж тут как тут, стоит перед Орлом тише воды, ниже травы.

- Труби, трубач, великий сбор моим богатырям: беркутам, соколам, коршунам, ястребам, лебедям, гусям и всему птичьему роду, чтобы клювы точили, когти вострили; будет-де вам пир на весь мир. А тому ли звериному царю разлетную грамоту неси: за то-де, что ты царь - потатчик, присяги не памятуешь, своих зверишек в страхе не держишь, наших пернатых жалоб не разбираешь, вот за то-де и подымается на тебя тьма-тьмущая, сила великая; и чтобы тебе, царю, выходить со своими зверишками на поле Арекское, к дубу Веретенскому.

Тем временем, выпавшись, проснулся Лев и, выслушав трубача-бирюча, зарыкал на все свое царство звериное. Сбежались барсы, волки, медведи,

весь крупный и мелкий зверь, и становились они у того дуба заветного.

И налетела на них туча грозная, непросветная, с вожакom своим, с царем Орлом, и билися обе рати не отдыхаячи три часа и три минуты, друг друга одолевая; а как нагрязнула запасная сила, ночная птица, пугач ли сова, тут зубастый зверь-мышь первый наутек пошел. Доложили о том докладчики звериному царю. Рассердился Лев-государь на зубастую мышь:

- Ах ты, мышь, мелюзга подпольная, из-за тебя, мелкой сошки, бился я, не жалеючи себя, а ты же первая тыл показала!

Тут велел Лев отбой бить, замиренья просить; а весь награбленный хлеб присудил воробью отдать, мышь подпольную, буде найдется, ему же, воробью,

головою выдать. Мышь не нашли, сказывают: "Сбежала-де со страху за тридевять земель, в тридесятое царство, не в наше государство".

Воробышек разжился, и стал у него что ни день, то праздник, гостей видимо-невидимо, вся крыша вплотную засажена воробьями, и чирикают они на все село былинку про мышь подпольную, про воробья богатого да про свою удаль молодецкую.

ФЕДОР ИВАНОВИЧ ТЮТЧЕВ.

ВЕСЕННИЕ ВОДЫ

Еще в полях белеет снег,
А воды уж весной шумят —
Бегут и будят сонный брег,
Бегут и блещут и гласят...
Они гласят во все концы:
«Весна идет, весна идет!
Мы молодой весны гонцы,
Она нас выслала вперед!»
Весна идет, весна идет!
И тихих, теплых, майских дней
Румяный, светлый хоровод
Толпится весело за ней.

ОСЕННИЙ ВЕЧЕР

Есть в светлости осенних вечеров
Умильная, таинственная прелесть:
Зловещий блеск и пестрота деревьев,
Багряных листьев томный, легкий шелест,
Туманная и тихая лазурь
Над грустно-сиротеющей землею,
И, как предчувствие сходящих бурь,
Порывистый, холодный ветер порою,
Ущерб, изнеможение – и на всем
Та кроткая улыбка увяданья,
Что в существе разумном мы зовем
Божественной стыдливостью страданья.

 МИХАИЛ ЛЕРМОНТОВ

БОРОДИНО

- Скажи-ка, дядя, ведь не даром
Москва, спаленная пожаром,
Французу отдана?
Ведь были ж схватки боевые,
Да, говорят, еще какие!
Недаром помнит вся Россия
Про день Бородина!

- Да, были люди в наше время,
Не то, что нынешнее племя:

Богатыри - не вы!

Плохая им досталась доля:

Немногие вернулись с поля...

Не будь на то господня воля,
Не отдали б Москвы!

Мы долго молча отступали,

Досадно было, боя ждали,

Ворчали старики:

"Что ж мы? на зимние квартиры?

Не смеют, что ли, командиры

Чужие изорвать мундиры

О русские штыки?"

И вот нашли большое поле:

Есть разгуляться где на воле!

Построили редут.

У наших ушки на макушке!

Чуть утро осветило пушки

И леса синие верхушки -

Французы тут как тут.

Забил заряд я в пушку туго

И думал: угощу я друга!

Постой-ка, брат мусью!

Что тут хитрить, пожалуй к бою;

Уж мы пойдем ломить стеною,

Уж постоим мы головою

За родину свою!

Два дня мы были в перестрелке.

Что толку в этакой безделке?

Мы ждали третий день.

Повсюду стали слышны речи:

"Пора добраться до картечи!"

И вот на поле грозной сечи

Ночная пала тень.

Прилег вздремнуть я у лафета,

И слышно было до рассвета,

Как ликовал француз.

Но тих был наш бивак открытый:

Кто кивер чистил весь избитый,

Кто штык точил, ворча сердито,

Кусая длинный ус.

И только небо засветилось,

Все шумно вдруг зашевелилось,

Сверкнул за строем строй.

Полковник наш рожден был хватом:

Слуга царю, отец солдатам...

Да, жаль его: сражен булатом,

Он спит в земле сырой.

И молвил он, сверкнув очами:

"Ребята! не Москва ль за нами?"

Умремте же под Москвой,

Как наши братья умирали!"

И умереть мы обещали,
И клятву верности сдержали
Мы в Бородинский бой.

Ну ж был денек! Сквозь дым летучий
Французы двинулись, как тучи,
И всё на наш редут.
Уланы с пестрыми значками,
Драгуны с конскими хвостами,
Все промелькнули перед нам,
Все побывали тут.

Вам не видать таких сражений!..
Носились знамена, как тени,
В дыму огонь блестел,
Звучал булат, картечь визжала,
Рука бойцов колоть устала,
И ядрам пролетать мешала
Гора кровавых тел.

Изведал враг в тот день немало,
Что значит русский бой удалый,
Наш рукопашный бой!..
Земля тряслась - как наши груди,
Смешались в кучу кони, люди,
И залпы тысячи орудий
Слились в протяжный вой...

Вот смерклось. Были все готовы
Заутра бой затеять новый

И до конца стоять...
Вот затрещали барабаны -
И отступили бусурманы.
Тогда считать мы стали раны,
Товарищей считать.

Да, были люди в наше время,
Могучее, лихое племя:
Богатыри - не вы.
Плохая им досталась доля:
Немногие вернулись с поля.
Когда б на то не божья воля,
Не отдали б Москвы!

НИКОЛАЙ АЛЕКСЕЕВИЧ НЕКРАСОВ

МОРОЗ, КРАСНЫЙ НОС
(отрывок)

Не ветер бушует над бором,
Не с гор побежали ручьи,
Мороз-воевода дозором
Обходит владенья свои.

Глядит – хорошо ли метели
Лесные тропы занесли,
И нет ли где трещины, щели
И нет ли где голой земли?

Пушисты ли сосен вершины,
Красив ли узор на дубах?
И крепко ли скованы льдины
В великих и малых водах?
Идет – по деревьям шагает,
Трещит по замерзлой воде,
И яркое солнце играет
В косматой его бороде.
Дорога везде чародею,
Чу! ближе подходит, седой.
И вдруг очутился над нею,
Над самой ее головой!
Забравшись на сосну большую,
По веточкам палицей бьет
И сам про себя удалую,
Хвастливую песню поет:

– Вглядись, молодница, смелее,
Каков воевода Мороз!
Навряд тебе парня сильнее
И краше видать привелось?
Метели, снега и туманы
Покорны морозу всегда,
Пойду на моря-окияны –
Построю дворцы изо льда.
Задумаю – реки большие
Надолго упрячу под гнет,
Построю мосты ледяные,
Каких не построит народ.
Где быстрые, шумные воды

Недавно свободно текли, —
Сегодня прошли пешеходы,
Обозы с товаром прошли.
Люблю я в глубоких могилах
Покойников в иней рядить,
И кровь вымораживать в жилах,
И мозг в голове леденить.
На горе недоброму вору,
На страх седоку и коню
Люблю я в вечернюю пору
Затеять в лесу трескотню.
Бабенки, пеняя на леших,
Домой удирают скорей.
А пьяных, и конных, и пеших
Дурачить еще веселей.
Без мелу всю выбелю рожу,
А нос запыхает огнем,
И бороду так приморожу
К вожжам — хоть руби топором!
Богат я, казны не считаю,
А всё не скудеет добро;
Я царство мое убираю
В алмазы, жемчуг, серебро.
Войди в мое царство со мною
И будь ты царицею в нем!
Поцарствуем славно зимою,
А летом глубоко уснем.
Войди! приголублю, согрею,
Дворец отведу голубой... —

И стал воевода над нею
Махать ледяной булавой.

ИВАН САВВИЧ НИКИТИН

ЗИМНЯЯ НОЧЬ В ДЕРЕВНЕ

Весело сияет
Месяц над селом;
Белый снег сверкает
Синим огоньком.

Месяца лучами
Божий храм облит;
Крест под облаками,
Как свеча, горит.

Пусто, одиноко
Сонное село;
Вьюгами глубоко
Избы занесло

Тишина немая
В улицах пустых,
И не слышно лая
Псов сторожевых.

Помоляся богу,
Спит крестьянский люд,
Позабыв тревогу
И тяжелый труд.

Лишь в одной избушке
Огонек горит:
Бедная старушка
Там больна лежит.

Думает-гадает
Про своих сирот:
Кто их приласкает,
Как она умрет.

Горемыки-детки,
Долго ли до бед!
Оба малолетки,
Разуму в них нет;

Как начнут шататься
По дворам чужим —
Мудрено ль связаться
С человеком злым!..

А уж тут дорога
Не к добру лежит:
Позабудут бога,
Потеряют стыд.

Господи, помилуй
Горемык-сирот!
Дай им разум-силу,
Будь ты им в оплот!..

И в лампадке медной
Теплится огонь,
Освещаая бледно
Лик святых икон,

И черты старушки,
Полные забот,
И в углу избушки
Дремлющих сирот.

Вот петух бессонный
Где-то закричал;
Полночи спокойной
Долгий час настал.

И бог весть отколе
Песенник лихой
Вдруг промчался в поле
С тройкой удалой,

И в морозной дали
Тихо потонул
И напев печали,
И тоски разгул.

АЛЕКСЕЙ КОНСТАНТИНОВИЧ ТОЛСТОЙ

* * *

Острою секирой ранена береза,
По коре сребристой покатались слезы;
Ты не плачь, береза, бедная, не сетуй!
Рана не смертельна, вылечится к лету,
Будешь красоваться, листьями убрана...
Лишь больное сердце не залечит раны!

АФАНАСИЙ ФЕТ

* * *

Учись у них – у дуба, у березы.
Кругом зима. Жестокая пора!
Напрасные на них застыли слезы,
И треснула, сжимаяся, кора.
Все злей метель и с каждою минутой
Сердито рвет последние листы,
И за сердце хватает холод лютый;
Они стоят, молчат; молчи и ты!
Но верь весне. Ее промчится гений,
Опять теплом и жизнью дыша.
Для ясных дней, для новых откровений
Переболит скорбящая душа.

ДМИТРИЙ МАМИН-СИБИРЯК

СЕРАЯ ШЕЙКА

I

Первый осенний холод, от которого пожелтела трава, привел всех птиц в большую тревогу. Все начали готовиться в далекий путь, и все имели такой серьезный, озабоченный вид. Да, нелегко перелететь пространство в несколько тысяч верст... Сколько бедных птиц дорогой выбьются из сил, сколько погибнут от разных случайностей, - вообще было о чем серьезно подумать.

Серьезная большая птица, как лебеди, гуси и утки, собирались в дорогу с важным видом, сознавая всю трудность предстоящего подвига; а более всех шумели, сустились и хлопотали маленькие птички, как кулички-песочники, кулички-плавунчики, чернозобики, черныши, зуйки. Они давно уже собирались стайками и переносились с одного берега на другой по отмелям и болотам с такой быстротой, точно кто бросил горсть гороху. У маленьких птичек была такая большая работа...

Лес стоял темный и молчаливый, потому что главные певцы улетели, не дожидаясь холода.

- И куда эта мелочь торопится! - ворчал старый Селезень, не любивший себя беспокоить. - В свое

время все улетим... Не понимаю, о чем тут беспокоиться.

- Ты всегда был лентяем, поэтому тебе и неприятно смотреть на чужие хлопоты, - объяснила его жена, старая Утка.

- Я был лентяем? Ты просто несправедлива ко мне, и больше ничего. Может быть, я побольше всех забочусь, а только не показываю вида. Толку от этого немного, если буду бегать с утра до ночи по берегу, кричать, мешать другим, надоедать всем.

Утка вообще была не совсем довольна своим супругом, а теперь окончательно рассердилась:

- Ты посмотри на других-то, лентяй! Вон наши соседи, гуси или лебеди, - любо на них посмотреть. Живут душа в душу... Небось лебедь или гусь не бросит своего гнезда и всегда впереди выводка. Да, да... А тебе до детей и дела нет. Только и думаешь о себе, чтобы набить зоб. Лентяй, одним словом... Смотреть-то на тебя даже противно!

- Не ворчи, старуха!.. Ведь я ничего не говорю, что у тебя такой неприятный характер. У всякого есть свои недостатки... Я не виноват, что гусь - глупая птица и поэтому нянчится со своим выводком. Вообще мое правило - не вмешиваться в чужие дела. Зачем? Пусть всякий живет по-своему.

Селезень любил серьезные рассуждения, причем оказывалось как-то так, что именно он, Селезень, всегда прав, всегда умен и всегда лучше всех. Утка давно

к этому привыкла, а сейчас волновалась по совершенно особенному случаю.

- Какой ты отец? - накинулась она на мужа. - Отцы заботятся о детях, а тебе - хоть трава не расти!..

- Ты это о Серой Шейке говоришь? Что же я могу поделать, если она не может летать? Я не виноват...

Серой Шейкой они называли свою калеку-дочь, у которой было переломлено крыло еще весной, когда подкралась к выводку Лиса и схватила утенка. Старая Утка смело бросилась на врага и отбила утенка; но одно крылышко оказалось сломанным.

- Даже и подумать страшно, как мы покинем здесь Серую Шейку одну, - повторяла Утка со слезами. - Все улетят, а она останется одна-одинешенька. Да, совсем одна... Мы улетим на юг, в тепло, а она, бедняжка, здесь будет мерзнуть... Ведь она наша дочь, и как я ее люблю, мою Серую Шейку! Знаешь, старик, останусь-ка я с ней зимовать здесь вместе...

- А другие дети?

- Те здоровы, обойдутся и без меня.

Селезень всегда старался замять разговор, когда речь заходила о Серой Шейке. Конечно, он тоже любил ее, но зачем же напрасно тревожить себя? Ну, останется, ну, замерзнет, - жаль, конечно, а все-таки ничего не поделаешь. Наконец, нужно подумать и о других детях. Жена вечно волнуется, а нужно смотреть на вещи серьезно. Селезень про себя жалел жену, но не понимал в полной мере ее материнского горя. Уж лучше было бы, если бы тогда Лиса совсем съела Се-

рую Шейку, - ведь все равно она должна погибнуть зимой.

II

Старая Утка ввиду близившейся разлуки относилась к дочери-калеке с удвоенной нежностью. Бедняжка еще не знала, что такое разлука и одиночество, и смотрела на сборы других в дорогу с любопытством новичка. Правда, ей иногда делалось завидно, что ее братья и сестры так весело собираются к отлету, что они будут опять где-то там, далеко-далеко, где не бывает зимы.

- Ведь вы весной вернетесь? - спрашивала Серая Шейка у матери.

- Да, да, вернемся, моя дорогая... И опять будем жить все вместе.

Для утешения начинавшей задумываться Серой Шейки мать рассказала ей несколько таких же случаев, когда утки оставались на зиму. Она была лично знакома с двумя такими парами.

- Как-нибудь, милая, пробьешься, - успокаивала старая Утка. - Сначала поскучаешь, а потом привыкнешь. Если бы можно было тебя перенести на теплый ключ, что и зимой не замерзает, - совсем было бы хорошо. Это недалеко отсюда... Впрочем, что же и говорить-то попусту, все равно нам не перенести тебя туда!

- Я буду все время думать о вас... - повторяла бедная Серая Шейка. - Все буду думать: где вы, что

вы делаете, весело ли вам? Все равно и будет, точно и я с вами вместе.

Старой Утке нужно было собрать все силы, чтобы не выдать своего отчаяния. Она старалась казаться веселой и плакала потихоньку ото всех. Ах, как ей было жаль милой, бедненькой Серой Шейки... Других детей она теперь почти не замечала и не обращала на них внимания, и ей казалось, что она даже совсем их не любит.

А как быстро летело время... Был уже целый ряд холодных утренников, а от инея пожелтели березки и покраснели осины. Вода в реке потемнела, и сама река казалась больше, потому что берега оголели, - береговая поросль быстро теряла листву. Холодный осенний ветер обрывал засыхавшие листья и уносил их. Небо часто покрывалось тяжелыми осенними облаками, ронявшими мелкий осенний дождь. Вообще хорошего было мало, и который день уже неслись мимо стаи перелетной птицы... Первыми тронулись болотные птицы, потому что болота уже начинали замерзать. Дальше всех оставались водоплавающие. Серую Шейку больше всех огорчал перелет журавлей, потому что они так жалобно курлыкали, точно звали ее с собой. У нее еще в первый раз сжалось сердце от какого-то тайного предчувствия, и она долго провожала глазами уносившуюся в небе журавлиную стаю.

Как им, должно быть, хорошо, - думала Серая Шейка.

Лебеди, гуси и утки тоже начинали готовиться к отлету. Отдельные гнезда соединялись в большие стаи. Старые и бывалые птицы учили молодых. Каждое утро эта молодежь с веселым криком делала большие прогулки, чтобы укрепить крылья для далекого перелета. Умные вожаки сначала обучали отдельные партии, а потом всех вместе. Сколько было крика, молодого веселья и радости... Одна Серая Шейка не могла принимать участия в этих прогулках и любовалась ими только издали. Что делать, приходилось мириться со своей судьбой. Зато как она плавала, как ныряла! Вода для нее составляла все.

- Нужно отправляться... пора! - говорили старики вожаки. - Что нам здесь ждать?

А время летело, быстро летело... Наступил и роковой день. Вся стая сбилась в одну живую кучу на реке. Это было ранним осенним утром, когда вода еще была покрыта густым туманом. Утиный косяк сбился из трехсот штук. Слышно было только кряканье главных вожаков. Старая Утка не спала всю ночь, - это была последняя ночь, которую она проводила вместе с Серой Шейкой.

- Ты держись вон около того берега, где в реку сбегает ключик, - советовала она. - Там вода не замерзнет целую зиму...

Серая Шейка держалась в стороне от косяка, как чужая... Да, все были так заняты общим отлетом, что на нее никто не обращал внимания. У старой Утки изболелось все сердце, глядя на бедную Серую Шейку.

Несколько раз она решала про себя, что останется; но как останешься, когда есть другие дети и нужно лететь вместе с косяком?..

- Ну, трогай! - громко скомандовал главный во-
жак, и стая поднялась разом вверх.

Серая Шейка осталась на реке одна и долго провожала глазами улетающий косяк. Сначала все летели одной живой кучей, а потом вытянулись в правильный треугольник и скрылись.

Неужели я совсем одна? - думала Серая Шейка, заливаясь слезами. - Лучше бы было, если бы тогда Лиса меня съела...

III

Река, на которой осталась Серая Шейка, весело катилась в горах, покрытых густым лесом. Место было глухое, и никакого жилья кругом. По утрам вода у берегов начинала замерзать, а днем тонкий, как стекло, лед таял.

Неужели вся река замерзнет? - думала Серая Шейка с ужасом.

Скучно ей было одной, и она все думала про своих улетевших братьев и сестер. Где-то они сейчас? Благополучно ли долетели? Вспоминают ли про нее? Времени было достаточно, чтобы подумать обо всем. Узнала она и одиночество. Река была пуста, и жизнь сохранялась только в лесу, где посвистывали рябчики, прыгали белки и зайцы. Раз со скуки Серая Шейка за-

бралась в лес и страшно перепугалась, когда из-под куста кубарем вылетел Заяц.

- Ах, как ты меня напугала, глупая! - проговорил Заяц, немного успокоившись. - Душа в пятки ушла... И зачем ты толчешься здесь? Ведь все утки давно улетели...

- Я не могу летать: Лиса мне крылышко перекусила, когда я еще была совсем маленькой...

- Уж эта мне Лиса!.. Нет хуже зверя. Она и до меня давно добирается... Ты берегись ее, особенно когда река покроется льдом. Как раз сцапает...

Они познакомились. Заяц был такой же беззащитный, как и Серая Шейка, и спасал свою жизнь постоянным бегством.

- Если бы мне крылья, как птице, так я бы, кажется, никого на свете не боялся!.. У тебя вот хоть и крыльев нет, так зато ты плавать умеешь, а не то возьмешь и нырнешь в воду, - говорил он. - А я постоянно дрожу со страху... У меня - кругом враги. Летом еще можно спрятаться куда-нибудь, а зимой все видно.

Скоро выпал и первый снег, а река все еще не поддавалась холоду. Все, что замерзало по ночам, вода разбивала. Борьба шла не на живот, а на смерть. Всего опаснее были ясные, звездные ночи, когда все затихало и на реке не было волн. Река точно засыпала, и холод старался сковать ее льдом сонную. Так и случилось. Была тихая-тихая звездная ночь. Тихо стоял темный лес на берегу, точно стража из великанов. Го-

ры казались выше, как это бывает ночью. Высокий месяц обливал все своим трепетным искрившимся светом. Бурлившая днем горная река присмирела, и к ней тихо-тихо подкрался холод, крепко-крепко обнял гордую, непокорную красавицу и точно прикрыл ее зеркальным стеклом. Серая Шейка была в отчаянии, потому что не замерзла только самая середина реки, где образовалась широкая полынья. Свободного места, где можно было плавать, оставалось не больше пятнадцати сажен. Огорчение Серой Шейки дошло до последней степени, когда на берегу показалась Лиса, - это была та самая Лиса, которая переломила ей крыло.

- А, старая знакомая, здравствуй! - ласково проговорила Лиса, останавливаясь на берегу. - Давненько не видались... Поздравляю с зимой.

- Уходи, пожалуйста, я совсем не хочу с тобой разговаривать, - ответила Серая Шейка.

- Это за мою-то ласку! Хороша же ты, нечего сказать!.. А впрочем, про меня много лишнего говорят. Сами наделают что-нибудь, а потом на меня и свалят... Пока - до свидания!

Когда Лиса убралась, приковылял Заяц и сказал:

- Берегись, Серая Шейка: она опять придет.

И Серая Шейка тоже начала бояться, как боялся Заяц. Бедная даже не могла любоваться творившимися кругом нее чудесами. Наступила уже настоящая зима. Земля была покрыта белоснежным ковром. Не оставалось ни одного темного пятнышка. Даже голые

березы, ольхи, ивы и рябины убрались инеем, точно серебристым пухом. А ели сделались еще важнее. Они стояли засыпанные снегом, как будто надели дорогую теплую шубу. Да, чудно, хорошо было кругом; а бедная Серая Шейка знала только одно, что эта красота не для нее, и трепетала при одной мысли, что ее полынья вот-вот замерзнет и ей некуда будет деться. Лиса действительно пришла через несколько дней, села на берегу и опять заговорила:

- Соскучилась я по тебе, уточка... Выходи сюда; а не хочешь, так я сама к тебе приду. Я не спесива...

И Лиса принялась ползти осторожно по льду к самой полынье. У Серой Шейки замерло сердце. Но Лиса не могла подобраться к самой воде, потому что там лед был еще очень тонок. Она положила голову на передние лапки, облизнулась и проговорила:

- Какая ты глупая, уточка... Вылезай на лед! А впрочем, до свидания! Я тороплюсь по своим делам...

Лиса начала приходить каждый день - проводить, не застыла ли полынья. Наступившие морозы делали свое дело. От большой полыньи оставалось всего одно окно в сажень величиной. Лед был крепкий, и Лиса садилась на самом краю. Бедная Серая Шейка со страху ныряла в воду, а Лиса сидела и зло подсмеивалась над ней:

- Ничего, ныряй, а я тебя все равно съем... Выходи лучше сама.

Заяц видел с берега, что проделывала Лиса, и возмущался всем своим заячьим сердцем:

- Ах, какая бессовестная эта Лиса... Какая несчастная эта Серая Шейка! Съест ее Лиса...

IV

По всей вероятности, Лиса и съела бы Серую Шейку, когда полынья замерзла бы совсем, но случилось иначе. Заяц все видел своими собственными ко-
сыми глазами.

Дело было утром. Заяц выскочил из своего логова покормиться и поиграть с другими зайцами. Мороз был здоровый, и зайцы грелись, поколачивая лапку о лапку. Хотя и холодно, а все-таки весело.

- Братцы, берегитесь! - крикнул кто-то.

Действительно, опасность была на носу. На опушке леса стоял сгорбленный старичок охотник, который подкрался на лыжах совершенно неслышно и высматривал, которого бы зайца застрелить.

Эх, теплая старухе шуба будет, - соображал он, выбирая самого крупного зайца.

Он даже прицелился из ружья, но зайцы его заметили и кинулись в лес, как сумасшедшие.

- Ах, лукавцы! - рассердился старичок. - Вот ужо я вас... Того не понимают, глупые, что нельзя старухе без шубы. Не мерзнуть же ей... А вы Акинтича не обманете, сколько ни бегайте. Акинтич-то похитрее будет... А старуха Акинтичу вон как наказывала: Ты, смотри, старик, без шубы не приходи! А вы сигать...

Старичок пустился разыскивать зайцев по следам, но зайцы рассыпались по лесу, как горох. Старичок порядком измучился, обругал лукавых зайцев и присел на берегу реки отдохнуть.

- Эх, старуха, старуха, убежала наша шуба! - думал он вслух. - Ну, вот отдохну и пойду искать другую...

Сидит старичок, горюет, а тут, глядь, Лиса по реке ползет, - так и ползет, точно кошка.

- Ге, ге, вот так штука! - обрадовался старичок. - К старухиной-то шубе воротник сам ползет... Видно, пить захотела, а то, может, и рыбки вздумала половить...

Лиса действительно подползла к самой полынье, в которой плавала Серая Шейка, и улеглась на льду.

Стариковские глаза видели плохо и из-за лисы не замечали утки.

Надо так ее застрелять, чтобы воротника не испортить, - соображал старик, прицеливаясь в Лису. - А то вот как старуха будет браниться, если воротник-то в дырках окажется... Тоже своя сноровка везде нужна, а без снасти и клопа не убьешь.

Старичок долго прицеливался, выбирая место в будущем воротнике. Наконец грянул выстрел. Сквозь дым от выстрела охотник видел, как что-то метнулось на льду, - и со всех ног кинулся к полынье; по дороге он два раза упал, а когда добежал до полыни, то только развел руками, - воротника как не бывало, а в полынье плавала одна перепуганная Серая Шейка.

- Вот так штука! - ахнул старичок, разводя руками. - В первый раз вижу, как Лиса в утку обратилась. Ну, и хитер зверь.

- Дедушка, Лиса убежала, - объяснила Серая Шейка.

- Убежала? Вот тебе, старуха, и воротник к шубе... Что же я теперь буду делать, а? Ну и грех вышел... А ты, глупая, зачем тут плаваешь?

- А я, дедушка, не могла улететь вместе с другими. У меня одно крылышко попорчено...

- Ах, глупая, глупая... Да ведь ты замерзнешь тут или Лиса тебя съест! Да...

Старичок подумал-подумал, покачал головой и решил:

- А мы вот что с тобой сделаем: я тебя внучкам унесу. Вот-то обрадуются... А весной ты старухе яи-

чек нанесешь да утятков выведешь. Так я говорю? Вот то-то, глупая...

Старичок добыл Серую Шейку из полыньи и положил за пазуху. А старухе я ничего не скажу, - соображал он, направляясь домой. - Пусть ее шуба с воротником вместе еще погуляет в лесу. Главное: внучки вот как обрадуются...

Зайцы все это видели и весело смеялись. Ничего, старуха и без шубы на печке не замерзнет.

КОНСТАНТИН ДМИТРИЕВИЧ УШИНСКИЙ

ПЧЕЛКИ НА РАЗВЕДКАХ

Настала весна; солнце согнало снег с полей; в пожелтевшей, прошлогодней травке проглядывали ярко-зелёные стебельки; почки на деревьях разрывались и выпускали молоденькие листочки. Вот проснулась и пчёлка от своего зимнего сна, прочистила глазки мохнатыми лапками, разбудила подруг, и выглянули они в окошечко - разведать: ушёл ли снег, и лёд, и холодный северный ветер?

Видят пчёлки, что солнышко светит ярко, что везде светло и тепло, выбрались они из улья и по-летели к яблоньке:

- Нет ли у тебя, яблонька, чего-нибудь для голодных пчёл-
лок? Мы целую зиму голодали!

- Нет, - говорит им яблонька. - Вы прилетели слишком

рано, мои цветы ещё спрятаны в почках, попробуйте у вишни.

Полетели пчёлки к вишне:

- Милая вишенка! Нет ли у тебя цветочка для голодных пчёлок?

- Наведайтесь, милочки, завтра, - отвечает им вишня. - Сегодня ещё нет на мне ни одного открытого цветочка, а когда откроются, я буду рада вам.

Полетели пчёлки к тюльпану, заглянули в пёструю головку; но не было в ней ни запаха мёду.

Печальные и голодные пчёлки хотели уже дальше лететь, как увидели под кустиком скромный синий цветочек - это была фиалочка. Она открыла пчёлкам свою чашечку, полную аромата и пахучего сока. Наелись, напились пчёлки и полетели домой - веселёшеньки.

ЧЕТЫРЕ ЖЕЛАНИЯ

Митя накатался на саночках с ледяной горы и на коньках по замёрзшей реке, прибежал домой румяный, весёлый и говорит отцу:

- Уж как весело зимой! Я бы хотел, чтобы всё зима была.

- Запиши своё желание в мою карманную книжку, - сказал отец.

Митя записал.

Пришла весна. Митя вволю набегался за пёстрыми бабочками по зелёному лугу, нарвал цветов, прибежал к отцу и говорит:

- Что за прелесть эта весна! Я бы желал, чтобы всё весна была.

Отец опять вынул книжку и приказал Мите записать своё желание.

Настало лето. Митя с отцом отправились на сенокос. Весь длинный день веселился мальчик: ловил рыбу, набрал ягод, кувыркался в душистом сене, а вечером сказал отцу:

- Вот уж сегодня я повеселился вволю! Я бы желал, чтобы лету конца не было.

И это желание Мити было записано в ту же книжку.

Наступила осень. В саду собирали плоды - румяные яблоки и жёлтые груши. Митя был в восторге и говорил отцу:

- Осень лучше всех времён года!

Тогда отец вынул свою записную книжку и показал мальчику, что он то же самое говорил и о весне, и о зиме, и о лете.

ЛЕВ НИКОЛАЕВИЧ ТОЛСТОЙ

Акула

Наш корабль стоял на якоре у берега Африки. День был прекрасный, с моря дул свежий ветер; но к вечеру погода изменилась: стало душно и точно из топленной печки несло на нас горячим воздухом с пустыни Сахары.

Перед закатом солнца капитан вышел на палубу, крикнул: "Купаться!" - и в одну минуту матросы попрыгали в воду, спустили в воду парус, привязали его и в парусе устроили купальню.

На корабле с нами было два мальчика. Мальчики первые попрыгали в воду, но им тесно было в парусе, и они вздумали плавать наперегонки в открытом море.

Оба, как ящерицы, вытягивались в воде и что было силы поплыли к тому месту, где был бочонок над якорем.

Один мальчик сначала перегнал товарища, но потом стал отставать.

Отец мальчика, старый артиллерист, стоял на палубе и любовался на своего сынишку. Когда сын стал отставать, отец крикнул ему:

- Не выдавай! Понатужься!

Вдруг с палубы кто-то крикнул: "Акула!" - и все мы увидали в воде спину морского чудовища.

Акула плыла прямо на мальчиков.

- Назад! Назад! Вернитесь! Акула! - закричал артиллерист. Но ребята не слышали его, плыли дальше, смеялись и кричали ещё веселее и громче прежнего.

Артиллерист, бледный как полотно, не шевелясь, смотрел на детей.

Матросы спустили лодку, бросились в неё и, сгибая вёсла, понеслись что было силы к мальчикам; но они были ещё далеко от них, когда акула уже была не дальше двадцати шагов.

Мальчики сначала не слышали того, что им кричали, и не видали акулы; но потом один из них оглянулся, и мы все услышали пронзительный визг, и мальчики поплыли в разные стороны.

Визг этот как будто разбудил артиллериста. Он сорвался с места и побежал к пушкам. Он повернул хобот, прилёг к пушке, прицелился и взял фитиль.

Мы все, сколько нас ни было на корабле, замерли от страха и ждали, что будет.

Раздался выстрел, и мы увидали, что артиллерист упал подле пушки и закрыл лицо руками. Что сделалось с акулой и с мальчиками, мы не видали, потому что на минуту дым застилал нам глаза.

Но когда дым разошёлся над водою, со всех сторон слышался сначала тихий ропот, потом ропот этот стал сильнее, и, наконец, со всех сторон раздался громкий, радостный крик.

Старый артиллерист открыл лицо, поднялся и посмотрел на море.

По волнам колыхалось жёлтое брюхо мёртвой акулы. В несколько минут лодка подплыла к мальчикам и привезла их на корабль.

Котёнок

Были брат и сестра – Вася и Катя; и у них была кошка. Весной кошка пропала. Дети искали её везде, но не могли найти.

Один раз они играли подле амбара и услышали – над головой кто-то мяучит тонкими голосами. Вася влез по лестнице под крышу амбара. А Катя стояла и всё спрашивала:

– Нашёл? Нашёл?

Но Вася не отвечал ей. Наконец Вася закричал ей:

– Нашёл! Наша кошка... и у неё котята; такие чудесные; иди сюда скорее.

Катя побежала домой, достала молока и принесла кошке.

Котят было пять. Когда они выросли немножко и стали вылезать из-под угла, где вывелись, дети выбрали себе одного котёнка, серого с белыми лапками, и принесли в дом. Мать раздала всех остальных котят, а этого оставила детям. Дети кормили его, играли с ним и клали с собой спать.

Один раз дети пошли играть на дорогу и взяли с собой котёнка.

Ветер шевелил солому по дороге, а котёнок играл с соломой, и дети радовались на него. Потом они нашли подле дороги щавель, пошли собирать его и забыли про котёнка.

Вдруг они услышали, что кто-то громко кричит:

“Назад, назад!” – и увидали, что скачет охотник, а впереди его две собаки увидали котёнка и хотят схватить его. А котёнок, глупый, вместо того чтобы бежать, присел к земле, сгорбил спину и смотрит на собак.

Катя испугалась собак, закричала и побежала прочь от них. А Вася, что было духу, пустился к котёнку и в одно время с собаками подбежал к нему.

Собаки хотели схватить котёнка, но Вася упал животом на котёнка и закрыл его от собак.

Охотник подскакал и отогнал собак, а Вася принёс домой котёнка и уж больше не брал его с собой в поле.

Лев и собачка

В Лондоне показывали диких зверей и за смотренье брали деньгами или собаками и кошками на корм диким зверям.

Одному человеку захотелось поглядеть зверей: он ухватил на улице собачонку и принёс её в зверинец. Его пустили смотреть, а собачонку взяли и бросили в клетку ко льву на съеденье.

Собачка поджала хвост и прижалась в угол клетки. Лев подошёл к ней и понюхал её.

Собачка легла на спину, подняла лапки и стала махать хвостиком.

Лев тронул её лапой и перевернул.

Собачка вскочила и стала перед львом на задние лапки.

Лев смотрел на собачку, поворачивал голову со стороны на сторону и не трогал её.

Когда хозяин бросил льву мяса, лев оторвал кусок и оставил собачке.

Вечером, когда лев лёг спать, собачка легла подле него и положила свою голову ему на лапу.

С тех пор собачка жила в одной клетке со львом, лев не трогал её, ел корм, спал с ней вместе, а иногда играл с ней.

Один раз барин пришёл в зверинец и узнал свою собачку; он сказал, что собачка его собственная, и попросил хозяина зверинца отдать ему. Хозяин хотел отдать, но, как только стали звать собачку, чтобы взять её из клетки, лев ошетинился и зарычал.

Так прожили лев и собачка целый год в одной клетке.

Через год собачка заболела и издохла. Лев перестал есть, а всё нюхал, лизал собачку и трогал её лапой.

Когда он понял, что она умерла, он вдруг вспрыгнул, ошетинился, стал хлестать себя хвостом по бокам, бросился на стену клетки и стал грызть засовы и пол.

Целый день он бился, метался в клетке и ревел, потом лёг подле мёртвой собачки и затих. Хозяин хотел унести мёртвую собачку, но лев никого не подпускал к ней.

Хозяин думал, что лев забудет своё горе, если ему дать другую собачку, и пустил к нему в клетку живую собачку; но лев тотчас разорвал её на куски. Потом он обнял своими лапами мёртвую собачку и так лежал пять дней.

На шестой день лев умер.

Два товарища

Шли по лесу два товарища, и выскочил на них медведь. Один бросился бежать, влез на дерево и спрятался, а другой остался на дороге. Делать было ему нечего – он упал наземь и притворился мертвым.

Медведь подошел к нему и стал нюхать: он и дышать перестал.

Медведь понюхал ему лицо, подумал, что мертвый, в отошел.

Когда медведь ушел, тот слез с дерева и смеется: «Ну что, – говорит, – медведь тебе на ухо говорил?»

«А он сказал мне, что – плохие люди те, которые в опасности от товарищей убегают».

Белка и волк

Белка прыгала с ветки на ветку и упала прямо на сонного волка. Волк вскочил и хотел ее съесть. Белка

стала просить:

- Пусти меня.

Волк сказал:

- Хорошо, я пущу тебя, только ты скажи мне, отчего вы, белки, так веселы. Мне всегда скучно, а на вас смотришь, вы там наверху всё играете и прыгаете.

Белка сказала:

- Пусти меня прежде на дерево, а оттуда тебе скажу, а то я боюсь тебя.

Волк пустил, а белка ушла на дерево и оттуда сказала:

- Тебе оттого скучно, что ты зол. Тебе злость сердце жжёт. А мы веселы оттого, что мы добры и никому зла не делаем.

АНТОН ПАВЛОВИЧ ЧЕХОВ.

КАШТАНКА

1. Дурное поведение

Молодая рыжая собака - помесь такса с дворняжкой - очень похожая мордой на лисицу, бегала взад и вперед по тротуару и беспокойно оглядывалась по сторонам. Изредка она останавливалась и, плача, приподнимая то одну озябшую лапу, то другую, старалась дать себе отчет: как это могло случиться, что она заблудилась?

Она отлично помнила, как она провела день и как в конце концов попала на этот незнакомый тротуар.

Д-ень начался с того, что ее хозяин, столяр Лука Александрыч, надел шапку, взял под мышку какую-то деревянную штуку, завернутую в красный платок, и крикнул:

- Каштанка, пойдем!

Услыхав свое имя, помесь такса с дворняжкой вышла из-под верстака, где она спала на стружках, сладко потянулась и побежала за хозяином. Заказчики Луки Александрыча жили ужасно далеко, так что, прежде чем дойти до каждого из них, столяр должен был по несколько раз заходить в трактир и подкрепляться. Каштанка помнила, что по дороге она вела себя крайне неприлично. От радости, что ее взяли гулять, она прыгала, бросалась с лаем на вагоны конно-железки, забегала во дворы и гонялась за собаками. Столяр то и дело терял ее из виду, останавливался и сердито кричал на нее. Раз даже он с выражением алчности на лице забрал в кулак ее лисье ухо, потрепал и проговорил с расстановкой:

- Чтоб... ты... из...дох... ла, холера!

Побывав у заказчиков, Лука Александрыч зашел на минутку к сестре, у которой пил и закусывал; от сестры пошел он к знакомому переплетчику, от переплетчика в трактир, из трактира к куму и т.д. Одним словом, когда Каштанка попала на незнакомый тротуар, то уже вечерело и столяр был пьян, как сапожник. Он размахивал руками и, глубоко вздыхая, бормотал:

- Во гресех роди мя мати во утробе моей! Ох, грехи, грехи! Теперь вот мы по улице идем и на фонари-

ки глядим, а как помрем - в гиене огненной гореть будем...

Или же он впадал в добродушный тон, подзывал к себе Каштанку и говорил ей:

- Ты, Каштанка, насекомое существо и больше ничего. Супротив человека ты все равно, что плотник супротив столяра...

Когда он разговаривал с нею таким образом, вдруг загремела музыка. Каштанка оглянулась и увидела, что по улице прямо на нее шел полк солдат. Не вынося музыки, которая расстраивала ей нервы, она заметалась и завывала. К великому ее удивлению, столяр, вместо того чтобы испугаться, завизжать и залаять, широко улыбнулся, вытянулся во фрунт и всей пятерней сделал под козырек. Видя, что хозяин не протестует, Каштанка еще громче завывала и, не помня себя, бросилась через дорогу на другой тротуар.

Когда она опомнилась, музыка уже не играла и полка не было. Она перебежала дорогу к тому месту, где оставила хозяина, но, увы! столяра уже там не было. Она бросилась вперед, потом назад, еще раз перебежала дорогу, но столяр точно сквозь землю провалился... Каштанка стала обнюхивать тротуар, надеясь найти хозяина по запаху его следов, но раньше какой-то негодяй прошел в новых резиновых калошах, и теперь все тонкие запахи мешались с острою каучуковою вонью, так что ничего нельзя было разобрать.

Каштанка бегала взад и вперед и не находила хозяина, а между тем становилось темно. По обе стороны улицы зажглись фонари, и в окнах домов показыва-

лись огни. Шел крупный пушистый снег и красил в белое мостовую, лошадиные спины, шапки извозчиков, и чем больше темнел воздух, тем белее становились предметы. Мимо Каштанки, заслоняя ей поле зрения и толкая ее ногами, безостановочно взад и вперед проходили незнакомые заказчики. (Все человечество Каштанка делила на две очень неравные части: на хозяев и на заказчиков; между теми и другими была существенная разница: первые имели право бить ее, а вторых она сама имела право хватать за икры.) Заказчики куда-то спешили и не обращали на нее никакого внимания.

Когда стало совсем темно, Каштанкою овладели отчаяние и ужас. Она прижалась к какому-то подъезду и стала горько плакать. Целодневное путешествие с Лукой Александрычем утомило ее, уши и лапы ее озябли, и к тому же еще она была ужасно голодна. За весь день ей приходилось жевать только два раза: покушала у переплетчика немножко клейстеру да в одном из трактиров около прилавка нашла колбасную кожицу - вот и все. Если бы она была человеком, то, наверное, подумала бы:

"Нет, так жить невозможно! Нужно застрелиться!"

2. Таинственный незнакомец

Но она ни о чем не думала и только плакала. Когда мягкий пушистый снег совсем облепил ее спину и голову и она от изнеможения погрузилась в тяжелую

дремоту, вдруг подъездная дверь щелкнула, запищала и ударила ее по боку. Она вскочила. Из отворенной двери вышел какой-то человек, принадлежащий к разряду заказчиков. Так как Каштанка взвизгнула и попала ему под ноги, то он не мог не обратить на нее внимания. Он нагнулся к ней и спросил:

- Псина, ты откуда? Я тебя ушиб? О бедная, бедная... Ну, не сердись, не сердись... Виноват.

Каштанка поглядела на незнакомца сквозь снежинки, нависшие на ресницы, и увидела перед собой коротенького и толстенького человечка с бритым пухлым лицом, в цилиндре и в шубе нараспашку.

- Что же ты скулишь? - продолжал он, сбивая пальцем с ее спины снег.

- Где твой хозяин? Должно быть, ты потерялась? Ах, бедный песик! Что же мы теперь будем делать?

Уловив в голосе незнакомца теплую, душевную нотку, Каштанка лизнула ему руку и заскулила еще жалостнее.

- А ты хорошая, смешная! - сказал незнакомец. - Совсем лисица! Ну, что ж, делать нечего, пойдем со мной! Может быть, ты и сгодишься на что-нибудь... Ну, фюйть!

Он чмокнул губами и сделал Каштанке знак рукой, который мог означать только одно: "Пойдем!" Каштанка пошла.

Не больше как через полчаса она уже сидела на полу в большой светлой комнате и, склонив голову набок, с умилением и с любопытством глядела на незнакомца, который сидел за столом и обедал. Он ел и

бросал ей кусочки... Сначала он дал ей хлеба и зеленую корочку сыра, потом кусочек мяса, полпирожка, куриных костей, и она с голодухи все это съела так быстро, что не успела разобрать вкуса. И чем больше она ела, тем сильнее чувствовался голод.

- Однако плохо же кормят тебя твои хозяева! - говорил незнакомец, глядя, с какою свирепою жадностью она глотала неразжеванные куски. - И какая ты тощая! Кожа да кости...

Каштанка съела много, но не наелась, а только опьянела от еды. После обеда она разлеглась среди комнаты, протянула ноги и, чувствуя во всем теле приятную истому, завиляла хвостом. Пока ее новый хозяин, развалившись в кресле, курил сигару, она виляла хвостом и решала вопрос: где лучше - у незнакомца или у столяра? У незнакомца обстановка бедная и некрасивая; кроме кресел, дивана, лампы и ковров, у него нет ничего, и комната кажется пустою; у столяра же вся квартира битком набита вещами; у него есть стол, верстак, куча стружек, рубанки, стамески, пилы, клетка с чижигом, лохань... У незнакомца не пахнет ничем, у столяра же в квартире всегда стоит туман и великолепно пахнет клеем, лаком и стружками. Зато у незнакомца есть одно очень важное преимущество - он дает много есть, и, надо отдать ему полную справедливость, когда Каштанка сидела перед столом и умильно глядела на него, он ни разу не ударил ее, не затопал ногами и ни разу не крикнул:

"По-ошла вон, треклятая!"

Выкурив сигару, новый хозяин вышел и через минуту вернулся, держа в руках маленький матрасик.

- Эй ты, пес, поди сюда! - сказал он, кладя матрасик в углу около дивана.

-Ложись здесь. Спи!

Затем он потушил лампу и вышел. Каштанка леглась на матрасике и закрыла глаза; с улицы слышался лай, и она хотела ответить на него, но вдруг неожиданно ею овладела грусть. Она вспомнила Луку Александрыча, его сына Федюшку, уютное местечко под верстаком... Вспомнила она, что в длинные зимние вечера, когда столяр строгал или читал вслух газету, Федюшка обыкновенно играл с нею... Он вытаскивал ее за задние лапы из-под верстака и выделывал с нею такие фокусы, что у нее зеленело в глазах и болело во всех суставах. Он заставлял ее ходить на задних лапах, изображал из нее колокол, то есть сильно дергал ее за хвост, отчего она визжала и лаяла, давал ей нюхать табаку... Особенно мучителен был следующий фокус: Федюшка привязывал на ниточку кусочек мяса и давал его Каштанке, потом же, когда она проглатывала, он с громким смехом вытаскивал его обратно из ее желудка. И чем ярче были воспоминания, тем громче и тоскливее скулила Каштанка.

Но скоро утомление и теплота взяли верх над грустью... Она стала засыпать. В ее воображении забегали собаки; пробежал, между прочим, и мохнатый старый пудель, которого она видела сегодня на улице, с бельмом на глазах и с клочьями шерсти около носа. Федюшка, с долотом в руке, погнался за пуделем, по-

том вдруг сам покрылся мохнатой шерстью, весело залаял и очутился около Каштанки. Каштанка и он добродушно понюхали друг другу носы и побежали на улицу...

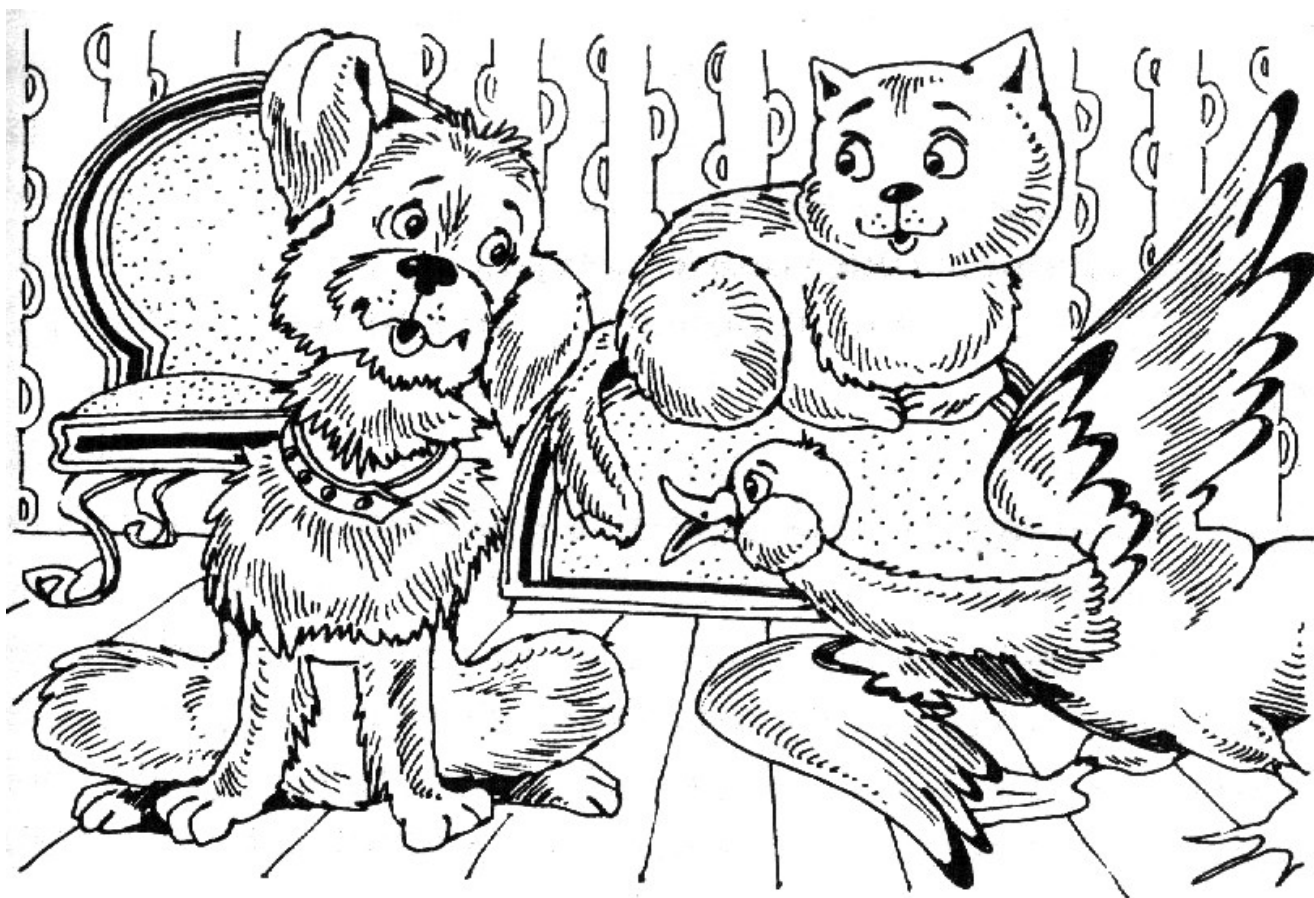
3. Новое, очень приятное знакомство

Когда Каштанка проснулась, было уже светло и с улицы доносился шум, какой бывает только днем. В комнате не было ни души. Каштанка потянулась, зевнула и, сердитая, угрюмая, прошла по комнате. Она обнюхала углы и мебель, заглянула в переднюю и не нашла ничего интересного. Кроме двери, которая вела в переднюю, была еще одна дверь. Подумав, Каштанка поцарапала ее обеими лапами, отворила и вошла в следующую комнату. Тут на кровати, укрывшись байковым одеялом, спал заказчик, в котором она узнала вчерашнего незнакомца.

- Рррр... - заворчала она, но, вспомнив про вчерашний обед, завиляла хвостом и стала нюхать.

Она понюхала одежду и сапоги незнакомца и нашла, что они очень пахнут лошадьё. Из спальни вела куда-то еще одна дверь, тоже затворенная. Каштанка поцарапала эту дверь, налегла на нее грудью, отворила и тотчас же почувствовала странный, очень подозрительный запах. Предчувствуя неприятную встречу, ворча и оглядываясь, Каштанка вошла в маленькую комнатку с грязными обоями и в страхе попятилась назад. Она увидела нечто неожиданное и страшное. Пригнув к земле шею и голову, растопылив крылья и

шипя, прямо на нее шел серый гусь. Несколько в стороне от него, на матрасике, лежал белый кот; увидев Каштанку, он вскочил, выгнул спину в дугу, задрал хвост, взъерошил шерсть и тоже зашипел. Собака испугалась не на шутку, но, не желая выдавать своего страха, громко залаяла и бросилась к коту... Кот еще сильнее выгнул спину, зашипел и ударил Каштанку лапой по голове. Каштанка отскочила, присела на все четыре лапы и, протягивая к коту морду, залилась громким, визгливым лаем; в это время гусь подошел сзади и больно долбанул ее клювом в спину. Каштанка вскочила и бросилась на гуся...

- Это что такое? - слышался громкий сердитый голос, и в комнату вошел незнакомец в халате и с сигарой в зубах. - Что это значит? На место!

Он подошел к коту, щелкнул его по выгнутой спине и сказал:

- Федор Тимофеич, это что значит? Драку подняли? Ах ты, старая каналья! Ложись!

И, обратившись к гусю, он крикнул:

- Иван Иванович, на место!

Кот покорно лег на свой матрасик и закрыл глаза. Судя по выражению его морды и усов, он сам был недоволен, что погорячился и вступил в драку. Каштанка обиженно заскулила, а гусь вытянул шею и заговорил о чем-то быстро, горячо и отчетливо, но крайне непонятно.

- Ладно, ладно! - сказал хозяин, зевая. - Надо жить мирно и дружно. Он погладил Каштанку и продолжал: - А ты, рыжик, не бойся... Это хорошая публика, не обидит. Постой, как же мы тебя звать будем? Без имени нельзя, брат.

Незнакомец подумал и сказал:

- Вот что... Ты будешь - Тетка... Понимаешь? Тетка!

И, повторив несколько раз слово "Тетка", он вышел. Каштанка села и стала наблюдать. Кот неподвижно сидел на матрасике и делал вид, что спит.

Гусь, вытягивая шею и топчась на одном месте, продолжал говорить о чем-то быстро и горячо. По-видимому, это был очень умный гусь; после каждой

длинной тирады он всякий раз удивленно пятился назад и делал вид, что восхищался своею речью... Послушав его и ответив ему: "rrrrr...", Каштанка принялась обнюхивать углы. В одном из углов стояло маленькое корытце, в котором она увидела моченый горох и размокшие ржаные корки. Она попробовала горох - невкусно, попробовала корки - и стала есть. Гусь нисколько не обиделся, что незнакомая собака поедает его корм, а напротив, заговорил еще горячее и, чтобы показать свое доверие, сам подошел к корытцу и съел несколько горошинок.

4. Чудеса в решете

Немного погодя опять вошел незнакомец и принес с собой какую-то странную вещь, похожую на ворота и на букву П. На перекладине этого деревянного, грубо сколоченного П висел колокол и был привязан пистолет; от языка колокола и от курка пистолета тянулись веревочки. Незнакомец поставил П посреди комнаты, долго что-то развязал и завязывал, потом посмотрел на гуся и сказал:

- Иван Иванович, пожалуйста!

Гусь подошел к нему и остановился в ожидательной позе.

- Ну-с, - сказал незнакомец, - начнем с самого начала. Прежде всего поклонись и сделай реверанс! Живо!

Иван Иванович вытянул шею, закивал во все стороны и шаркнул лапкой.

- Так, молодец... Теперь умри!

Гусь лег на спину и задрал вверх лапы. Проделав еще несколько подобных неважных фокусов, незнакомец вдруг схватил себя за голову, изобразил на своем лице ужас и закричал:

- Караул! Пожар! Горим!

Иван Иванович подбежал к П, взял в клюв веревку и зазвонил в колокол.

Незнакомец остался очень доволен. Он погладил гуся по шее и сказал:

- Молодец, Иван Иванович! Теперь представь, что ты ювелир и торгуешь золотом и брильянтами. Представь теперь, что ты приходишь к себе в магазин и застаешь в нем воров. Как бы та поступил в данном случае?

Гусь взял в клюв другую веревочку и потянул, отчего тотчас же раздался оглушительный выстрел. Каштанке очень понравился звон, а от выстрела она пришла в такой восторг, что забегала вокруг П и залаяла.

- Тетка, на место! - крикнул ей незнакомец. - Молчать!

Работа Ивана Ивановича не кончилась стрельбой. Целый час потом незнакомец гонял его вокруг себя на корде и хлопал бичом, причем гусь должен был прыгать через барьер и сквозь обруч, становиться на дыбы, то есть садиться на хвост и махать лапками. Каштанка не отрывала глаз от Ивана Ивановича, завывала от восторга и несколько раз принималась бегать за

ним со звонким лаем. Утомив гуся и себя, незнакомец вытер со лба пот и крикнул:

- Марья, позови-ка сюда Хавронью Ивановну!

Через минуту слышалось хрюканье... Каштанка заворчала, приняла очень храбрый вид и на всякий случай подошла поближе к незнакомцу. Отворилась дверь, в комнату поглядела какая-то старуха и, сказав что-то, впустила черную, очень некрасивую свинью. Не обращая никакого внимания на ворчанье Каштанки, свинья подняла вверх свой пяточок и весело захрюкала. По-видимому, ей было очень приятно видеть своего хозяина, кота и Ивана Ивановича. Когда она подошла к коту и слегка толкнула его под живот своим пяточком и потом о чем-то заговорила с гусем, в ее движениях, в голосе и в дрожании хвостика чувствовалось много добродушия. Каштанка сразу поняла, что ворчать и лаять на таких субъектов бесполезно.

Хозяин убрал П и крикнул:

- Федор Тимофеич, пожалуйста!

Кот поднялся, лениво потянулся и нехотя, точно делая одолжение, подошел к свинье.

- Ну-с, начнем с египетской пирамиды, - начал хозяин.

Он долго объяснял что-то, потом скомандовал: "Раз... два... три!" Иван Иванович при слове "три" взмахнул крыльями и вскочил на спину свиньи... Когда он, балансируя крыльями и шеей, укрепился на щетинистой спине, Федор Тимофеич вяло и лениво, с явным пренебрежением и с таким видом, как будто он

презирает и ставит ни в грош свое искусство, полез на спину свиньи, потом нехотя взобрался на гуся и стал на задние лапы. Получилось то, что незнакомец называл "египетской пирамидой". Каштанка взвизгнула от восторга, но в это время старик кот зевнул и, потеряв равновесие, свалился с гуся. Иван Иванович пошатнулся и тоже свалился. Незнакомец закричал, замахал руками и стал опять что-то объяснять. Провозившись целый час с пирамидой, неутомимый хозяин принялся учить Ивана Ивановича ездить верхом на коте, потом стал учить кота курить и т.п.

Учение кончилось тем, что незнакомец вытер со лба пот и вышел, Федор Тимофеич брезгливо фыркнул, лег на матрасик и закрыл глаза, Иван Иванович направился к корытцу, а свинья была уведена старухой. Благодаря массе новых впечатлений день прошел для Каштанки незаметно, а вечером она со своим матрасиком была уже водворена в комнатке с грязными обоями и ночевала в обществе Федора Тимофеича и гуся.

5. Талант! Талант!

Прошел месяц.

Каштанка уже привыкла к тому, что ее каждый вечер кормили вкусным обедом и звали Теткой. Привыкла она и к незнакомцу и к своим новым сожителям. Жизнь потекла как по маслу.

Все дни начинались одинаково. Обыкновенно раньше всех просыпался Иван Иванович и тотчас же подходил к Тетке или к коту, выгибал шею и начинал говорить о чем-то горячо и убедительно, но по-прежнему непонятно. Иной раз он поднимал вверх голову и произносил длинные монологи. В первые дни знакомства Каштанка думала, что он говорит много потому, что очень умен, но прошло немного времени, и она потеряла к нему всякое уважение; когда он подходил к ней со своими длинными речами, она уж не виляла хвостом, а третировала его, как надоедливого болтуна, который не дает никому спать, и без всякой церемонии отвечала ему: "rrrr"...

Федор же Тимофеич был иного рода господин. Этот, проснувшись, не издавал никакого звука, не шевелился и даже не открывал глаз. Он охотно бы не просыпался, потому что, как видно было, он недобливал жизни. Ничто его не интересовало, ко всему он относился вяло и небрежно, все презирал и даже, поедая свой вкусный обед, брезгливо фыркал.

Проснувшись, Каштанка начинала ходить по комнатам и обнюхивать углы.

Только ей и коту позволялось ходить по всей квартире: гусь же не имел права переступить порог комнатки с грязными обоями, а Хавронья Ивановна жила где-то на дворе в сарайчике и появлялась только во время ученья. Хозяин просыпался поздно и, напившись чаю, тотчас же принимался за свои фокусы. Каждый день в комнатку вносились П, бич, обручи, и

каждый день проделывалось почти одно и то же. Ученые продолжалось часа три-четыре, так что иной раз Федор Тимофеич от утомления пошатывался, как пьяный, Иван Иванович раскрывал клюв и тяжело дышал, а хозяин становился красным и никак не мог стереть со лба пот.

Учение и обед делали дни очень интересными, вечера же проходили скучновато. Обыкновенно вечерами хозяин уезжал куда-то и увозил с собою гуся и кота. Оставшись одна, Тетка ложилась на матрасик и начинала грустить...

Грусть подкрадывалась к ней как-то незаметно и овладевала ею постепенно, как потемки комнатой. Начиналось с того, что у собаки пропадала всякая охота лаять, бегать по комнатам и даже глядеть, затем в воображении ее появлялись какие-то две неясные фигуры, не то собаки, не то люди, с физиономиями симпатичными, милыми, но непонятными; при появлении их Тетка виляла хвостом, и ей казалось, что она их где-то когда-то видела и любила.... А засыпая, она всякий раз чувствовала, что от этих фигур пахнет клеем, стружками и лаком.

Когда она совсем уже свыклась с новой жизнью и из тощей, костлявой дворняжки обратилась в сытого, выхоленного пса, однажды, перед ученьем хозяин погладил ее и сказал:

- Пора нам, Тетка, делом заняться. Довольно тебе бить баклуши. Я хочу из тебя артистку сделать... Ты хочешь быть артисткой?

И он стал учить ее разным выходкам. В первый урок она училась стоять и ходить на задних лапах, что ей ужасно нравилось. Во второй урок она должна была прыгать на задних лапах и хватать сахар, который высоко над ее головой держал учитель. Затем в следующие уроки она плясала, бегала на корде, выла под музыку, звонила и стреляла, а через месяц могла с успехом заменять Федора Тимофеича в египетской пирамиде. Училась она очень охотно и была довольна своими успехами; беганье с высунутым языком на корде, прыганье в обруч и езда верхом на старом Федоре Тимофеиче доставляли ей величайшее наслаждение. Всякий удавшийся фокус она сопровождала звонким, восторженным лаем, а учитель удивлялся, приходил тоже в восторг и потирал руки.

- Талант! Талант! - говорил он. - Несомненный талант! Ты положительно будешь иметь успех!

И Тетка так привыкла к слову "талант", что всякий раз, когда хозяин произносил его, вскакивала и оглядывалась, как будто оно было ее кличкой.

6. Беспокойная ночь

Тетке приснился собачий сон, будто за ней гонится дворник с метлой, и она проснулась от страха.

В комнате было тихо, темно и очень душно. Ку-сались блохи. Тетка раньше никогда не боялась потемок, но теперь почему-то ей стало жутко и захотелось лаять. В соседней комнате громко вздохнул хозяин, потом немного погодя в своем сарайчике хрюкнула

свинья, и опять все смолкло. Когда думаешь об еде, то на душе становится легче, и Тетка стала думать о том, как она сегодня украла у Федора Тимофеича куриную лапку и спрятала ее в гостиной между шкафом и стеной, где очень много паутины и пыли. Не мешало бы теперь пойти и посмотреть: цела эта лапка или нет? Очень может быть, что хозяин нашел ее и скушал. Но раньше утра нельзя выходить из комнатки такое правило. Тетка закрыла глаза, чтобы поскорее уснуть, так как она знала по опыту, что чем скорее уснешь, тем скорее наступит утро. Но вдруг недалеко от нее раздался странный крик, который заставил ее вздрогнуть и вскочить на все четыре лапы.

Это крикнул Иван Иваныч, и крик его был не болтливый и убедительный, как обыкновенно, а какой-то дикий, пронзительный и неестественный, похожий на скрип отворяемых ворот. Ничего не разглядев в потемках и не поняв, Тетка почувствовала еще больший страх и проворчала:

- Рrrrrr...

Прошло немного времени, сколько его требуется на то, чтобы обглодать хорошую кость; крик не повторялся. Тетка мало-помалу успокоилась и задремала. Ей приснились две большие черные собаки с ключьями прошлогодней шерсти на бедрах и на боках; они из большой лохани с жадностью ели помой, от которых шел белый пар и очень вкусный запах; изредка они оглядывались на Тетку, скалили зубы и ворчали: "А тебе мы не дадим!" Но из дому выбежал

мужик в шубе и прогнал их кнутом; тогда Тетка подошла к лохани и стала кушать, но как только мужик ушел за ворота, обе черные собаки с ревом бросились на нее, и вдруг опять раздался пронзительный крик.

- К-ге! К-ге-ге! - крикнул Иван Иванович.

Тетка проснулась, вскочила и, не сходя с матрасика, залилась воющим лаем. Ей уже казалось, что кричит не Иван Иванович, а кто-то другой, посторонний. И почему-то в сарайчике опять хрюкнула свинья.

Но вот слышалось шарканье туфель, и в комнату вошел хозяин в халате и со свечой. Мелькающий свет запрыгал по грязным обоям и по потолку и прогнал потемки. Тетка увидела, что в комнатке нет никого постороннего. Иван Иванович сидел на полу и не спал. Крылья у него были растопырены и клюв раскрыт, и вообще он имел такой вид, как будто очень утомился и хотел пить.

Старый Федор Тимофеич тоже не спал. Должно быть, и он был разбужен криком.

- Иван Иванович, что с тобой? - спросил хозяин у гуся. - Что ты кричишь? Ты болен?

Гусь молчал. Хозяин потрогал его за шею, погладил по спине и сказал:

- Ты чужак. И сам не спишь и другим не даешь.

Когда хозяин вышел и унес с собою свет, опять наступили потемки.

Тетке было страшно. Гусь не кричал, но ей опять стало чудиться, что в потемках стоит кто-то чужой. Страшнее всего было то, что этого чужого нельзя бы-

ло укусить, так как он был невидим и в эту ночь должно непременно произойти что-то очень худое. Федор Тимофеич тоже был покоен. Тетка слышала, как он возился на своем матрасике, зевал и встряхивал головой.

Где-то на улице застучали в ворота, и в сарайчике хрюкнула свинья.

Тетка заскулила, протянула передние лапы и положила на них голову. В стуке ворот, в хрюканье не спавшей почему-то свиньи, в потемках и в тишине почудилось ей что-то такое же тоскливое и страшное, как в крике Ивана

Иваныча. Все было в тревоге и в беспокойстве, но отчего? Кто этот чужой, которого не было видно? Вот около Тетки на мгновение вспыхнули две тусклые зеленые искорки. Это в первый раз за все время знакомства подошел к ней Федор Тимофеич. Что ему нужно было? Тетка лизнула ему лапу и, не спрашивая, зачем он пришел, завывала тихо и на разные голоса.

- К-ге! - крикнул Иван Иваныч. - К-ге-ге!

Опять отворилась дверь, и вошел хозяин со свечой. Гусь сидел в прежней позе, с разинутым клювом и растопырив крылья. Глаза у него закрыты.

- Иван Иваныч! - позвал хозяин.

Гусь не шевельнулся. Хозяин сел перед ним на полу, минуту глядел на него молча и сказал:

- Иван Иваныч! Что же это такое? Умираешь ты, что ли? Ах, я теперь вспомнил, вспомнил! - вскрикнул он и схватил себя за голову. - Я знаю, отчего это! Это

оттого, что сегодня на тебя наступила лошадь! Боже мой, боже мой!

Тетка не понимала, что говорит хозяин, но по его лицу видела, что и он ждет чего-то ужасного. Она протянула морду к темному окну, в которое, как казалось ей, глядел кто-то чужой, и завывала.

- Он умирает, Тетка! - сказал хозяин и всплеснул руками. - Да, да, умирает! К вам в комнату пришла смерть. Что нам делать?

Бледный, встревоженный хозяин, вздыхая и покачивая головой, вернулся к себе в спальню. Тетке жутко было оставаться в потемках, и она пошла за ним. Он сел на кровать и несколько раз повторил:

- Боже мой, что же делать?

Тетка ходила около его ног и, не понимая, отчего это у нее такая тоска и отчего все так беспокоятся, и стараясь понять, следила за каждым его движением. Федор Тимофеич, редко покидавший свой матрасик, тоже вошел в спальню хозяина и стал тереться около его ног. Он встряхивал головой, как будто хотел вытряхнуть из нее тяжелые мысли, и подозрительно заглядывал под кровать.

Хозяин взял блюдечко, налил в него из рукомойника воды и опять пошел к гусю.

- Пей, Иван Иванович! - сказал он нежно, ставя перед ним блюдечко. Пей, голубчик.

Но Иван Иванович не шевелился и не открывал глаз. Хозяин пригнул его голову к блюдечку и окунул клюв в воду, но гусь не пил, еще шире растопырил

крылья, и голова его так и осталась лежать в блюдечке.

- Нет, ничего уже нельзя сделать! - вздохнул хозяин. - Все кончено. Пропал Иван Иванович!

И по его щекам поползли вниз блестящие капельки, какие бывают на окнах во время дождя. Не понимая, в чем дело, Тетка и Федор Тимофеич жались к нему и с ужасом смотрели на гуся.

- Бедный Иван Иванович! - говорил хозяин, печально вздыхая. - А я-то мечтал, что весной повезу тебя на дачу и буду гулять с тобой по зеленой травке. Милое животное, хороший мой товарищ, тебя уже нет! Как же я теперь буду обходиться без тебя?

Тетке казалось, что и с нею случится то же самое, то есть что и она вот так, неизвестно отчего, закроет глаза, протянет лапы, оскалит рот, и все на нее будут

смотреть с ужасом. По-видимому, такие же мысли бродили и в голове

Федора Тимофеича. Никогда раньше старый кот не был так угрюм и мрачен, как теперь.

Начинался рассвет, и в комнатке уже не было того невидимого чужого, который пугал так Тетку. Когда совсем рассвело, пришел дворник, взял гуся за лапы и унес его куда-то. А немного погодя явилась старуха и вынесла корытце.

Тетка пошла в гостиную и посмотрела за шкаф: хозяин не скушал куриной лапки, она лежала на своем месте, в пыли и паутине. Но Тетке было скучно, грустно и хотелось плакать. Она даже не понюхала лап-

ки, а пошла под диван, села там и начала скулить тихо, тонким голоском:

- Ску-ску-ску...

7. Неудачный дебют

В один прекрасный вечер хозяин вошел в комнату с грязными обоями и, потирая руки, сказал:

- Ну-с...

Что-то он хотел еще сказать, но не сказал и вышел. Тетка, отлично изучившая во время уроков его лицо и интонацию, догадалась, что он был взволнован, озабочен и, кажется, сердит. Немного погодя он вернулся и сказал:

- Сегодня я возьму с собой Тетку и Федора Тимофеича. В египетской пирамиде ты, Тетка, заменишь сегодня покойного Ивана Ивановича. Черт знает что! Ничего не готово, не выучено, репетиций было мало! Осрамимся, провалимся!

Затем он опять вышел и через минуту вернулся в шубе и в цилиндре. Подойдя к коту, он взял его за передние лапы, поднял и спрятал его на груди под шубу, причем Федор Тимофеич казался очень равнодушным и даже не потрудился открыть глаз. Для него, по видимому, было решительно все равно: лежать ли, или быть поднятым за ноги, валяться ли на матрасике, или покоиться на груди хозяина под шубой...

- Тетка, пойдем, - сказал хозяин.

Ничего не понимая и виляя хвостом, Тетка пошла за ним. Через минуту она уже сидела в санях около ног хозяина и слушала, как он, пожимаясь от холода и волнения, бормотал:

- Осрамимся! Провалимся!

Сани остановились около большого странного дома, похожего на опрокинутый супник. Длинный подъезд этого дома с тремя стеклянными дверями был освещен дюжиной ярких фонарей. Двери со звоном отворялись и, как рты, глотали людей, которые снова ли у подъезда. Людей было много, часто к подъезду подбегали и лошади, но собак не было видно.

Хозяин взял на руки Тетку и сунул ее на грудь, под шубу, где находился Федор Тимофеич. Тут было темно и душно, но тепло. На мгновение вспыхнули две тусклые зеленые искорки - это открыл глаза кот, обеспокоенный холодными жесткими лапами соседки. Тетка лизнула его ухо и, желая усесться возможно удобнее, беспокойно задвигалась, смяла его под себя холодными лапами и нечаянно высунула из-под шубы голову, но тотчас же сердито заворчала и нырнула под шубу. Ей показалось, что она увидела громадную, плохо освещенную комнату, полную чудовищ; из-за перегородок и решеток, которые тянулись по обе стороны комнаты, выглядывали страшные рожи: лошадиные, рогатые, длинноухие и какая-то одна толстая, громадная рожа с хвостом вместо носа и с двумя длинными обглоданными костями, торчащими изо рта.

Кот сипло замаяукал под лапами Тетки, но в это время шуба распахнулась, хозяин сказал "гоп!", и Федор Тимофеич и Теткою прыгнули на пол. Они уже были в маленькой комнате серыми дощатыми стенами; тут, кроме небольшого столика с зеркалом, табурета и тряпья, развешанного по углам, не было никакой другой мебели, и, вместо лампы или свечи, горел яркий всеорообразный огонек, приделанный к тумбочке, вбитой в стену. Федор Тимофеич облизал свою шубу, помятую Теткой, пошел под табурет и лег. Хозяин, все еще волнуясь, и потирая руки, стал раздеваться... Он разделся так, как обыкновенно раздевался у себя дома, готовясь лечь под байковое одеяло, то есть снял все, кроме белья, потом сел на табурет и, глядя в зеркало, начал выделять над собой удивительные штуки. Прежде всего он надел на голову парик с пробором и с двумя вихрами, похожими на рога, потом густо намазал лицо чем-то белым и сверх белой краски нарисовал еще брови, усы и румяны. Затеи его этим не кончились. Опачкавши лицо и шею, он стал облачаться в какой-то необыкновенный, ни с чем не сообразный костюм, какого Тетка никогда не видала раньше ни в домах, ни на улице. Представьте вы себе широчайшие панталоны, сшитые из ситца с крупными цветами, какой употребляется в мещанских домах для занавесок и обивки мебели, панталоны, которые застегиваются у самых подмышек; одна панталона сшита из коричневого ситца, другая из светло-желтого. Утонувши в них, хозяин надел еще ситцевую курточ-

ку с большим зубчатым воротником и с золотой звездой на спине, разноцветные чулки и зеленые башмаки...

У Тетки запестрило в глазах и в душе. От белолицей мешковатой фигуры пахло хозяином, голос у нее был тоже знакомый, хозяйский, но бывали минуты, когда Тетку мучили сомнения, и тогда она готова была бежать от пестрой фигуры и лаять. Новое место, веерообразный огонек, запах, метаморфоза, случившаяся с хозяином, - все это вселяло в нее неопределенный страх и предчувствие, что она непременно встретится с каким-нибудь ужасом, вроде толстой рожи с хвостом вместо носа. А тут еще где-то за стеной далеко играла ненавистная музыка и слышался временами непонятный рев. Одно только и успокаивало ее - это невозмутимость Федора Тимофеича. Он преспокойно дремал под табуретом и не открывал глаз, даже когда двигался табурет.

Какой-то человек во фраке и в белой жилетке заглянул в комнатку и сказал:

- Сейчас выход мисс Арабеллы. После нее - вы.

Хозяин ничего не ответил. Он вытащил из-под стола небольшой чемодан, сел и стал ждать. По губам и по рукам его было заметно, что он волновался, и Тетка слышала, как дрожало его дыхание.

- М-г Жорж, пожалуйста! - крикнул кто-то за дверью.

Хозяин встал и три раза перекрестился, потом достал из-под табурета кота и сунул его в чемодан.

- Иди, Тетка! - сказал он тихо.

Тетка, ничего не понимая, подошла к его рукам; он поцеловал ее в голову и положил рядом с Федором Тимофеичем. Засим наступили потемки... Тетка топталась по коту, царапала стенки чемодана и от ужаса не могла произнести ни звука, а чемодан покачивался, как на волнах, и дрожал...

- А вот и я! - громко крикнул хозяин. - А вот и я!

Тетка почувствовала, что после этого крика чемодан ударился о что-то твердое и перестал качаться. Послышался громкий густой рев: по ком-то хлопали, и этот кто-то, вероятно рожа с хвостом вместо носа, ревел и хохотал так громко, что задрожали замочки у чемодана. В ответ на рев раздался пронзительный, визгливый смех хозяина, каким он никогда не смеялся дома.

- Га! - крикнул он, стараясь перекрычать рев. - Почтеннейшая публика! Я сейчас только с вокзала! У меня издохла бабушка и оставила мне наследство! В чемодане что очень тяжелое - очевидно, золото... Га-а! И вдруг здесь миллион! Сейчас мы откроем и посмотрим...

В чемодане щелкнул замок. Яркий свет ударил Тетку по глазам; она прыгнула вон из чемодана и, оглушенная ревом, быстро, во всю прыть забегала

вокруг своего хозяина и залилась звонким лаем.

- Га! - закричал хозяин. - Дядюшка Федор Тимофеич! Дорогая Тетушка! Милые родственники, черт бы вас взял!

Он упал животом на песок, схватил кота и Тетку и принялся обнимать их. Тетка, пока он тискал ее в своих объятиях, мельком оглядела тот мир, в который занесла ее судьба, и, пораженная его грандиозностью, на мину-

ту застыла от удивления и восторга, потом вырвалась из объятий хозяина и от остроты впечатления, как волчок, закружилась на одном месте. Новый мир был велик и полон яркого света; куда ни взглянешь, всюду, от пола до потолка, видны были одни только лица, лица, лица и больше ничего.

- Тетушка, прошу вас сесть! - крикнул хозяин.

Помня, что это значит, Тетка вскочила на стул и села. Она поглядела на хозяина. Глаза его, как всегда, глядели серьезно и ласково, но лицо, в особенности рот и зубы, были изуродованы широкой неподвижной улыбкой. Сам он хохотал, прыгал, подергивал плечами и делал вид, что ему очень весело в присутствии тысячей лиц. Тетка поверила его веселости, вдруг почувствовала всем своим телом, что на нее смотрят эти тысячи лиц, подняла вверх свою лисью морду и радостно завывала.

- Вы, Тетушка, посидите, - сказал ей хозяин, - а мы с дядюшкой попляшем камаринского.

Федор Тимофеич в ожидании, когда его заставят делать глупости, стоял и равнодушно поглядывал по сторонам. Плясал он вяло, небрежно, угрюмо, и видно было по его движениям, по хвосту и по усам, что он глубоко презирал и толпу, и яркий свет, и хозяина, и себя... Протанцевав свою порцию, он зевнул и сел.

- Ну-с, Тетушка, - сказал хозяин, - сначала мы с вами споем, а потом попляшем. Хорошо?

Он вынул из кармана дудочку и заиграл. Тетка, не вынося музыки, беспокойно задвигалась на стуле и завывала. Со всех сторон слышались рев и аплодисменты. Хозяин поклонился и, когда все стихло, продолжал играть... Во время исполнения одной очень высокой ноты где-то наверху среди публики кто-то громко ахнул.

- Тятка! - крикнул детский голос. - А ведь это Каштанка!

- Каштанка и есть! - подтвердил пьяненький, дребезжащий тенорок. Каштанка! Федюшка, это, накажи бог, Каштанка! Фюйть!

Кто-то на галерее свистнул, и два голоса, один - детский, другой мужской, громко позвали:

- Каштанка! Каштанка!

Тетка вздрогнула и посмотрела туда, где кричали. Два лица: одно волосатое, пьяное и ухмыляющееся, другое - пухлое, краснощекое и испуганное, ударили по ее глазам, как раньше ударил яркий свет... Она

вспомнила, упала со стула и забилась на песке, потом вскочила и с радостным визгом бросилась к этим лицам. Раздался оглушительный рев, пронизанный насквозь свистками и пронзительным детским криком:

- Каштанка! Каштанка!

Тетка прыгнула через барьер, потом через чье-то плечо, очутилась в ложе; чтобы попасть в следующий ярус, нужно было перескочить высокую стену; Тетка прыгнула, но не допрыгнула и поползла назад по стене. Затем она переходила с рук на руки, лизала чьи-то руки и лица, подвигалась все выше и выше и, наконец, попала на галерку...

Спустя полчаса Каштанка шла уже по улице за людьми, от которых пахло клеем и лаком. Лука Александрыч покачивался и инстинктивно, наученный опытом, старался держаться подальше от канавы.

- В бездне греховней валяюся во утробе моей... - бормотал он. - А ты, Каштанка, - недоумение. Супротив человека ты все равно, что плотник супротив столбара.

Рядом с ним шагала Федюшка в отцовском картузе. Каштанка глядела им обоим в спины, и ей казалось, что она давно уже идет за ними и радуется, что жизнь ее не обрывалась ни на минуту.

Вспомнила она комнатку с грязными обоями, гуся, Федора Тимофеича, вкусные обеды, ученье, цирк, но все это представлялось ей теперь, как длинный, перепутанный, тяжелый сон...

Русская литература XIX века

ИВАН АЛЕКСЕЕВИЧ БУНИН

Вечер

О счастье мы всегда лишь вспоминаем.
А счастье всюду. Может быть, оно —
Вот этот сад осенний за сараем
И чистый воздух, льющийся в окно.
В бездонном небе легким белым краем
Встает, сияет облако.
Давно Слежу за ним...
Мы мало видим, знаем,
А счастье только знающим дано.
Окно открыто.
Пискнула и села
На подоконник птичка.
И от книг
Усталый взгляд я отвожу на миг.
День вечереет, небо опустело.
Гул молотилки слышен на гумне...
Я вижу, слышу, счастлив. Все во мне.

1909

Первый снег

Зимним холодом пахнуло
На поля и на леса.
Ярким пурпуром зажглись
Пред закатом небеса
Ночью буря бушевала,
А с рассветом на село,
На поля, на сад пустынный
Первым снегом понесло...
И сегодня над широкой
Белой скатертью полей
Мы простились с запоздалой
Вереницею гусей.

ПРИШВИН МИХАИЛ МИХАЙЛОВИЧ

КАПИТАН-ПАУК

Еще с вечера при луне между березами поднялся туман. Просыпаюсь я рано, с первыми лучами, и вижу, как бьются они, чтобы проникнуть в овраг сквозь туман. Все тоньше и тоньше туман, все светлее и светлее, и вот вижу: спешит-спешит паучок на березе и спускается с высоты в глубину. Тут закрепил он свою паутину и стал чего-то дожидаться. Когда солнце подняло туман, дунул ветер вдоль оврага, оторвал паутинку, и она, свертываясь, понеслась. На малюсеньком листочке, прикреплен-

ном к паутине, паучок сидел, как капитан своего корабля, и он, наверное, знал, куда и зачем ему лететь.

Рожь наливают

Рожь наливают. Жара. По вечерам солнце косыми лучами ложится на рожь. Тогда каждая полоска ржи как перина: это вышло оттого, что воде между полосками было хорошо стекать. Так на перинке со скатами рожь выходит лучше. В лучах заходящего солнца теперь каждая полоска-перина так пышна, так привлекательна, что самому на каждую хочется лечь и поспать.

КОНСТАНТИН ПАВЛОВИЧ ПАУСТОВСКИЙ **Корзина с еловыми шишками**

Композитор Эдвард Григ проводил осень в лесах около Бергена.

Все леса хороши с их грибным воздухом и шелестом листьев. Но особенно хороши горные леса около моря. В них слышен шум прибоя. С моря постоянно наносит туман, и от обилия влаги буйно разрастается мох. Он свешивается с веток зелеными прядями до самой земли.

Кроме того, в горных лесах живет, как птица пересмешник, веселое эхо. Оно только и ждет, чтобы подхватить любой звук и швырнуть его через скалы.

Однажды Григ встретил в лесу маленькую девочку с двумя косичками – дочь лесника. Она собирала в корзину еловые шишки.

Стояла осень. Если бы можно было собрать все золото и медь, какие есть на земле, и выковать из них тысячи тысяч

тоненьких листьев, то они составили бы ничтожную часть того осеннего наряда, что лежал на горах. К тому же кованые листья показались бы грубыми в сравнении с настоящими, особенно с листьями осины. Всем известно, что осиновые листья дрожат даже от птичьего свиста.

– Как тебя зовут, девочка? – спросил Григ.

– Дагни Педерсен, – вполголоса ответила девочка.

Она ответила вполголоса не от испуга, а от смущения. Испугаться она не могла, потому что глаза у Грига смеялись.

– Вот беда! – сказал Григ. – Мне нечего тебе подарить. Я не ношу в кармане ни кукол, ни лент, ни бархатных зайцев.

– У меня есть старая мамина кукла, – ответила девочка. – Когда-то она закрывала глаза. Вот так!

Девочка медленно закрыла глаза. Когда она вновь их открыла, то Григ заметил, что зрачки у нее зеленоватые и в них поблескивает огоньками листва.

– А теперь она спит с открытыми глазами, – печально добавила Дагни. – У старых людей плохой сон. Дедушка тоже всю ночь кряхтит.

– Слушай, Дагни, – сказал Григ, – я придумал. Я подарю тебе одну интересную вещь. Но только не сейчас, а лет через десять.

Дагни даже всплеснула руками.

– Ой, как долго!

– Понимаешь, мне нужно ее еще сделать.

– А что это такое?

– Узнаешь потом.

– Разве за всю свою жизнь, – строго спросила Дагни, – вы можете сделать всего пять или шесть игрушек?

Григ смутился.

– Да нет, это не так, – неуверенно возразил он. – Я делаю ее, может быть, за несколько дней. Но такие вещи не дарят маленьким детям. Я делаю подарки для взрослых.

– Я не разобью, – умоляюще сказала Дагни и потянула Грига за рукав. – И не сломаю. Вот увидите! У дедушки есть игрушечная лодка из стекла. Я стираю с нее пыль и ни разу не отколола даже самого маленького кусочка.

«Она совсем меня запутала, эта Дагни», – подумал с досадой Григ и сказал то, что всегда говорят взрослые, когда попадают в неловкое положение перед детьми:

– Ты еще маленькая и многого не понимаешь. Учись терпению. А теперь давай корзину. Ты ее едва тащишь. Я провожу тебя, и мы поговорим о чем-нибудь другом.

Дагни вздохнула и протянула Григу корзину. Она действительно была тяжелая. В еловых шишках много смолы, и потому они весят гораздо больше сосновых.

Когда среди деревьев показался дом лесника, Григ сказал:

– Ну, теперь ты добежишь сама, Дагни Педерсен. В Норвегии много денечек с таким именем и фамилией, как у тебя. Как зовут твоего отца?

– Хагеруп, – ответила Дагни и, наморщив лоб, спросила: – Разве вы не зайдете к нам? У нас сеть вышитая скатерть, рыжий кот и стеклянная лодка. Дедушка позволит вам взять ее в руки.

– Спасибо. Сейчас мне некогда. Прощай, Дагни!

Григ пригладил волосы девочки и пошел в сторону моря. Дагни, насупившись, смотрела ему вслед. Корзину она держала боком, из нее вываливались шишки.

«Я напишу музыку, – решил Григ. – На заглавном листе я прикажу напечатать: «Дагни Педерсен – дочери лесника Хагерупа Педерсена, когда ей исполнится восемнадцать лет».

* * *

В Бергене все было по-старому.

Все, что могло приглушить звуки, – ковры, портьеры и мягкую мебель – Григ давно убрал из дома. Остался только старый диван. На нем могло разместиться до десятка гостей, и Григ не решался его выбросить.

Друзья говорили, что дом композитора похож на жилище дровосека. Его украшал только рояль. Если человек был наделен воображением, то он мог услышать среди этих белых стен волшебные вещи – от рокота северного океана, что катил волны из мглы и ветра, что высвистывал над ними свою дику сагу, до песни девочки, баюкающей тряпичную куклу.

Рояль мог петь обо всем – о порыве человеческого духа к великому и о любви. Белые и черные клавиши, убегая из-под крепких пальцев Грига, тосковали, смеялись, гремели бурей и гневом и вдруг сразу смолкали.

Тогда в тишине еще долго звучала только одна маленькая струна, будто это плакала Золушка, обиженная сестрами.

Григ, откинувшись, слушал, пока этот последний звук не затихал на кухне, где с давних пор поселился сверчок.

Становилось слышно, как, отсчитывая секунды с точностью метронома, капает из крана вода. Капли твердили, что время не ждет и надо бы поторопиться, чтобы сделать все, что задумано.

Григ писал музыку для Дагни Педерсен больше месяца. Началась зима. Туман закутал город по горло. Заржавленные пароходы приходили из разных стран и дремали у деревянных пристаней, тихонько посапывая паром.

Вскоре пошел снег. Григ видел из своего окна, как он косо летел, цепляясь за верхушки деревьев.

Невозможно, конечно, передать музыку словами, как бы ни был богат наш язык.

Григ писал о глубочайшей прелести девичества и счастья. Он писал и видел, как навстречу ему бежит, задыхаясь от радости, девушка с зелеными сияющими глазами. Она обнимает его за шею и прижимается горячей щекой к его седой небритой щеке. «Спасибо!» – говорит она, сама еще не зная, за что она благодарит его.

«Ты как солнце, – говорит ей Григ. – Как нежный ветер и раннее утро. У тебя на сердце расцвел белый цветок и наполнил все твое существо благоуханием весны. Я видел жизнь. Что бы тебе ни говорили о ней, верь всегда, что она удивительна и прекрасна. Я старик, но я отдал молодежи жизнь, работу, талант. Отдал все без возврата. Поэтому я, может быть, даже счастливее тебя, Дагни.

Ты – белая ночь с ее загадочным светом. Ты – счастье. Ты – блеск зари. От твоего голоса вздрагивает сердце.

Да будет благословенно все, что окружает тебя, что прикасается к тебе и к чему прикасаешься ты, что радует тебя и заставляет задуматься»,

Григ думал так и играл обо всем, что думал. Он подозревал, что его подслушивают. Он даже догадывался, кто этим занимается. Это были синицы на дереве, загулявшие матросы из порта, прачка из соседнего дома, сверчок, снег, слетавший с нависшего неба, и Золушка в заштопанном платье.

Каждый слушал по-своему.

Синицы волновались. Как они ни вертелись, их трескотня не могла заглушить рояля.

Загулявшие матросы рассаживались на ступеньках дома и слушали, всхлипывая. Прачка разгибала спину, вытирала ладонью покрасневшие глаза и покачивала головой. Сверчок вылезал из трещины в кафельной печке и поглядывал в щелку за Григом.

Падавший снег останавливался и повисал в воздухе, чтобы послушать звон, лившийся ручьями из дома. А Золушка смотрела, улыбаясь, на пол. Около ее босых ног стояли хрустальные туфельки. Они вздрагивали, сталкиваясь друг с другом, в ответ на аккорды, долетавшие из комнаты Грига.

Этих слушателей Григ ценил больше, чем нарядных и вежливых посетителей концертов.

* * *

В восемнадцать лет Дагни окончила школу.

По этому случаю отец отправил ее в Христианию погостить к своей сестре Магде. Пускай девочка (отец считал ее еще девочкой, хотя Дагни была уже стройной девушкой, с тяжелыми русыми косами) посмотрит, как устроен свет, как живут люди, и немного повеселится.

Кто знает, что ждет Дагни в будущем? Может быть, честный и любящий, но скуповатый и скучный муж? Или ра-

бота продавщицы в деревенской лавке? Или служба в одной из многочисленных пароходных контор в Бергене?

Магда работала театральной портнихой. Муж ее Нильс служил в том же театре парикмахером.

Жили они в комнатухе под крышей театра. Оттуда был виден пестрый от морских флагов залив и памятник Ибсену.

Пароходы весь день покрикивали в открытые окна. Дядюшка Нильс так изучил их голоса, что, по его словам, безошибочно знал, кто гудит – «Нордерней» из Копенгагена, «Шотландский певец» из Глазго или «Жанна д'Арк» из Бордо.

В комнате у тетушки Магды было множество театральных вещей: парчи, шелка, тюля, лент, кружев, старинных фетровых шляп с черными страусовыми перьями, цыганских шалей, седых париков, ботфорт с медными шпорами, шпаг, вееров и серебряных туфель, потертых на сгибе. Все это приходилось подшивать, чинить, чистить и гладить.

На стенах висели картины, вырезанные из книг и журналов: кавалеры времен Людовика XIV, красавицы в кринолинах, рыцари, русские женщины в сарафанах, матросы и викинги с дубовыми венками на головах.

В комнату надо было подыматься по крутой лестнице. Там всегда пахло краской и лаком от позолоты.

* * *

Дагни часто ходила в театр. Это было увлекательное занятие. Но после спектаклей Дагни долго не засыпала и даже плакала иногда у себя в постели.

Напуганная этим тетушка Магда успокаивала Дагни. Она говорила, что нельзя слепо верить тому, что происходит на сцене. Но дядюшка Нильс обозвал Магду за это «наседкой» и сказал, что, наоборот, в театре надо верить Есему. Иначе людям не нужны были бы никакие театры. И Дани верила.

Но все же тетушка Магда настояла на том, чтобы пойти для разнообразия в концерт.

Нильс против этого не спорил. «Музыка, – сказал он, – это зеркало гения».

Нильс любил выражаться возвышенно и туманно. О Дагни он говорил, что она похожа на первый аккорд увертюры. А у Магды, по его словам, была колдовская власть над людьми. Выражалась она в том, что Магда шила театральные костюмы. А кто же не знает, что человек каждый раз, когда надевает новый костюм, совершенно меняется. Вот так оно и выходит, что один и тот же актер вчера был гнусным убийцей, сегодня стал пылким любовником, завтра будет королевским шутом, а послезавтра – народным героем.

– Дагни, – кричала в таких случаях тетушка Магда, – заткни уши и не слушай эту ужасную болтовню! Он сам не понимает, что говорит, этот чердачный философ!

Был теплый июнь. Стояли белые ночи. Концерты проходили в городском парке под открытым небом.

Дагни пошла на концерт вместе с Магдой и Нильсом. Она хотела надеть свое единственное белое платье. Но Нильс сказал, что красивая девушка должна быть одета так, чтобы выделяться из окружающей обстановки. В общем, длинная его речь по этому поводу сводилась к тому, что в белые ночи надо быть обязательно в черном и, наоборот, в темные сверкать белизной платья.

Переспорить Нильса было невозможно, и Дагни надела черное платье из шелковистого мягкого бархата. Платье это Магда принесла из костюмерной.

Когда Дагни надела это платье, Магда согласилась, что Нильс, пожалуй, прав – ничто так не оттеняло строгую бледность лица Дагни и ее длинные, с отблеском старого золота косы, как этот таинственный бархат.

– Посмотри, Магда, – сказал вполголоса дядюшка Нильс, – Дагни так хороша, будто идет на первое свидание.

– Вот именно! – ответила Магда. – Что-то я не видела около себя безумного красавца, когда ты пришел на первое свидание со мной. Ты у меня просто болтун.

И Магда поцеловала дядюшку Нильса в голову.

Концерт начался после обычного вечернего выстрела из пушки в порту. Выстрел означал заход солнца.

Несмотря на вечер, ни дирижер, ни оркестранты не включили лампочек над пультами. Вечер был настолько светлый, что фонари, горевшие в листве лип, были зажжены, очевидно, только для того, чтобы придать нарядность концерту.

Дагни впервые слушала симфоническую музыку. Она произвела на нее странное действие. Все переливы и громы оркестра вызывали у Дагни множество картин, похожих на сны.

Потом она вздрогнула и подняла глаза. Ей почудилось, что худой мужчина во фраке, объявлявший программу концерта, назвал ее имя.

– Это ты меня звал, Нильс? – спросила Дагни дядюшку Нильса, взглянула на него и сразу же нахмурилась.

Дядюшка Нильс смотрел на Дагни не то с ужасом, не то с восхищением. И так же смотрела на нее, прижав ко рту платок, тетушка Магда.

– Что случилось? – спросила Дагни.

Магда схватила ее за руку и прошептала:

– Слушай!

Тогда Дагни услышала, как человек во фраке сказал:

– Слушатели из последних рядов просят меня повторить. Итак, сейчас будет исполнена знаменитая музыкальная пьеса Эдварда Грига, посвященная дочери лесника Хагерупа Педерсена Дагни Педерсен по случаю того, что ей исполнилось восемнадцать лет.

Дагни вздохнула так глубоко, что у нее заболела грудь. Она хотела сдержать этим вздохом подступавшие к горлу слезы, но это не помогло. Дагни нагнулась и закрыла лицо ладонями.

Скачала она ничего не слышала. Внутри у нее шумела буря. Потом она наконец услышала, как поет ранним утром пастуший рожок и в ответ ему сотнями голосов, чуть вздрогнув, откликается струнный оркестр.

Мелодия росла, подымалась, бушевала, как ветер, неслась по вершинам деревьев, срывала листья, качала траву, била в лицо прохладными брызгами. Дагни почувствовала порыв воздуха, исходивший от музыки, и заставила себя успокоиться.

Да! Это был ее лес, ее родина! Ее горы, песни рожков, шум ее моря!

Стеклянные корабли пенили воду. Ветер трубил в их снастях. Этот звук незаметно переходил в перезвон лесных колокольчиков, в свист птиц, кувыркавшихся в воздухе, в ауканье детей, в песню о девушке – в ее окно любимый бросил на рассвете горсть песка. Дагни слышала эту песню у себя в горах.

Так, значит, это был он! Тот седой человек, что помог ей донести до дому корзину с еловыми шишками. Это был Эдвард Григ, волшебник и великий музыкант! И она его укоряла, что он не умеет быстро работать.

Так вот тот подарок, что он обещал сделать ей через десять лет!

Дагни плакала, не скрываясь, слезами благодарности. К тому времени музыка заполнила все пространство между землей и облаками, повисшими над городом. От мелодических волн на облаках появилась легкая рябь. Сквозь нее светили звезды.

Музыка уже не пела. Она звала. Звала за собой в ту страну, где никакие горести не могли охладить любви, где

никто не отнимает друг у друга счастья, где солнце горит, как корона в волосах сказочной доброй волшебницы.

В наплыве звуков вдруг возник знакомый голос. «Ты – счастье, – говорил он. – Ты – блеск зари!»

Музыка стихла. Сначала медленно, потом все разрастаясь, загремели аплодисменты.

Дагни встала и быстро пошла к выходу из парка. Все оглядывались на нее. Может быть, некоторым из слушателей пришла в голову мысль, что эта девушка и была той Дагни Педерсен, которой Григ посвятил свою бессмертную вещь.

«Он умер! – думала Дагни. – Зачем?» Если бы можно было увидеть его! Если бы он появился здесь! С каким стремительно бьющимся сердцем она побежала бы к нему навстречу, обняла бы за шею, прижалась мокрой от слез щекой к его щеке и сказала бы только одно слово: «Спасибо!» – «За что?» – спросил бы он. «Я не знаю... – ответила бы Дагни. – За то, что вы не забыли меня. За вашу щедрость. За то, что вы открыли передо мной то прекрасное, чем должен жить человек».

Дагни шла по пустынным улицам. Она не замечала, что следом за ней, стараясь не попадаться ей на глаза, шел Нильс, посланный Магдой. Он покачивался, как пьяный, и что-то бормотал о чуде, случившемся в их маленькой жизни.

Сумрак ночи еще лежал над городом. Но в окнах слабой позолотой уже занимался северный рассвет.

Дагни вышла к морю. Оно лежало в глубоком сне, без единого всплеска.

Дагни сжала руки и застонала от неясного еще ей самой, но охватившего все ее существо чувства красоты этого мира.

– Слушай, жизнь, – тихо сказала Дагни, – я люблю тебя.

И она засмеялась, глядя широко открытыми глазами на огни пароходов. Они медленно качались в прозрачной серой воде.

Нильс, стоявший поодаль, услышал ее смех и пошел домой. Теперь он был спокоен за Дагни. Теперь он знал, что ее жизнь не пройдет даром.

АНДРЕЙ ПЛАТОНОВ

Неизвестный цветок

(Сказка-быль)

Жил на свете маленький цветок. Никто и не знал, что он есть на земле. Он рос один на пустыре; коровы и козы не ходили туда, и дети из пионерского лагеря там никогда не играли. На пустыре трава не росла, а лежали одни старые серые камни, и меж ними была сухая мертвая глина. Лишь один ветер гулял по пустырю; как дедушка-сеятель, ветер носил семена и сеял их всюду – и в черную влажную землю, и на голый каменный пустырь. В черной доброй земле из семян рождались цветы и травы, а в камне и глине семена умирали.

А однажды упало из ветра одно семечко, и приютилось оно в ямке меж камнем и глиной. Долго томилось это семечко, а потом напилось росой, распалось, выпустило из себя тонкие волоски корешка, впились ими в камень и в глину и стало расти.

Так начал жить на свете тот маленький цветок. Не чем было ему питаться в камне и в глине; капли дождя, упавшие с неба, сходили по верху земли и не проникали до его корня, а цветок все жил и жил и рос помаленьку

выше. Он поднимал листья против ветра, и ветер утихал возле цветка; из ветра упали на глину пылинки, что принес ветер с черной тучной земли; и в тех пылинках находилась пища цветку, но пылинки были сухие. Чтобы смочить их, цветок всю ночь сторожил росу и собирал ее по каплям на свои листья. А когда листья тяжелели от росы, цветок опускал их, и роса падала вниз; она увлажняла черные земляные пылинки, что принес ветер, и разъедала мертвую глину.

Днем цветок сторожил ветер, а ночью росу. Он трудился день и ночь, чтобы жить и не умереть. Он вырастил свои листья большими, чтобы они могли останавливать ветер и собирать росу. Однако трудно было цветку питаться из одних пылинок, что выпали из ветра, и еще собирать для них росу. Но он нуждался в жизни и преодолевал терпением свою боль от голода и усталости.

Лишь один раз в сутки цветок радовался: когда первый луч утреннего солнца касался его утомленных листьев.

Если же ветер подолгу не приходил на пустырь, плохо тогда становилось маленькому цветку, и уже не хватало у него силы жить и расти.

Цветок, однако, не хотел жить печально; поэтому, когда ему бывало совсем горестно, он дремал. Все же он постоянно старался расти, если даже корни его глодали голый камень и сухую глину. В такое время листья его не могли напитаться полной силой и стать зелеными: одна жилка у них была синяя, другая красная, третья голубая или золотого цвета. Это случалось оттого, что цветку не доставало еды, и мученье его обозначалось в листьях разными цветами. Сам цветок, однако, этого не знал: он ведь был слепой и не видел себя, какой он есть.

В середине лета цветок распустил венчик вверх. До этого он был похож на травку, а теперь стал настоящим цветком. Венчик у него был составлен из лепестков простого светлого цвета, ясного и сильного, как у звезды. И, как звезда, он светился живым мерцающим огнем, и его видно было даже в темную ночь. А когда ветер приходил на пустырь, он всегда касался цветка и уносил его запах с собою.

И вот шла однажды поутру девочка Даша мимо того пустыря. Она жила с подругами в пионерском лагере, а нынче утром проснулась и заскучала по матери. Она написала матери письмо и понесла письмо на станцию,

чтобы оно скорее дошло. По дороге Даша целовала конверт с письмом и завидовала ему, что он увидит мать скорее, чем она.

На краю пустыря Даша почувствовала благоухание. Она поглядела вокруг. Вблизи никаких цветов не было, по тропинке росла одна маленькая травка, а пустырь был вовсе голый; но ветер шел с пустыря и приносил оттуда тихий запах, как зовущий голос маленькой неизвестной жизни. Даша вспомнила одну сказку, ее давно рассказывала ей мать. Мать говорила о цветке, который все грустил по своей матери – розе, но плакать он не мог, и только в благоухании проходила его грусть.

«Может, это цветок скучает там по своей матери, как я», – подумала Даша.

Она пошла в пустырь и увидела около камня тот маленький цветок. Даша никогда еще не видела такого цветка – ни в поле, ни в лесу, ни в книге на картинке, ни в ботаническом саду, нигде. Она села на землю возле цветка и спросила его:

– Отчего ты такой?

– Не знаю, – ответил цветок.

– А отчего ты на других непохожий?

Цветок опять не знал, что сказать. Но он впервые так близко слышал голос человека, впервые кто-то смотрел на него, и он не хотел обидеть Дашу молчанием.

– Оттого, что мне трудно, – ответил цветок.

– А как тебя зовут? – спросила Даша.

— Меня никто не зовет, — сказал маленький цветок, — я один живу.

Даша осмотрелась в пустыре.

— Тут камень, тут глина! — сказала она. — Как же ты один живешь, как же ты из глины вырос и не умер, маленький такой?

— Не знаю, — ответил цветок.

Даша склонилась к нему и поцеловала его в светящуюся головку.

На другой день в гости к маленькому цветку пришли все пионеры. Даша привела их, но еще задолго, не доходя до пустыря, она велела всем вздохнуть и сказала:

— Слышите, как хорошо пахнет. Это он так дышит.

Пионеры долго стояли вокруг маленького цветка и любовались им, как героем. Потом они обошли весь пустырь, измерили его шагами и сосчитали, сколько нужно привезти тачек с навозом и золою, чтобы удобрить мертвую глину.

Они хотели, чтобы и на пустыре земля стала доброй. Тогда и маленький цветок, неизвестный по имени, отдохнет, а из семян его вырастут и не погибнут прекрасные дети, самые лучшие, сияющие светом цветы, которых нету нигде.

Четыре дня работали пионеры, удобряя землю на пустыре. А после того они ходили путешествовать в другие поля и леса и больше на пустырь не приходили. Только Даша пришла однажды, чтобы проститься с ма-

леньким цветком. Лето уже кончалось, пионерам нужно было уезжать домой, и они уехали.

А на другое лето Даша опять приехала в тот же пионерский лагерь. Всю долгую зиму она помнила о маленьком, неизвестном по имени цветке. И она тотчас пошла на пустырь, чтобы проведать его.

Даша увидела, что пустырь теперь стал другой, он зарос теперь травами и цветами, и над ним летали птицы и бабочки. От цветов шло благоухание, такое же, как от того маленького цветка-труженика.

Однако прошлогоднего цветка, жившего меж камнем и глиной, уже не было. Должно быть, он умер в минувшую осень. Новые цветы были тоже хорошие; они были только немного хуже, чем тот первый цветок. И Даше стало грустно, что нету прежнего цветка. Она пошла обратно и вдруг остановилась. Меж двумя тесными камнями вырос новый цветок – такой же точно, как тот старый цвет, только немного лучше его и еще прекраснее. Цветок этот рос из середины стеснившихся камней; он был живой и терпеливый, как его отец, и еще сильнее отца, потому что он жил в камне.

Даше показалось, что цветок тянется к ней, что он зовет ее к себе безмолвным голосом своего благоухания.

СОДЕРЖАНИЕ

УСТНОЕ НАРОДНОЕ ТВОРЧЕСТВО.....	3
СКАЗКИ	
Гуси-Лебеди	
Про Змея Огнедыха.....	6
Елена-царевна и жар-птица.....	11
Чудесная водица.....	18
БЫЛИНЫ	29
Исцеление Ильи Муромца.....	29
Илья и Соловей разбойник.....	33
Приговорки.....	44
Небылицы.....	46
РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА XIX ВЕКА.....	50
Иван Андреевич Крылов.....	50
Мартышка и очки.....	50
Иван Андреевич Крылов.....	51
Стрекоза и Муравей	51
Александр Сергеевич Пушкин	
Сказка о золотом петушке	52
Антоний Погорельский	60
Чёрная курица, или подземные жители	60
Владимир Иванович Даль	103
Про мышь зубастую да про воробья богатого	103
Федор Иванович Тютчев	108
Весенние воды.....	108
Осенний вечер	109
Михаил Лермонтов.....	109
Бородино	109

Содержание

Николай Алексеевич Некрасов	113
Мороз, Красный Нос (отрывок).....	113
Иван Саввич Никитин	116
Зимняя ночь в деревне	116
Алексей Константинович Толстой.....	119
Острою секирой ранена береза	119
Афанасий Фет	119
Учись у них – у дуба, у березы.....	119
Дмитрий Мамин-Сибиряк.....	120
Серая Шейка.....	120
Константин Дмитриевич Ушинский	133
Пчелки на разведках	133
Четыре желания	134
Лев Николаевич Толстой	135
Акула.....	135
Котенок	137
Лев и собачка.....	138
Два товарища.....	140
Белка и волк.....	140
Антон Павлович Чехов	141
Каштанка.....	141
РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА XX ВЕКА	171
Иван Алексеевич Бунин.....	171
Вечер	171
Первый снег.....	172
Пришвин Михаил Михайлович.....	172
Капитан-Паук	172
Рожь наливают	173
Константин Павлович Паустовский	173
Корзина с еловыми шишками.....	173
Андрей Платонов.....	184
Неизвестный цветок	184

Учебное издание

ВОЛШЕБНЫЙ СУНДУЧОК
Хрестоматия для внеклассного и семейного чтения
1-5 классы

Составитель ЕФРЕМЕНКОВА Юлия Евгеньевна
Художник ЗАРБИ-ГАЛЬЧУК Елена Владимировна
Дизайн обложки ДАЛБУЗ Анна Николаевна

Редактор *Ю. Е. Ефременкова*
Компьютерная верстка *И. В. Романчук*

В издании использованы материалы книг ООО «ПКФ «БАО»:
Здравствуй, школа! Хрестоматия для внеклассного чтения: 1-5 классы /
Ковалева С. В., составление

Ключик в страну знаний. Хрестоматия для внеклассного чтения: 1-
5 классы / Ковалева С. В., составление

Подписано к печати с готового оригинал-макета 22.06.2010.

Формат 84x108/32. Бумага газетная.

Гарнитура SchoolBookC. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 10,08. Уч.-изд. л. 6,9.

Тираж 15 000 (1 з-д 1-3000) экз.

Заказ №9 4148 -

Общество с ограниченной ответственностью
«Производственно-коммерческая фирма «БАО»

Свидетельство о внесении субъекта издательского дела
в Государственный реестр издателей, изготовителей
и распространителей издательской продукции

серия ДК № 540 от 23.07.2001 г,

83121, г. Донецк, ул. Брюсова, 26, тел./факс (062) 381-89-49, 381-96-81

Адрес сайта в Интернете: www.bao-book.com

E-mail: baodonbass@dn.farlep.net

baoskif@dn.farlep.net

Заключение государственной санитарно-эпидемиологической
экспертизы № 05.03.02-04/20581 от 24.04.2007 г.

Магазин «Книги для всей семьи»

г. Донецк, б. Пушкина, 23, тел. (062) 349-33-19, 349-33-18, 349-33-17

Киев тел./факс (044) 455-52-53, 455-52-54

Одесса тел. (048) 741-73-10

Отпечатано с готового оригинал-макета
в ООО «Полиграфический Дом «Донецчина»

83054, г. Донецк, пр. Киевский, 48

Свидетельство о внесении субъекта издательского дела
в Государственный реестр издателей, изготовителей и распространителей
издательской продукции серия ДК № 3757 от 12.04.2010 г.

Заключение государственной санитарно-эпидемиологической
Экспертизы № 05.03.02-04/9397 от 17.02.2010 г.

Волшебный Сундучок

Хрестоматия для внеклассного
и семейного чтения

Перед вами книга для чтения, которая подарит вашему ребенку много приятных минут. Произведения, вошедшие в хрестоматию, научат ребенка быть добрым и честным, любить Родину, беречь природу и всегда поступать по совести.

На страницах издания представлены русские народные сказки, былины, приговорки и небылицы, а также стихотворения и проза замечательных русских авторов XIX–XX вв.

Материалы книги могут быть использованы для работы в классе.

1-5
КЛАССЫ

ISBN 978-966-481-480-2

9 789664 814802

Рекомендовано для чтения в течение
учебного года и на каникулах